

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

№12
1·9·2·9

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Москва, ГСП 10, Волхонка, 14. Телефон 2-38-97, 3-37-40

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1930 ГОД НА

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Второй год издания

Редакционная коллегия: С. А. Бессонов, Б. С. Борилли, Л. Н. Крицман, А. Ф. Кош, А. Леонтьев, А. С. Мендельсон, В. П. Милютин, Л. К. Мартенс, С. Л. Ронин.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В 1930 ГОДУ К ЖУРНАЛУ БУДУТ ДАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ:

- 1) „ПРЕДМЕТ И МЕТОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ“. Диспут в Коммунистической Академии, 35 печ. листов.
- 2) Трахтенберг И. А. „СОВРЕМЕННЫЙ КРЕДИТ И ЕГО ОРГАНИЗАЦИЯ“, ч. 2, Кредит и народное хозяйство, 25 печ. листов.
- 3) „ОРГАНИЗОВАННЫЙ КАПИТАЛИЗМ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ“, сборник статей и материалов, сост. Гольдштейн Ю. и Герцбах М., под ред. Варга Е. и Лапинского П., 10 печ. листов.
- 4) БИБЛИОГРАФИЯ ПО ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ, 8 печ. листов.

Цена за 4 книги по подписке — 12 руб.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Без приложений на 1 год — 12 р. III На $\frac{1}{2}$ года — 6 рублей 50 копеек.

С приложениями на 1 год — 24 руб.

ЗАКАЗЫ И ПОДПИСКУ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ:

МОСКВА, ГСП 10, ВОЛХОНКА, 14.

ИЗДАТЕЛЬСТВУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ПОДПИСКА НА 1929 ГОД ПРЕКРАЩЕНА

ВВИДУ ПОЛНОГО ИСЧЕРПАНИЯ ТИРАЖА

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 12

1929

„ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ“
(39) тип. „Мосполиграф“;
пр. Скворцова-Степанова.Зак.401
Главлит А — 59.441. ИКА 660.
Статформат Б₅ (176 × 250).
Печ. листов 11. Тираж 4000 экз.

М. Смит

ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКИХ КАДРОВ¹.

Мы живем в период реконструкции. Нет ни одной проблемы советской работы и советского строительства, которая могла бы быть решена вне этого основного решающего фактора. Все, что мы делаем, мы должны делать так, чтобы обслуживать ход и темп реконструкции. И это особенно важно в связи с той переоценкой ценностей, которая имеет теперь место по отношению к вузам и кадрам.

Правда, наибольший поворот, наибольший упор в этом отношении был сделан по линии вузов, подготовляющих кадры реконструкторов техники. Экономическое образование осталось несколько в тени, а экономические вузы переживали некоторый кризис. Прежде всего, не было ясно содержание понятия «экономист», точнее, экономист, которого готовят для практической работы. Много лет с упорством, терпением, но, к сожалению, без достаточной четкости и ясности обсуждается этот вопрос по всевозможным комиссиям. Но, увы, чего стоит комиссияная проработка, которая суммирует все и всяческие мнения, которая не исходит из ясной теоретической постановки вопроса?! Учет общественного мнения и ползучий эмпиризм — это не одно и то же. И, повидимому, в наркомпросовских инстанциях эти две вещи упорно смешивали.

Прошел ноябрьский пленум ЦК. По партийной линии дана была отчетливая директива о пересмотре работы экономических вузов, а это обязывает наркомпросовские органы вплотную заняться вопросом. Созывается комиссия за комиссией, в них приходят представители от ведомств и руководящие работники экономических вузов, и, как из рога изобилия сыплются все и всяческие мнения. Однако большинство мнений высказывается не с точки зрения потребностей советского общества в целом в переживаемую нами эпоху, а с точки зрения отдельных узких мест или спроса на отдельные конкретные специальности. Слов нет, — работник нашего времени должен быть при всяких обстоятельствах специалистом в какой-нибудь области в самом высоком смысле этого слова. Но не специалистом типа узкого исполнителя, не специалистом-ремесленником, способным действовать только по указке, а специалистом-творцом, специалистом, работником реконструкции, а это как раз не принималось во внимание. И так как выражение всяческих мнений без четкой установки, без определенной системы — это совсем еще не советская демократия, то в результате получилось большое коммиссионерство, еще больший эмпиризм и очень малый результат. В самом деле, на комиссиях представители ведомств требовали, чтобы экономические вузы воспитывали специалистов

¹ Считал вопрос об экономических кадрах чрезвычайно важным, редакция открывает статью т. Смит обсуждение данной проблемы.

по работе в ТНВ, по учету, по бухгалтерии, по кишечному рынку (этот замечательный «специалист по кишечному рынку» уже больше года, как фигурирует на разных заседаниях) и даже по стенографии. И лишь немногие товарищи говорили о плановиках, не плановиках внутри определенной области, а о плановиках народнохозяйственного масштаба в целом, — тех, кто должен установить пропорциональность частей народного хозяйства, исчислить народный доход и т. д. и т. д. Обе стороны плохо понимали друг друга, и было неясно, что исключаящая постановка здесь вообще неприемлема, что тщательно продуманная система экономического образования должна охватить разные стороны народнохозяйственного бытия. Далее, стал вопрос о разграничении между отраслевым специалистом по сельскому хозяйству, промышленности, транспорту и т. д. и функциональным — плановиком, организатором, рационализатором, статистиком и т. д. Вопрос о сочетании двух типов экономистов действительно вопрос не простой, но так как никакой предварительной проработки его не было, теоретические положения, материалы, цифры, исчисление потребностей — все это блестяще отсутствовало, то, конечно, каждый говорил о том, что ему было больше всего близко, и неясности все возрастали.

Однако для практической жизни вопрос стоит неотложно. Наспех составленные резолюции, итог комиссионерства, а не итог серьезной работы и серьезнейшего учета общественного мнения и сколько-нибудь углубленного анализа положения, — надолго нас выручить не могут. Проработка вопроса стоит на очереди, и в ней намечается ряд проблем.

1. ПРОБЛЕМА ТЕМПА

На чем основаны теперешние цифры приема в экономические вузы и самое количество этих вузов? Боюсь, что ни один человек ни в Наркомпросе, ни в экономических вузах, ни в экономических наркоматах никакого обоснования существующим цифрам дать не может. Разве что привести аргумент о недостаточности материальных средств: мол, больше денег не отпускал Наркомфин, и вот по одежке протягивай ножки. По одежке, а не по потребностям. В самом деле, методология учета этих потребностей оставалась неясной всем ведомствам, вплоть до самого ЦСУ. Пишущей эти строки вспоминается одно заседание в 1924 г., где один видный статистик-плановик вычислял на прикидку потребности в специалистах в одной конкретной области экономики, исходя из физической амортизации, т. е. фактического вымирания старых работников. О смелой, решительной замене старых кадров новыми тогда еще не стоял вопрос. Молодые работники допускались лишь с большой умеренностью и аккуратностью, иногда по годам мариновались на второстепенных работах, а незаменимые старые специалисты считали ответственные должности в учреждениях и предприятиях чем-то в роде своих вотчин. Но вот в 1928 г. пронеслась гроза шахтинского дела. Общественное мнение всполошилось, старый специалист предстал пред нами совсем в другом свете. Июльский пленум ЦК дал четкое категорическое оформление вопросу; вопрос о молодом специалисте, о том, кто вырос из советской действительности, развивался на советской почве, — властно стал в порядок дня. Правда, тогдашние правоуклонистические настроения в профсоюзах до известной степени смазывали вопрос чересчур формальным к нему подходом. Но такой подход был быстро изжит, и в настоящее время перед нами во весь рост стоит задача замещения специалистов не по темпу их физической амортизации, а по темпу их моральной

амортизации. Условия нашей жизни таковы, что моральное обесценение людей наступает гораздо быстрее, чем раньше, если только эти люди не умеют целиком и полностью переработать свою психологию, свое мировоззрение, выработать в себе чуткость к новому бытию и способность к быстрой реакции на события.

Нет никакого сомнения, что довольно значительный процент серьезных ученых и крупных специалистов своего дела идет именно по этому пути — целиком впитывает в себя эпоху революции, выходит из своей старой оболочки чиновника и госаппаратчика. Однако таких только известный процент. Массовый перелом в психологии, массовое перевоспитание здесь вряд ли возможно в том темпе и с такой быстротой, с какой это сейчас необходимо. Эта невозможность быстрого перелома есть явление не одного только психологического порядка, — его следует отнести к категории явлений социально-обусловленных. В самом деле, служба в госаппарате была тем прибежищем, куда бросился после революции целый ряд элементов: чиновников старого государства, научных работников старого типа, служащих в аппарате предприятий промышленных, страховых, торговых и т. д., и часть владельцев и управляющих этих предприятий. Для всех них участие в госаппарате гарантировало относительно привилегированное положение, относительно большой оклад, вообще все то, что создавало и в нашем строе иллюзию господствующего положения. Основным социальным стимулом для них при работе в госаппарате была не работа для торжества революции и строительства социализма, а социальное приспособление и нередко и социальное укрывательство. Отсюда и то окостенение методов работы госаппарата, с которым так борется РКП. Отсюда постоянные стремления доказать объективную полезность для государства и общества работ, субъективно ценных лишь для отдельных лиц или групп лиц. Конечно все это не исключает того факта, что определенные категории этой группы могут исправно работать, не быть вредителями и даже быть социально-полезными людьми. Но искать здесь способности к освоению быстрого темпа роста и всех требований реконструктивного периода в большом масштабе не приходится.

Ясно, что в некоторой части госаппарата моральная амортизация наступает очень быстро или уже наступила. Помимо социальной обусловленности такой амортизации имеется еще налицо и специфичность подготовки. В области экономического строительства работать может только тот, кто хорошо освоил метод Маркса и Ленина. Освоения же этих методов высшая школа дореволюционного периода не давала. Маркса и Ленина учили и осваивали в тюрьме, в ссылке, на нелегальной работе, но не в императорских университетах. Ни для кого не секрет, что многие экономисты наших учреждений стали знакомиться с Марксом лишь в очень недавний период.

Итак, отсутствие марксистско-ленинской школы и отсутствие предпосылок для работы реконструктивного порядка, для борьбы с тенденцией к окостенению — вот те моменты, которые характеризуют определенную часть нашего госаппарата.

В первый период советского строя, пока еще не было благоприятных условий для создания новых своих советских специалистов, — советских не по вывеске, а по содержанию, — мы поневоле подходили без достаточной критики к специалисту-госаппаратчику. Но это время прошло. То, что был приемлемо для восстановительного периода, никуда не годится для реконструктивного. Моральная амортизация осознается, потребность быстрой замены значительной части старых специалистов молодыми должна

быть остро осознана, а недостаточный темп воспитания новых экономистов, недостаточно большая цифра приема их в экономические вузы, недостаточно большое количество последних, есть не что иное, как правый уклон на практике. Правда, здесь приходится принять во внимание и вопрос о материальных ресурсах, но подход к материальным ресурсам не должен быть деляческим подходом. Материальные ресурсы не должны определять установку, наоборот, установка должна определить распределение материальных ресурсов. Печальной памяти пятилетка Наркомпроса, где была большая балерина и маленький инженер, должна отойти в область предания. При новом руководстве от Наркомпроса можно ждать и требовать иных подходов и иной настойчивости в борьбе за темпы роста новых специалистов.

Для воспитания того количества новых специалистов, которое необходимо к концу пятилетки, остается только три года, ибо текущий академический год уже на ущербе. Но за эти три года пора перейти от эмпирики к обоснованной работе, пора громко заявить такие требования, чтобы к концу пятилетки молодые специалисты составляли не меньше 50% нашего госаппарата. Конечно по каждой отдельной специальности норма замены будет различна. Конкретно это можно проработать только со специальным материалом в руках. Но установка должна быть на учет моральной амортизации, на замену более или менее добросовестного чиновника-исполнителя теми, кто должен строить социализм в советской стране.

2. КАЧЕСТВО НОВОГО ЭКОНОМИСТА

Кем он должен быть, этот новый экономист, которого ждут на предприятиях и в учреждениях? Товароведом, узко оперативным специалистом, шибко грамотным марксистом, реконструктором-организатором или еще чем-нибудь?

При обсуждении этих вопросов вновь и вновь упорно поднимался вопрос о так называемом инженере-экономисте. Часть товарищей приходила на заседания комиссий с этим термином вместо директивы и ни при каких условиях не хотела им поступиться. При этом понятие экономиста так видоизменилось и трансформировалось, что от него не осталось ничего. В самом деле, в реконструктивный период работа по осуществлению строительства будет состоять из бесчисленного количества отдельных реконструктивных актов по отдельным отраслям промышленности, сельского хозяйства, транспорта и т. д., отдельным типам машин, отдельным видам продуктов и т. д. и т. д. Эти отдельные акты оперативной реконструкции находятся всегда в руках инженеров той или иной отдельной специальности. Однако для объединения или увязки всех этих реконструктивных актов, даже в пределах отдельной отрасли хозяйства, необходим экономист, осмысливающий экономическую природу всех отдельных реконструктивных приемов, определяющий темп расширенного воспроизводства и характер капитальных вложений. Конечно экономист должен быть знаком с элементами техники. В технике мы на каждом шагу имеем дело с понятием экономичности, коэффициента полезного действия и ряда других понятий, связанных с максимальной экономией в использовании труда и постоянного капитала. Однако обобщение всех этих отдельных конкретных моментов экономии есть дело экономиста.

Лучшим примером и лучшим доказательством этого является целый яд глав из «Капитала» Маркса и в особенности такие главы, как «Эко-

номия на постоянном капитале» в III томе «Капитала» или «Машины и крупное производство» в I томе «Капитала». Когда читаешь во II томе пятилетнего плана те немногочисленные страницы, которые посвящены экономике реконструкции промышленности, то невольно чувствуешь, что эта экономика была не предпосылкой отдельных технических моментов плана, а всего только их сводкой. Есть там, правда, и некоторые принципиальные моменты, в частности положение о расширенном воспроизводстве, есть и кое-какие общие положения, как например использование отбросов производства и т. д. Но какими анемичными кажутся эти экономические построения по сравнению хотя бы с главой Маркса «Экономия на постоянном капитале». А анализ расширенного воспроизводства ограничивается короткой цитатой из Ленина, в которой Ленин для своих целей излагает Маркса. Конечно пятилетний план в последней разработке сделал большой шаг вперед постольку, поскольку в нем есть уже техника, а не только одна статистика, вернее, не только экстраполяция статистических рядов. Однако обобщающей, сильной экономической установкой, освещающей проектируемое советское строительство, в нем еще пока недостаточно, а то, что в нем есть,—не слишком полнокровно. Недостаточно разработана и экономика отдельных отраслей промышленности. А без такой экономики вряд ли удастся построить удовлетворительный генеральный план.

Итак, экономист должен знать элементы техники, как знал и умел их использовать Маркс, как знал и умел направить дело электрификации Ленин, и все-таки экономист должен оставаться экономистом, независимо от того, работает ли он на фабрике или в Госплане. Там же, где нужен инженер-техник в собственном смысле слова, экономист заменить его не сможет.

Остается еще одна легенда о так называемом коммерческом инженере, или инженере-товароведе. Конечно в области обмена и в особенности внешней торговли очень нужны технически грамотные товароведы или экономически грамотные технологи. Однако экономист, работающий в области обмена, какую бы узкоделовую функцию он там ни выполнял, не должен быть воспитан в деляческом духе, ибо и организация обмена в наше время требует не насквозь пропитанного делячеством «коммерческого инженера» (термин капиталистических предприятий), а экономиста, понимающего всю совокупность социально-экономических отношений, определяющих у нас формы обмена. Наши организаторы обмена на одном коммерческом инженере далеко не уедут. Так же, как экономист, работающий в ТНБ фабрики или завода, этот работник должен исходить не только из знания технологических процессов и продуктов, нормировки труда и тарификации, а из обобщающих представлений об экономике фабрично-заводского предприятия. И здесь с делячеством далеко не уедешь.

Мало сказать: «с делячеством далеко не уедешь», следует сказать: и тут узко деляческое воспитание—вредная вещь, граничащая с правым уклоном на практике; в реконструктивный период, в эпоху невиданно быстрых темпов, в эпоху, когда нужно догнать и перегнать наиболее высоко развитые капиталистические страны, делячество—страшная вещь. Это недостаточно понимают, это недостаточно сознают. Представители ведомств настаивают, представители Наркомпроса штампуют. Крепкая специализация ничего общего с делячеством не имеет и не должна иметь, ибо крепкий специалист—это специалист на широкой основе, специалист, анализирующий, не рабски воспринимающий действительность, а критикующий ее. Высшая школа советской экономики должна воспитывать не

только исполнителя, а творческого работника, того, кто на всех фронтах и участках экономической работы будет стремиться к скорейшему осуществлению директив пленума ЦК, к решительной реорганизации форм и методов советской работы. Работник ТНБ и работник по рынку кишечных товаров одинаково должны понимать сущность экономического развития промышленности и торговли, новые формы производственной работы, производственных и социально-экономических отношений. Без четкой установки на такого специалиста эпохи реконструкции высшая экономическая школа никогда не даст нужных советской действительности экономистов.

3. ОТРАСЛЕВАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ

Несомненно, что современная экономика требует экономистов большой и крепкой специализации, причем эта специализация должна быть и отраслевой, и функциональной, — вернее, функциональной в пределах отраслевой. Человек должен быть сначала специалистом по конкретной отрасли хозяйства или советской работы, а уже внутри этой отрасли становиться плановиком, рационализатором и т. д., за исключением, конечно, той специальной отрасли работы, которая является планированием народного хозяйства в целом.

За последнее время в нашей практической действительности стали расти, как грибы, так называемые функциональные специалисты, и в особенности «организаторы» и «рационализаторы». Был человек безработным, не имел себе применения, а потом вдруг стал рационализатором текстильной промышленности или мукомольного дела или еще чем-нибудь в этом роде. Выходило так, что для того, чтобы рационализировать текстильное производство, знание экономики и техники текстильного дела не обязательно. Сколько уж вреда принесли эти беспредметные рационализаторы! Был еще период увлечения беспредметными специалистами по организациям. Есть еще охотники до административной техники, хотя на самом деле вся эта административная техника большею частью дальше канцелярского дела не идет. Думается, что в дальнейшем такая функциональная специализация должна перейти к людям, специально для нее воспитываемым, подготовляемым, и что отраслевые вузы — сельскохозяйственные, промышленные, торговые и т. д. — должны иметь свои внутренние функциональные подразделения, ибо первое условие рациональной работы по рационализации или организации предприятий — это знание экономики данной отрасли, экономики и элементов техники. Если нам не нужны узкие специалисты деляческого характера, вроде пресловутого коммерческого инженера или специалиста по кишечному рынку, то нам нужны крепко подкованные специалисты, хорошо знающие свою отрасль хозяйства и потому и постольку могущие специализироваться в ней и в функциональном направлении, сделаться товароведом, нормировщиками, калькуляторами, рационализаторами и даже плановиками. Попытка создать за три месяца всякого рода беспредметных спецов по технике управления, по канцелярской рационализации и пр. должна быть бесповоротно осуждена. Специализированный экономический вуз должен готовить специалистов этого типа от нормировщика до плановика включительно. Метод не может быть оторван от материи, от конкретного знания определенной отрасли; мыслить себе функционального специалиста вне конкретного знания данной отрасли хозяйства — это значит впадать в вульгарный идеализм, в беспочвенные организационные построения; на

практике это почти всегда выливается в нудные общие разговоры, в неумение подойти к делу, в бесконечную канцелярскую волокиту. Еще и еще раз: нам нужен экономист на широкой базе, но нам нужен и крепко и правильно специализированный экономист, знающий живую материю в той отрасли работы, которую он призван организовывать, нормировать, планировать и т. д.

Как далеко может зайти отраслевая и функциональная специализация? Само собой разумеется, что насаждение этой специализации до слишком узких пределов привело бы нас к абсурду. Как отраслевая, так и функциональная специализация должны базироваться на важнейших, на преимущественных отраслях народного хозяйства. Внутри такой широкой отрасли, как промышленность или торговля, конечно, можно и должно мыслить себе более узкие подотраслевые специальности, как металл, текстиль и т. д. Но не слишком узкие и не слишком дробные специальности: необходима подготовка не особого специалиста для каждого случая жизни, а специалиста, умеющего легко подойти к новым специальным проблемам, выдвигаемым практикой.

4. ПЛАНОВИК-СИНТЕТИК

В пределах отдельных отраслей деление по функциональным разделам должно включать, конечно, и специалиста по планированию. Таким образом плановик-промышленник должен обучаться на факультете промышленной экономики, плановик-сельскохозяйственник — в каком-нибудь сельскохозяйственном вузе и т. д. Однако будущий работник народнохозяйственного плана должен обучаться на специальном факультете, и целевой установкой такого факультета должна быть методология планирования, как таковая, наряду с методологией изучения народнохозяйственного организма в целом. Для того, чтобы приготовить специалистов, изучающих реконструкцию народного хозяйства в целом, воспроизводство средств производства во всем народном хозяйстве, национальный доход и т. д., нужно быть не специалистом-отраслевиком, а экономистом-синтетиком. Планирование в наших условиях является одной из важнейших функций советской работы, обобщающей функцией, а не специальной функцией, и в качестве таковой планирование должно быть выдвинуто в самостоятельную специальность, с самостоятельной подготовкой. Это тем более важно и потому, что наука планирования и методология планирования находятся совсем еще в зачаточном состоянии и, может быть, не совсем еще свободны от буржуазных извращений. К большинству вопросов народнохозяйственного масштаба мы даже еще не имеем подхода, не знаем, как за них взяться. Мы еще не знаем, как приложить к делу марксовское наследие в этом направлении или как, например, реализовать указание Ленина Бухарину о том, что политическая экономия будет существовать «даже и в чистом коммунизме, хотя бы отношение $I (v + m)$ к II с и накопление» (см. XI «Ленинский сборник») или как, например, конкретизировать применительно к современным условиям утверждение Маркса, что по «уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости попрежнему продолжает господствовать в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными отраслями производства, наконец, бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было²».

² «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 49.

К проблемам плановости народнохозяйственного масштаба тесно примыкают проблемы народнохозяйственной статистики и ее методологии. Поэтому основные вопросы методологии статистического учета в плановом хозяйстве и методологию важнейших статистических обобщений надо изучать там же и так же, как и науку планирования. Работник оперативной статистики, например, статистик-кооператор может быть подготовлен в кооперативном вузе или факультете, статистик-плановик, организующий синтетические статистические исследования как по важнейшим отраслевым разрезам, так и по народному хозяйству в целом, должен быть подготовлен на плановом факультете. Для того, чтобы исчислить то отношение, о котором писал Ленин— $I(v + m)$ к IIc или сделать ряд иных аналогичных исчислений, нужно быть статистиком иного типа, чем статистик, сидящий на фабрике и заводе, заполняющий бланки и дающий на основе их необходимые справки директору. Последний может учиться в техникуме, первый там, где обучают экономистов синтетического типа, т. е. плановиков народнохозяйственного масштаба.

5. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВУЗЫ И ИХ ПОСТАНОВКА

Конкретное оформление всех намеченных выше установок должно идти по двум линиям: надо, во-первых, правильно (а не только эмпирически) разработать вопрос о системе и сети экономических вузов и факультетов и, во-вторых, создать, наконец, такие четкие учебные планы, скоординированные с производственной практикой, при которых студент учился бы всему существенному и ничему излишнему.

К сожалению, при решении первого вопроса мы сплошь и рядом натываемся на совершеннейший эмпиризм, завещанный нам прошлым. Существуют такие и такие-то вузы; они существуют и желают существовать и отстаивают себя с энергией, достойной лучшей участи. Желают существовать потому, что кто-то привык к ним, кто-то не хочет отходить от привычного прошлого и вступить в неизведанное новое. Нет ничего труднее, как заставить объединиться в одно целое два аналогичных вуза или факультета, привыкших существовать отдельно. Борьба между ними может тянуться иногда годами и кончаться не иначе, как в принудительном порядке. Между тем организация новой сети должна исходить не из наличия прежде существовавших и зачастую стихийно возникших вузов, а из осознанной системы потребностей. Таким образом не «Рыковка» или «Плехановка», а единый промышленный или единый торговый факультет или вуз со всеми теми внутренними функциональными подразделениями, какие диктуются требованиями жизни, запросами предприятий и учреждений.

Надо также продумать и построить сеть экономических вузов в разных пунктах Советского Союза в зависимости от потребностей отдельных районов и концентрации в отдельных пунктах достаточного наличия теоретических сил. Может быть, принцип локализации вузов будет не легче определить, чем принцип локализации промышленности, но поработать над этой проблемой необходимо. Пора действительно переменить установку некоторых отделов Наркомпроса и сделать их не местами, где штампуют, а местами, где думают, исследуют, планируют. Во всяком случае в будущей системе экономических вузов ряд отраслевых и подотраслевых вузов мог бы быть районирован в соответствии с районированием хозяйственных предприятий. Вузы же, подготовляющие синтетических экономистов, должны быть сосредоточены там, где имеется налицо доста-

точный кадр исследовательских и преподавательских сил, где марксистская теория экономики не будет подменяться формальным усвоением экономики, ибо лучше совсем не воспитывать экономиста-синтетика, чем воспитать поверхностного экономиста, не усваивающего аналитических исследовательских навыков.

Далее встает центральнойнейший вопрос — об учебном плане. Над этим вопросом мы бьемся вот уже в течение десяти лет, т. е. столько лет, сколько существуют общественно-экономические вузы, и никак не можем удовлетворительно решить его. Общая эволюция учебных планов такова: самые первые учебные планы общественно-экономических вузов состояли из многих десятков всяческих предметов; постепенно учебные планы эволюционировали к меньшему числу предметов, самые предметы были выбраны более осторожно. Однако количество предметов вплоть до сегодняшнего дня все еще столь велико, что удовлетворительное решение вопроса об учебном плане пока еще является чем-то вроде квадратуры круга. Учебный план неизбежно перегружается второстепенными вопросами, семестровый режим становится невыполнимым для всех предметов. Начинается возврат к лекционной и зачетной системе, а потом начинается все с начала. В следующий учебный год снова собирается комиссия по пересмотру учебного плана и снова соображает, что бы такое сократить; затем начинаются протесты со стороны представителей отдельных дисциплин в том смысле, что ежели снять данный предмет, то все погибло. А так как почти во всех предметах неизбежно повторяются некоторые вводные вопросы, то вместе с числом предметов растет и параллелизм.

Все эти неудачные попытки составить удовлетворительный учебный план основаны на том явном заблуждении, что студент должен получить в вузе целиком и полностью всю сумму необходимых ему впоследствии знаний. Не делается никакой ставки на то, что кончивший экономист не кончает учиться, когда переступает порог вуза, и что вуз должен развить в нем во что бы то ни стало в первую очередь способность самому учиться, уметь работать с книгой.

При таком подходе все дело упростится. Предметы пужно классифицировать на обязательный вузовский минимум и на такие, с которыми студент может ознакомиться по доброй воле или в связи с условиями работы по окончании вуза. Условием успешности работы студента и правильности учебного плана является немногочисленность предметов и качество их усвоения. Нужно сказать правду: качество усвоения предметов было до сих пор у экономистов весьма слабое. Отчасти это коренилось в самой природе экономического преподавания, ибо здесь отсутствовала дисциплинирующая обстановка технического или медицинского вуза — лаборатория или клиника, фактическая работа и объективный критерий проверки ее. Дело сводилось в значительной мере к разговорам. Отчасти это было связано с многопредметностью и зачетной системой, развившей у студентов поверхностно-пренебрежительное отношение к ряду дисциплин. Но если постановления ноябрьского пленума относительно повышения учебной дисциплины были вообще весьма своевременны, то они в особенности были правильны и своевременны по отношению к экономическим вузам. Учебная дисциплина и интенсивность труда у студентов экономических вузов были гораздо ниже, чем у студентов вузов и медфаков. В октябре еще не начинали заниматься, в мае уже прекращали работать. Дисциплинирующее влияние практических работ отсутствовало; письменные работы, которые для экономиста могли бы заменить лабораторию, не прививались; активное участие в семинариях было делом доброй воли

студентов; объективный критерий проверки знаний отсутствовал; слабых студентов тянули за уши из года в год; отсеивать их происходил слишком медленно, слишком неудовлетворительно; общее количество рабочих часов, количество рабочих часов самостоятельных занятий было у студента-экономиста всегда ниже, чем у студента-медика, естественника или технолога. И все эти явления имели почву в длинном и неопределенном учебном плане, включающем большое количество слабо проходимых предметов.

В связи с обязательной производственной практикой вопрос о коренном пересмотре учебных планов становится актуально необходимым. Несколько центральных дисциплин теоретического характера должны проходиться самым тщательным образом. Прикладные дисциплины должны проходиться не абстрактно, а в связи с производственной практикой, ибо говорить серьезно о проработке прикладных дисциплин вне производственной практики вообще нельзя. Но, с другой стороны, необходимо правильно поставить руководство производственной практикой, необходимо, чтобы она не была оторвана от научной критики, от исследовательского подхода. Учебный план, следовательно, должен исходить не из такого-то числа дисциплин, а из расположения всей работы вокруг нескольких центральных проблем теоретического и прикладного характера. Необходимо произвести классификацию предметов, оценку степени их полезности с точки зрения установки данного факультета; нужно решительно вычеркнуть из плана предметы, годные на все случаи жизни; нужно прекратить рассуждения такого типа: математическая статистика может для чего-нибудь в жизни пригодиться, меньше чем в два года ее никак не усвоишь — вводим ее в план; или финансовая наука полезна для экономиста — даешь финансовую науку. Нет, нужно исходить из малого числа основных теоретических, экономических дисциплин и из малого же числа существенно-полезных прикладных дисциплин. Быть может, некоторые дисциплины следует ставить факультативно, по желанию студентов, но лишь при условии, что это не нарушит плана проработки основной группы предметов. В преподавании же основных предметов должна быть суровая дисциплина: обязательный минимум лабораторных и практических работ, обязательная проверочная беседа по усвоению теории; необходима также строжайшая ответственность преподавателей за даваемые ими зачеты, а не то совершенно головоупятое отношение к зачетам, которое поневоле имелось до сих пор у большинства из нас (пишу в порядке самокритики).

Только суровый подход к делу преподавания может создать приспособленного к делу строительства социализма работника. Пора покончить со студчванством, с одной стороны, и с преподавательским хвостизмом, — с другой. Этого настоятельно требует период реконструкции. Творческий работник не создается в той расхлябанной обстановке, какая существовала за последнее время в экономических вузах. Борьба со штампуемым коммунистом должна распространиться и на партийную профессуру, борьба с нарушающим дисциплину работником — и на студента. При таких предпосылках проработка тех важнейших дисциплин, которые останутся в учебном плане, принесет несравненно больше пользы, чем поверхностное усвоение всевозможных предметов.

Необходимо раз навсегда покончить не только с лекционной системой, но и семинарской в том виде, как она существовала до сих пор. Поднять самостоятельность и активность студентов можно лишь путем лабораторной системы при наличии хорошо оборудованных кабинетов.

На эту систему уже давно перешли комвузы и получили самые положительные результаты. Это в то же время решает и вопрос о преподавательских кадрах, отнюдь еще не достаточных, особенно при росте количества студентов, неизбежном в предстоящие годы. При таких условиях одному человеку гораздо легче будет руководить кафедрой через систему конференций, чем это было до сих пор при системе семинаров. А для руководства кабинетной работой гораздо легче подобрать кадры молодых преподавателей. Лабораторная система, соединенная с более точными формами проверки знаний, могла бы революционизировать методы преподавания и методы усвоения и была бы в то же время очень действительным способом борьбы с параллелизмом в программах отдельных дисциплин. Существенно важной и необходимой является безусловно спайка между производственной практикой и преподаванием прикладных дисциплин, в особенности на старших курсах. Вуз руководит производственной практикой, устанавливает в ней все педагогически значимое и помогает освоить результаты ее.

Что-то новое, суровое, деловое должно войти в систему экономического преподавания. Всякое наследие прошлого, обстановка расхлябанности и общих разговоров должны быть ликвидированы. Условия реконструктивного периода предъявляют такие большие, такие серьезные требования к делу воспитания будущих экономических работников, что, исходя из них, надо совершенно изменить лицо экономического вуза, работу по руководству им, форму учебы и форму преподавания и, в первую очередь, надо повысить чувство ответственности за затрачиваемое время как у преподавателей, так и у учащихся.

Б. Кузнецов, М. Тайц

О «ЗАКОНЕ ТРУДОВЫХ ЗАТРАТ»

1

В системе право-оппортунистических взглядов т. Бухарина одно из центральных мест занимает своеобразное понимание сущности советского хозяйства, основных закономерностей переходной экономики — понимание, резко отличающееся от ленинского. Дело идет о «законе трудовых затрат», претендующем на роль теоретического введения в изучение нашего хозяйства. Поэтому при разборе оппортунистической критики нашего хозяйственного строительства нельзя пройти мимо этого «закона». «Нельзя вполне уяснить себе никакой ошибки, в том числе и политической, если не доискаться теоретических корней ошибки у того, кто ее делает, исходя из определенных, сознательно принимаемых им положений» (Ленин).

Теория закона трудовых затрат сводится вкратце к следующему. Во все общественные эпохи требуется, чтобы труд людей распределялся между отраслями производства в таких количествах, которые бы в каждой отрасли могли удовлетворить соответствующую потребность. Труд должен распределяться по отраслям пропорционально потребностям. Конечно эта пропорциональность является общей необходимостью для всех исторических эпох. Но может ли она оказаться внутренним законом определенной общественной формации? У Маркса отправным пунктом исследования было определенное общество — историческая общественная формация. Поэтому и общественным законом мог явиться только специфический закон, объясняющий возникновение, развитие и уничтожение данного общества. Тов. Бухарин в своих «социологических» построениях понимал под обществом абстракцию от определенных общественных формаций. Поэтому законами общества оказались самые общие определения. В частности пропорциональность распределенных между отраслями масс труда предлагается назвать «законом пропорциональности трудовых затрат», или короче «законом трудовых затрат». Этот закон должен объяснить нам внутренний смысл любого общества, в том числе и переходного.

Таким образом «закон трудовых затрат» непосредственно связан с философскими и социологическими взглядами Бухарина. Для него форма есть нечто чуждое содержанию, и задача науки состоит в том, чтобы вскрыть это единое содержание под различными конкретными формами. Эти методологические взгляды Н. И. Бухарина отражают в весьма сильной степени влияние философской системы А. А. Богданова. Для последнего теоретическое исследование состояло в том, что действительные факты, конкретное многообразие реальных явлений сводились к са-

мым общим абстракциям и конкретное изучение явлений заменялось произвольным конструированием абстрактных понятий. Сведение конкретного к общим абстракциям проглядывает и во взглядах т. Бухарина.

2

Тов. Бухарин устраняет исторически сменяющиеся общественные формы как чисто внешние. Лишившись конкретных общественных определений, общество выступает как организация натуральных элементов, как «пространственная координация» и т. п. Ленин резко критиковал натуралистическое понимание общества, встречающееся у Бухарина. На полях «Экономики переходного периода» против слов Бухарина «мы брали общество как систему элементов *«in natura»*» он написал «Караул!» Применительно к капитализму эта натуралистическая концепция общества приводит к тому, что общественная антагонистическая форма производства приравнивается к внешней оболочке натуральной сердцевины производства. Последняя же состоит в равновесии масс труда, распределенных между отраслями. У Бухарина дело сводится к тому, чтобы, отбросив иррациональную скорлупу, свойственную капиталистической эпохе, увидеть рациональное производственное зерно, естественный, существующий постоянно человеческий труд, пропорционально распределяемый между отраслями производства.

Такое понимание закона стоимости расходится с взглядами Маркса, который критикует Буагильбера за то, что тот «сводил меновую ценность товара на рабочее время, определяя истинную ценность (*la juste valeur*) правильной пропорцией, в которой рабочее время индивидуумов распределяется между отдельными отраслями производства». По мнению Маркса, такое понимание не ухватывает «специфического характера буржуазного богатства» и является «образцом того, что можно трактовать о рабочем времени как мериле ценности товаров и в то же время труд, овеществленный в меновой ценности товаров и измеряемый рабочим временем, смешивать с естественной деятельностью индивидуумов»¹. Здесь Маркс ставит в связь сведение закона стоимости к пропорциональности трудовых затрат с отождествлением исторически ограниченного трудового субстрата стоимости с естественной деятельностью индивидуумов, «которая с необходимостью существует во всех экономических эпохах».

3

Эта необходимость требует не только того, чтобы индивидуумы работали, но и распределения их труда в такой пропорции, чтобы удовлетворялись общественные потребности. Эту сторону дела Маркс подчеркивает в письме к Кугельману, которое Бухарин кладет в основу своей теории «закона трудовых затрат». Приведем известный отрывок из этого письма.

«Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости покоится лишь на полнейшем невежестве как в области того предмета, о котором идет речь, так и в области научного метода. Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель. Точно так же известно всем, что для соответствующих различным

¹ «К критике политической экономии», с. 66 — 67.

массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства, измениться может лишь форма ее проявления. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться может лишь форма, в которой эти законы проявляются. А форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда,—эта форма и есть меновая стоимость этих продуктов»².

О чем здесь говорит Маркс? О том, что стоимость осуществляет, а не уничтожает необходимости пропорционального распределения труда. Определенная общественная форма производства не отменяет таких общих признаков, которые свойственны производству вообще. О них и говорит Маркс.

Какой смысл имеет у Маркса понятие производства вообще? Это — абстракция, которая имеет смысл, поскольку она фиксирует действительно общие черты, свойственные всем или многим эпохам. Маркс прежде всего указывает на то, что само абстрактное понятие производства и анализ этого понятия необходимы для того, чтобы подчеркнуть специфические различия между конкретными историческими эпохами.

Маркс в соответствии с диалектическим пониманием формы и содержания считает существенными и различия общественных форм. Определения, приложимые к производству вообще, не снимают этих существенных различий, т. е. различий по существу между общественными формами, а напротив того, подчеркивают и выясняют их.

Маркс резко обрушивался на тех экономистов, для которых «производство вообще», т. е. единство различных эпох, дает повод замазывать различия этих эпох.

Эти экономисты обыкновенно брали какую-либо истину, известную «каждому ребенку» и благодаря своему общему характеру применимую к каждой эпохе, и формулировали ее в качестве универсального общественного закона. Такие законы относились не только к производству, но и к распределению. «Какие бы различные формы ни принимало распределение на различных ступенях общественного развития, о нем так же, как и о производстве, могут быть высказаны общие положения, и все исторические различия опять-таки могут быть слиты и погашены в общечеловеческих законах» (там же). Последнее замечание попадает и в теорию «закона трудовых затрат», так как эта теория именно в том и заключается, что общие положения о распределении труда между отраслями, относящиеся ко всякому обществу и сформулированные Марксом в письме к Кугельману, превращаются в «общечеловеческий закон», «всеобщий и универсальный закон общественного равновесия», сливающий воедино и погашающий существенные различия между общественными формами.

У Бухарина «закон трудовых затрат» образует основу закономерностей каждой конкретной общественной формации. Маркс решал этот вопрос иначе. Резюмируя свои взгляды на «производство вообще», он пишет: «Имеются определения, общие всем ступеням произ-

² Маркс, Письмо к Кугельману 11 июля 1868 г.

водства, которые, как общие, фиксируются мышлением; однако все так называемые общие условия всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых нельзя попать ни одной действительной исторической ступени производства» (там же).

У Маркса «общие условия всякого производства не могут объяснить ни одной исторической ступени производства». У Бухарина же эти «общие условия» являются законом, объясняющим любую историческую эпоху. Бухарин пишет: «Закон пропорциональности трудовых затрат, или, для краткости, «закон трудовых затрат», есть необходимое условие общественного равновесия при всех и всяческих общественно-исторических формациях³. Перевернем страницу и прочитаем: «Таким образом, закон трудовых затрат — голенький или в костюме — оказывается обязательным и универсальным регулятором хозяйственной жизни»⁴. Мало того, что «общее условие», бывшее у Маркса абстрактным моментом, с помощью которого нельзя понять ни одной общественной формации, превратилось в универсальный регулятор, мало этого — Бухарин объявляет этот абстрактный момент «надисторическим» (т. е. свойственным каждому обществу в более или менее «нормальных условиях»), материально-трудовым смыслом экономических категорий⁵. Очевидно, теоретическое осмысливание каждой экономической формации сводится к отысканию этого «надисторического материально-трудового смысла».

Итак, Бухарин берет один из абстрактных моментов «производства вообще», общее условие общественного производства, на которое указал Маркс в письме к Кугельману и которое заключается в необходимой пропорциональности между массами труда, распределенными по отраслям, и вопреки Марксу, полагавшему, что эти абстрактные моменты не раскрывают смысла исторических формаций, объявляет эту пропорциональность основным смыслом любой общественной формы, общечеловеческим и надисторическим универсальным законом общественного производства, «законом трудовых затрат». Этот «закон» должен лечь в основу объяснения закономерностей и капиталистической, и социалистической, и переходной экономики.

4

Посмотрим, как объясняет «закон трудовых затрат» внутреннее строение капитализма, какой «смысл» приобретает капиталистическое общество при свете этого вновь открытого закона. Прежде всего капитализм оказывается «системой равновесия». Основной регулятор производства — закон стоимости — есть лишь внешняя форма «закона трудовых затрат». Последний в свою очередь является «условием общественного равновесия». Рентгеновские лучи бухаринской теории легко пронизывают антагонистическую и иррациональную оболочку и освещают «надисторический материально-трудовой смысл» капитализма — общественное равновесие, которое состоит в пропорциональном распределении труда соответственно потребностям общества.

³ «К вопросу о закономерностях», с. 34.

⁴ Там же, с. 37.

⁵ Там же, с. 36.

Теперь несколько замечаний о марксовом понимании капиталистического равновесия.

Во-первых, у Маркса равновесие выступает не как застывшие пропорции общественного производства, к которым стремится реальное движение капитализма, а как относительное соответствие, устанавливающееся «на мгновение» с тем, чтобы затем снова нарушиться, восстановиться на новой основе и т. д. Равновесие здесь относительное, динамическое; оно находится внутри самого движения капитализма, как постоянно отменяемый момент его.

Во-вторых, общественное равновесие, как оно фигурирует в теории кризисов Маркса, ухватывает антагонистичность капиталистической общественной формы. Производство прибавочной стоимости, ограничивающее потребление масс узкими рамками, вступает в конфликт с развитием производительных сил. Конфликт разрешается через кризис, равновесие устанавливается путем сжатия производства. Понимаемое таким образом равновесие подчеркивает специфическую антагонистическую природу капитализма, его разрушительные силы, его противоречия, ведущие к гибели капиталистического производства.

И, наконец, в-третьих, Маркс весьма определенно заявил о том, что когда идет разговор о капиталистических кризисах и капиталистическом равновесии, недостаточно говорить о диспропорциональности и пропорциональности производства в смысле «распределения общественного труда между отдельными сферами производства»⁶. Последнее конечно существует при капитализме, но совершенно не ухватывает специфичности этой общественной формы.

У т. Бухарина равновесие в капиталистическом обществе означает, во-первых, пропорциональность, лежащую в основе всякого общества по отношению к капитализму, выступающую как абсолютная необходимость. Во-вторых, оно означает рациональнейшие удовлетворения общественных потребностей и никак не специфично для антагонистического общества. И в-третьих, оно состоит в пропорциональном «распределении общественного труда между отдельными сферами производства».

Рассмотрим подробнее, к каким выводам может привести эта теория капиталистического равновесия, которая, как мы видим, по всем пунктам, расходится с марксовой теорией. Тов. Бухарин, рассматривая производство с точки зрения «закона трудовых затрат», лишен возможности увидеть специфические черты капиталистического производства. Он сводит всякое производство к удовлетворению общественных потребностей. В «Закономерностях» т. Бухарин пишет: «В каждом обществе производство есть способ удовлетворения общественных потребностей, которые, как выражается в одном месте Маркс, «связаны между собой в одну естественную систему» (с. 46).

Это в корне противоречит марксову определению производства, отчетливо указывающему на обусловленность самих потребностей и способа их удовлетворения со стороны общественной формы производства. «Производство есть присвоение индивидом благ природы внутри определенной общественной формы и посредством нее», — читаем мы во «Введении». При капитализме это присвоение происходит внутри антагонистической формы, и именно этот момент выпадает, если заменить конкретную иррациональность капитализма абстрактной моделью производства как «способа удовлетворения общественных потребностей».

⁶ «Теория», т. II, ч. 2, с. 189.

С этой точки зрения, которая объективно повторяет построения буржуазных и социал-демократических апологетов капитализма, развитие капитализма означает не рост антагонистичности и внутренних противоречий, а развитие системы, которая по своему внутреннему существу является планомерной и рациональной организацией удовлетворения общественных потребностей. И достаточно того, чтобы сошла внешняя иррациональная оболочка, которая, по мнению т. Бухарина, сползает с капитализма в эпоху монополии, чтобы на свет показали гармоничные очертания «организованного капитализма».

К иным выводам и нельзя прийти, если последовательно развивать теорию «закона трудовых затрат». Замена специфической иррациональной природы капитализма абстрактными определениями «производства вообще» не могла не привести к апологетическим выводам. Маркс в «Теориях» пишет, что буржуазные экономисты, затушевывавшие специфические черты капитализма и считавшие основным для современного общества равновесие между производством в каждой отрасли и соответствующей потребностью, превращали капитализм в организованную, по существу, систему.

«Они рассматривают его (буржуазное производство) как общественное производство, так что общество как бы по плану распределяет свои средства производства и свои производительные силы соответственно тому, насколько они нужны для удовлетворения его различных потребностей; таким образом, на каждую сферу производства приходится часть общественного капитала, требуемая для удовлетворения потребности, которой она соответствует. Эта фикция объясняется вообще лишь неспособностью понять специфическую форму буржуазного производства, рассматриваемого как производство вообще»⁷.

К этому ничего не прибавишь. Маркс четко и резко клеймит апологетические теории, подменяющие специфическую сущность капитализма абстракциями «производства вообще» и объявляющие пропорциональность между производством и потреблением основным «смыслом» буржуазного общества.

5

Какую же роль может сыграть эта расходящаяся с марксизмом во всех своих существенных пунктах теория при изучении советского хозяйства? Именно для этого — для решения основных проблем переходной экономики — и был сконструирован бухаринский «закон». Эти основные проблемы следующим образом решаются теорией т. Бухарина. Основная «закономерность переходного периода» состоит в том, что в [продолжение этого периода основным регулятором остается тот же самый «закон трудовых затрат», который являлся регулятором общественного равновесия и в другие эпохи. Переход от капитализма к социализму заключается в том, что «закон трудовых затрат» сбрасывает свою историческую форму, причем последняя опять трактуется как нечто такое, что может быть отброшено без изменения содержания. Тов. Бухарин пишет:

«Процесс победы социалистических плановых начал есть не что иное, как процесс сбрасывания законом трудовых затрат своего греховного ценностного белья, т. е. процесс превращения закона стои-

⁷ «Теория», т. II, ч. 2, с. 195.

мости в закон трудовых затрат, процесс дефетишизма основного общественного регулятора» (с. 26).

Таким образом, в качестве «закономерности переходного периода» Бухарин берет момент, подчеркивающий единство «всех и всяческих общественно-исторических формаций». Важно отметить следующее. Такое понимание переходной экономики до Бухарина было сформулировано А. Богдановым. Само выражение «закон трудовых затрат» было введено Богдановым для того, чтобы определить закономерность советского хозяйства, которое, по его мнению, по существу не отличается от закономерностей других формаций. Бухаринская теория не только базируется на методологических позициях богдановской философии, но в известной мере просто повторяет построения Богданова. Последний говорит:

«Дело в том, что если при капитализме стихийным регулятором являются трудовые затраты и если при переходной формации регулятором в несколько более плановой форме являются трудовые затраты, а при социализме регулятором должны явиться трудовые затраты, то разве вы не видите, что тут есть некоторая общая закономерность. Правда, при капитализме она имеет форму ценности закона менового... Действие данного закона в одном случае осуществляется более стихийно, в другом — более планомерно, но это один и тот же закон, закон трудовых затрат, одно и то же соотношение»⁸.

Можно ли «общую закономерность», возведенную Богдановым и Бухариным в сан универсального общественного «закона», считать регулятором переходной экономики? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Прежде всего нужно отметить, что самая необходимость хозяйственного равновесия, в смысле пропорциональности между отраслями производства, ни в коем случае не может быть оспариваема. Это совершенно бесспорное утверждение. Было бы смешно переводить спор в плоскость отрицания этой необходимости, как это делает, наир., т. Рокаx в своей статье, помещенной в «Торгово-промышленной газете». Конечно, этот «абстрактный момент производства вообще» не может быть отменен. Производство всегда удовлетворяет общественные потребности данной общественной формы, и всегда поэтому необходима пропорциональность между отраслями производства и потреблением.

Но именно потому, что это относится ко всем эпохам, именно поэтому покрытие общественных потребностей не может лечь в основу специфических закономерностей общественной формации. Для этого потребуются учет общественных признаков. Бухарин считает характерным признаком производства при диктатуре пролетариата удовлетворение потребностей, т. е. один из «абстрактных моментов производства вообще».

В «Экономике переходного периода» он пишет: «Производство при господстве капитала есть производство прибавочной ценности, производство ради прибыли. Производство при господстве пролетариата есть производство для покрытия общественных потребностей».

По поводу этого замечания Ленин указывает на то, что признак, который по Бухарину отличает наш строй, не является действительным отличием от капитализма. Против приведенных строк Ленин написал:

«Не вышло. Прибыль тоже удовлетворяет общественные потребности. Надо было сказать — где прибавочный продукт идет не классу собственников, а всем трудящимся и только им».

⁸ «Вестник Комм. Академии» № 15, с. 214.

Иначе говоря, Ленин указывает, что нельзя в качестве определения производства в советских условиях привлекать общие признаки, свойственные «производству вообще». Нужно исходить из специфических, несводимых к абстрактным определениям, признаков нашего строя. Между тем в бухаринской теории советского хозяйства оно отождествляется с «производством вообще». При капитализме оно хоть «в одежде» имело некоторые отличительные исторически-происходящие признаки. Но в советских условиях эта одежда — «греховное ценностное белье» — сбрасывается, и производство щеголяет «голеньким». Что общего с марксизмом имеет такая картина, где содержание, само не изменяясь, меняет форму с тем, чтобы в конце концов оказаться бесформенным? Именно таким выступает советское хозяйство в теории «закона трудовых затрат».

Ленин возражал против представления о том, что в советской экономике производство продуктов, освобождаясь от товарной формы, остается бесформенным, превращается в производство продуктов — и только. Ленину было чуждо такое понимание социалистической экономики, которое сводит ее к «производству вообще», к абстракции производства, лишенной общественных исторических определений. В своих заметках об «Экономике переходного периода» по поводу рассуждений о превращении товара в продукт он пишет:

«Верно, но вместе с тем не точно. Товар превращается не в продукт, а как-то иначе: в продукт, идущий на общественное потребление не через рынок».

Стоимостная форма производства перерастает в другую общественную форму, где продукт «идет на общественное потребление не через рынок». Это — плановая форма, связанная со специфическими отношениями распределения и специфическими пропорциями производства. Чтобы понять эту форму, нужно прежде всего привлечь, как указывает Ленин, фактический материал, конкретные экономические факты. И, конечно, нельзя говорить о специфических закономерностях советской экономики, оставляя в стороне конкретную работу по реконструкции нашего хозяйства и прежде всего электрификацию. Только на основе учета этого конкретного материала можно построить не схоластическую и в качестве таковой неверную и вредную «теорию» советского хозяйства, а действительно марксистскую, диалектическую теорию, адекватно отражающую объективные факты. Конечно, понятие регулятора нашего хозяйства, если оно включает непримиримую борьбу с враждебными нам тенденциями, преодоление этих тенденций, продвижение к социализму на основе новой технической и энергетической базы, электрификацию и связанные с этим пропорции производства; тогда оно совпадает с народно-хозяйственным планом социалистической реконструкции.

Именно эти моменты, специфические для нашего хозяйства, выбрасываются бухаринской теорией «закона трудовых затрат». Поэтому к этой теории вполне применима характеристика, которую давал Ленин абстрактным рассуждениям о едином хозяйственном плане. «Скучнейшая схоластика, вплоть до болтовни, о законе цепной связи и т. п., схоластика то литературная, то бюрократическая, а живого дела нет»⁹. Эта идеалистическая богдановская схоластика пронизывает насквозь бухаринскую теорию. Тов. Бухарин абстрактно конструирует «общую теорию трансформационного процесса», над которой так смеялся Ленин. При этом

⁹ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 75.

конкретные категории сводятся к самым общим определениям. В результате получается выжатая абстракция — «закон трудовых затрат».

6

Этот «закон», который в теории Бухарина оказывается основой закономерностей переходного периода, абстрагируется от специфических признаков нашего хозяйства, как переходного к социализму, от борьбы за социалистический план и связанных с социализмом производственных пропорций против классово враждебных тенденций, которые тянут к капитализму. Единство нашего строя, которое включает победоносную борьбу против капитализма, у Бухарина сводится к тождеству содержания капиталистического и советского хозяйства. В самом деле из теории «закона трудовых затрат» следует, что по существу или, как пишет т. Бухарин, «по материальному существу», закон стоимости и регулятор советского хозяйства совпадают.

Какие же задачи встанут перед нами, если в основе нашего планирования окажется в качестве регулятора «закон трудовых затрат»? Очевидно, это должно означать, что мы будем в наших планах стремиться к равновесию «по материальному существу», не отличающемуся от того, которое стихийным образом устанавливается в капиталистическом обществе. План будет выполнять то же самое, что без существования его совершила бы капиталистическая стихия. Действительно, т. Бухарин отвергает возможность такого планирования, которое бы нарушало пропорции, устанавливаемые законом стоимости. «Речь не может идти об антагонизме по существу материального содержания закона» (с. 41).

Такой взгляд выдвигается т. Бухариным не впервые. В «Экономике переходного периода» он дает следующую формулировку задач экономической политики победившего пролетариата. «Задачи, стоящие перед пролетариатом, в общем и целом, формально, т. е. независимо от социального содержания процесса, те же, что и для буржуазии при расширенном отрицательном воспроизводстве: экономизация всех ресурсов, планомерное их использование, максимум возможной централизации».

К такой точке зрения можно прийти только тогда, когда учет революционной практики целиком заменяется формальными схемами, игрой в произвольные, схоластические понятия. Немудрено, что Ленин написал о Бухарине против этой фразы: «„Моя богдановская Begriffsscholastik (схоластика понятий) есть главный враг мой“».

Нужно сказать, что и здесь, в понимании задач экономической политики советского государства, т. Бухарин опять повторяет Богданова. Последний в свое время говорил о капиталистическом и советском хозяйстве: «Там стихийность, а здесь делает то же самое государство; оно вынуждено делать то же самое»¹⁰.

Мы должны вспомнить, что требование установить такие пропорции, которые бы соответствовали равновесию, существующему при капитализме, объединяет сейчас всех активных противников генеральной линии партии. Один из буржуазных критиков нашего строительства — Альберт Вайнштейн — пишет в получившем достаточно печальную известность «Экономическом бюллетене конъюнктурного института» (№ 11 — 12, 1927):

«Устранение хозяйственных затруднений должно идти по пути восстановления нарушенного равновесия, т. е. приведения капитального

¹⁰ «Вестник Комм. Академии» № 15, с. 214.

строительства в соответствие с реальными накоплениями в стране. Этот путь, на который стихийно в результате кризиса становится капиталистическое хозяйство, должен быть в СССР проведен при помощи плановых мероприятий».

7

Тов. Бухарин сам удивляется тем выводам, к которым он пришел на основе этого «универсального закона». Как эклектик, он тут же пытается отступить. «Разве, — спрашивает он, — в самом деле, в разных общественных структурах мы имеем одинаковые пропорции между различными производственными отраслями». «Возьмите развитие феодального общества и бешеный бег капитализма. Или сравните темп развития первобытной общины с темпом развития при социализме. Как же это увязывается по существу с законом трудовых затрат?».

И т. Бухарин делает отчаянную попытку «увязать». Как происходит в голове т. Бухарина эта увязка? Оказывается, что весь секрет различий в «опосредствующем механизме». При капитализме, например, опосредствующий механизм по сравнению с простым товарным хозяйством иной; поэтому и тип и темп развития другой. «Весь механизм, — пишет т. Бухарин, — иной, чем в прошлом товарном хозяйстве; закон ценности действует иначе, в иных условиях, с другим трансмиссионным аппаратом. И поэтому мы имеем иной тип развития и иной темп его». Несмотря на это, «закон продолжает свое действие».

Точно так же социалистическое общество отличается от капиталистического особым «механизмом», опосредствующим в проявлении закона о трудовых затратах от соответствующего механизма при капиталистическом режиме (Бухарин). И в самом опосредствующем механизме, по словам т. Бухарина, есть сходство с капитализмом, идущее по линии статистических процентов, но в общем отличие механизма заключается в том, что «здесь объективный закон трудовых затрат совпадает с сознательно проводимой нормой».

В переходную эпоху мы имеем своеобразное «сплетение» опосредствующих механизмов. «Но при всем разнообразии этих форм, — пишет далее Бухарин, — они сводятся к некоему единству». Это единство заключается в том, что в конечном счете то, что проводится планом, должно превосходить материальные пропорции, устанавливающиеся в капиталистическом обществе стихийно. Железные пропорции в равной мере тяготеют над капитализмом и социализмом. Несмотря на различия, связанные с опосредствующим механизмом, — действие закона в направлении однотипных пропорций не изменяется. Тов. Бухарин далее пишет: «Но это ни в малой степени не значит, что здесь есть нечто противоречащее закону трудовых затрат. Ноборот, здесь есть предварительная антиципация (предвосхищение) того, что при стихийном регулировании устанавливались бы *post festum*». Бухарин произвел «увязку». Как бы передаточный механизм ни влиял на темпы и типы социалистической системы, над ним господствует единый закон пропорциональных трудовых затрат, из которого не выйдешь. Несмотря на оговорки об опосредствующем механизме, общий вывод Бухарина не изменился и измениться, поскольку он следует своему закону, не мог. Эклектические колебания т. Бухарина таким образом не вывели его из рамок конратьевской теории «предвосхищения», хотя предоставили ему возможность высказывать положения, идущие на первый взгляд в разрез с его общей теорией.

циализму, сочетания элементов нашего хозяйства, а в отыскании этого идеального равновесия, присущего «производству вообще». Поэтому в «Заметках экономиста», где т. Бухарин пытается поставить под политическим углом зрения основные задачи нашего планирования, он все свое внимание сосредоточил на подчеркивании необходимости установления экономического равновесия вообще и ни разу не пытается поставить вопроса о типе этого равновесия. Такая постановка со стороны автора, считающего, что тип пропорциональности predetermined железными законами, вполне естественна.

Тов. Бухарин пишет: «По сути дела в этом (в установлении равновесия) и состоит задача выработки народно-хозяйственного плана, который все больше и больше приближается к балансу всего народного хозяйства, — плана, сознательно намечаемого, являющегося и предвидением (прогнозом) и директивной одновременно»¹¹.

Тов. Бухарин, как мы видим, настаивает на «правильном» сочетании элементов производства. Против этого ничего возразить нельзя бы было, если бы то сочетание, которое считает правильным т. Бухарин, в корне не отличалось бы от того представления по этому вопросу, какое существует у партии.

Под правильным сочетанием т. Бухарин подразумевает создание таких пропорций, которые бы соответствовали его «закону», т. е. «антиципировали» стоимостные. А такое требование в наших условиях приобретает определенную политическую окраску. Это подразумевает и замедленный темп и своеобразную политику партии, которая должна создавать условия материального воспроизводства независимо от его социальной сущности.

И т. Бухарин тут же делает из закона трудовых затрат эти политические выводы. Он фактически подвергает сомнению правильность принципа перераспределения накопления из частнокапиталистических сфер сельского хозяйства в социалистические. По его мнению, политика партии должна обеспечить производству вообще, независимо от того, является ли оно капиталистическим или социалистическим, получение издержек производства плюс известной надбавки для расширенного воспроизводства. «Сам закон накопления, — пишет т. Бухарин, — предполагает существование другого закона, на основе которого он «действует». Что это — закон трудовых затрат или что-либо иное — в данном случае для нас безразлично. Ясно одно: если какая-либо отрасль производства систематически не получает обратно издержек производства плюс известную надбавку, соответствующую части прибавочного продукта и могущую служить источником расширенного воспроизводства, то она либо стоит на месте, либо регрессирует» (с. 33).

На этом основании т. Бухарин стремится обосновать необходимость политики, обеспечивающей расширенное воспроизводство для сельского хозяйства в целом, не делая различия между социальными формами его. Такое требование целиком исходит из его «закона трудовых затрат», который основан на антиципации тех соотношений, какие должны быть установлены законом ценности. Партия не может руководствоваться принципом обеспечения всем группам сельского хозяйства издержек производства плюс известную надбавку. Кулацким хозяйствам, например, партия вовсе не стремится обеспечить расширенное воспроизводство, вместе с тем

¹¹ «Заметки экономиста» с. 14.

по отношению к совхозам партия проводит политику обеспечения такого темпа воспроизводства, в результате которого далеко превышает возмещение издержек производства. Стремление т. Бухарина свести задачу нашего планирования к обеспечению равновесия, в свете специфического понимания им этого равновесия, носит правоуклонистский характер. Равновесия «вообще» не существует. При прекрасно слаженном плане, обеспечивающем полную пропорциональность всех частей нашего хозяйства, может происходить ослабление позиций рабочего класса. Главное — правильная социальная установка плана: Тов. Бухарин ошибается, когда видит опасность «нарушения политического равновесия» только в «нарушении экономических соотношений» (с. 18). Такая опасность может появиться при идеальных материальных пропорциях, если только план не будет обеспечивать рост классовой силы пролетариата.

Эта же ошибка получает яркое выражение в отождествлении т. Бухариным (подобно Громану и другим) плана с балансом. Из предыдущей цитаты видно, что народнохозяйственный план, по мнению т. Бухарина, «все больше и больше приближается к балансу всего народного хозяйства». Это далеко не так: хороший баланс, обеспечивающий слаженность отраслей, может быть плохим планом, если он не построен под углом зрения обеспечения необходимого роста тех элементов хозяйства, которые обеспечивают рост социализма.

Поскольку в представлении т. Бухарина содержание плана предопределено законом трудовых затрат, то и смысл плана вообще у него приобретает специфический характер.

Как видно из приведенной выше цитаты, т. Бухарин под планом подразумевает в равной мере и прогноз и директиву. Но в свете того же «закона трудовых затрат» элемент директивный приобретает подчиненный характер, поскольку задача плана, как мы видели, сводится к предвосхищению закона стоимости. В понимании партии элементы предвидения и директивы в плане не могут быть поставлены на одну доску. План, прежде всего, орудие борьбы за укрепление позиций пролетариата. План, разумеется, строится на научном предвидении, но план в первую очередь является директивой. И именно потому, что задачи его построения далеко не сводятся к предвосхищению закона ценности, а содержат ряд элементов, идущих наперекор закону ценности.

Ставя в основу понимания законов советской экономики «железные пропорции», т. Бухарин приходит к совершенно ложному представлению о кризисах в нашем хозяйстве.

Всякое отклонение от этих пропорций он считает кризисом¹². В основе этого лежит та же идея надысторического равновесия, которое сформулировано в «закономерностях».

Понимание явленный всякой диспропорции как кризиса приобретает особый политический смысл: во имя абстрактной пропорциональности нужно задерживать индустриализацию, поскольку форсирование ее неизбежно должно создавать известные напряжения в потреблении, в областях легкой индустрии, и во всяком случае должно нарушать те пропорции, которые установились бы стихийно.

Бухаринский закон трудовых затрат является в значительной мере основой ошибочного понимания законов классовой борьбы в переходную эпоху. Нам известно, что этот закон окопательно снимает «антагонизм по материальному существу» процессов в нашей экономике. Из этого

¹² См. «Заметки экономиста», с. 12.

закона вытекает, что закон ценности целиком делает то же дело, что и план. «Мы и закон ценности, — по словам т. Бухарина, — заставляем служить нашим целям. Закон ценности «помогает» нам, и — как это ни странно звучит — тем сам подготавливает свою собственную гибель» (с. 52).

Тов. Бухарин в поисках единства, лежащего в основе всей системы переходной экономики, окончательно «снял» чрезвычайно важный момент — враждебность по материальному существу социалистической и товарно-капиталистической экономики. Единство нашей экономики несомненно существует, но это единство отнюдь не должно затушевывать враждебности систем. Нельзя забывать, что единство создается в значительной мере через борьбу. Ведь не существует, как мы видели, закона материального воспроизводства, оторванного от социальной формы. Товарно-капиталистическая часть нашего хозяйства, регулируемая стоимостью, противостоит социалистической, борется с ней, стремясь к своеобразному сочетанию материальных элементов нашего хозяйства, стремясь, говоря конкретно, к срыву прежде всего нашего плана индустриализации.

Исходя из полной материальной гармонии, лежащей в основе наших плановых стремлений, с теми материальными процессами, которые создаются на основе закона ценности, т. Бухарин может легко представить себе мирное параллельное сосуществование двух хозяйственных систем, делающих с его точки зрения по своему материальному характеру одинаковое дело. При таком понимании неизбежно следует вывод о том, что на какой-либо высокой ступени развития социально-враждебную, но материально-полезную систему можно мирно переключить в социалистическую. Эта «премудрость» и нашла свое высшее выражение в теории вращающихся кулацких гнезд в социализм. Таким образом, если в основу экономической теории положить единый универсальный материальный закон, одинаково действующий («голенький или в костюме») при капитализме и социализме, — тогда исчезает политическая необходимость форсированного наступления на кулака, исчезает неизбежность обострения классовой борьбы с ним и т. д.

Из своего «закона» т. Бухарин сделал все выводы. Ряд политических ошибок т. Бухарина увязывается в тесный узел в его «законе трудовых затрат», который он абсолютно без всяких оснований приписывает Марксу. Борьба с оппортунистическими ошибками т. Бухарина значительно облегчается, если по совету Ленина найти теоретические корни таких ошибок. Преодолевая оппортунистические ошибки правых, партия должна вместе с тем разоблачить неправильные теоретические корни этих ошибок, основанные, как мы видели, на ревизии методологических основ марксизма и ленинизма.

Я. Бумбер

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

(К контрольным цифрам по сельскому хозяйству на 1929/30 г.)¹

3

Пятилетка, как видно из итогов 1928/29 г., недоучла ряд существенных фактов нашего роста: особенно это следует сказать в отношении результатов социалистического соревнования и непрерывной производственной недели. И непрерывка и социалистическое соревнование стали заметно сказываться только к концу года, но и за короткий срок наложили на итоги года глубокий отпечаток; несравненно большим будет их влияние на дальнейшие годы пятилетки. Да и сама пятилетка при всех недостатках (совершенно впрочем неизбежных в таком большом деле) оказалась немаловажным фактором ускорения темпа хозяйственного роста.

В итоге 1928/29 г., как мы уж выяснили, имелись однако и не совсем благополучные участки. Сюда относятся прежде всего сельское хозяйство, особенно животноводство и ряд технических культур. Сюда же относятся некоторые качественные показатели промышленности, как-то: невыполнение пятилетки по снижению себестоимости, производительности труда и т. д.

Каков должен быть, исходя из таких итогов 1928/29 г., основной корректив, вносимый контрольными цифрами на 1929/30 г. в систему заданий пятилетки?

Очевидно тот, что темпы пятилетки подлежат пересмотру, что необходимо чутко подхватить и максимально активизировать все вновь выявляющиеся дополнительные факторы социалистического строительства, что необходимо всестороннее и по возможности полное использование их для ускорения выполнения пятилетки, особенно для подтягивания отстающих, создающих «узкие места», участков.

Под этим углом зрения и составлялись контрольные цифры на 1929/30 г. И так как важнейшим отстающим участком в последние годы являлось сельское хозяйство, то сюда и направлялось, в порядке уточнения и детализации плана второго года пятилетки, особое внимание.

Сельское хозяйство должно быть поднято на совершенно иной, более высокий уровень, эта задача стоит теперь во всем своем объеме и при составлении годовых планов и при составлении пятилетнего плана. С каждым годом обнаруживалась все сильнее и сильнее невозможность развертывания социалистической крупной промышленности на продовольственной и сырьевой базе мелкого и мельчайшего единоличного крестья-

¹ Окончание статьи; начало см. «Проблемы экономики» № 9.

янского хозяйства. Тут возникает очень много конкретных проблем самого разнородного характера, но все они увязываются в одну цепь, ведущим звеном которой является социалистическое переустройство сельского хозяйства. Именно социалистическое переустройство сельского хозяйства является тем звеном, за которое необходимо ухватиться, чтобы вытянуть всю цепь расширения коренных производственных и социально-экономических проблем сельского хозяйства.

Уже в 1928/29 г., как ранее отмечалось, имело место перевыполнение пятилетки в части социалистического переустройства сельского хозяйства. Исходя из основных установок, легших в основу уточнения и детализации плана второго года пятилетки, контрольные цифры на 1929/30 г. вновь поставили эту же основную задачу перед сельским хозяйством.

Исходным моментом и базой социалистического переустройства сельского хозяйства является развитие социалистической крупной индустрии. Ее бурное развитие в последние годы (в результате успешно проведенной партией политики индустриализации) не только обостряет несоответствие между промышленным и сельскохозяйственным секторами народного хозяйства, но и создает мощные предпосылки преодоления этого несоответствия.

Функциональная связь между трактороснабжением, машиноснабжением, электрификацией и переустройством сельского хозяйства совершенно очевидна. Поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению конкретных ставок и контрольных цифр на 1929/30 г. по коллективизации и совхозному строительству, скажем несколько слов об основных конкретных заданиях роста и развития индустрии в плане второго года пятилетки.

Социалистическое соревнование, непрерывка и ряд других факторов, как уже отмечалось, обеспечили такой размах расширения и развития индустрии, который еще недавно не мог быть предусмотрен самыми смелыми оптимистами. Итоги 1928/29 г. перекрыли важнейшие задания пятилетки. В плане второго года пятилетки точно так же предусмотрено крупное перевыполнение пятилетки. Продукция крупной государственной промышленности должна увеличиться на 32% против намеченных 21,5% по пятилетке; в том числе по группе А, наиболее ценной с точки зрения реконструкции народного хозяйства — 45% против 26% по пятилетке. Капитальные вложения в крупную государственную промышленность должны быть доведены до 3 420 млн. руб. против 2 330 млн. руб. по пятилетке, капитальные вложения в электрификацию до 614 млн. руб. против 453 млн. руб. по пятилетке.

Особенно ценно с точки зрения форсирования социалистического переустройства сельского хозяйства значительное перевыполнение пятилетки в отраслях, работающих на техническое перевооружение сельского хозяйства. Так, продукция сельскохозяйственного машиностроения должна достигнуть в 1929/30 г. 371 млн. руб. против 262 млн. руб. по пятилетке, тракторостроение — 10 600 тракторов² против 5 тыс. по пятилетке.

В контрольных цифрах на 1929/30 г. выявлена также возможность крупного повышения соответствующих статей импорта. В результате трактороснабжение должно быть доведено до 41 тыс. штук против 25 тыс. по пятилетке, сельскохозяйственное машиноснабжение — до 406 млн. руб.

² В переводе на десятиспальные тракторы.

против 304 млн. руб. по пятилетке. Одна химическая промышленность несколько отстает (на 1929/30 г. общее количество потребления химических удобрений запроектировано в размере 1 066 тыс. тонн против 1 776 тыс. тонн по пятилетке).

На базе такого развертывания индустриального строительства и производства может быть, конечно, выполнена гораздо более широкая программа социалистического переустройства сельского хозяйства, чем предполагалось в пятилетке. В контрольных цифрах на 1929/30 г. это и зафиксировано следующим образом (см. таблицу № 1).

Таблица № 1

Программа социалистического переустройства сельского хозяйства на 1930 г.

	Совхозы				Колхозы			
	Посев. площадь на весну 1930 (млн. га)		Валовая продукц. зернов. 1930 (млн. центн.)	Товарная продукц. зерновых (млн. центн.)	Посев. площадь на весну 1930 (млн. центн.)		Валовая прод. зернов. в 1930 (млн. центн.)	Товарная прод. зерновых (млн. центн.)
	Вся	В том числе зерп.			Вся	В том числе зерп.		
Пятилетка	2,2	1,5	16,3	—	6,0	4,4	—	—
Контрольные цифры	3,3	2,5	28,2	18,0	15,0	11,4	103,8	50,8

В контрольных цифрах на 1929/30 г. по совхозному и колхозному строительству перекрыт не только второй год пятилетки, но и все пятилетнее задание в целом. Не трудно заметить, что такой масштаб перевыполнения пятилетки граничит с полным ее опрокидыванием в этой части. Такое перевыполнение пятилетки, что особенно следует подчеркнуть, далеко опережает и то перевыполнение, которое намечено для промышленности. Неизбежным следствием этого является падение процента механизации и машинизации колхозов и совхозов, и их энерго-и техникооруженности. И действительно если в абсолютных цифрах в 1929/30 г. будет иметь место значительное довооружение колхозов механической тяговой силой, то относительно уровень механизации неизбежно понизится (см. таблицу № 2).

Таблица № 2

Уровень механизации совхозов и колхозов на 1929/30 г.

Ф о р м ы	Годы	Всего тяговых единиц (тыс. лощ. сил)	В том числе		% механич. сил в балансе тяговой силы	% пашин об-работанной тракторами
			В рабочем скоте	В тракторах		
Совхозы	1928/29	173,7	97,7	76,0	43,8	60,6
	1929/30	384,0	99,0	235,0	74,2	81,0
Колхозы	1928/29	394,7	252,0	142,7	36,1	43,2
	1929/30	1 731,3	1 532,0	199,3	11,5	17,4

В связи с тем, что половина вновь производимых и вновь ввозимых тракторов (из общего числа 41 тыс.) будет передана совхозам (как наиболее высокому типу сельскохозяйственного предприятия), уровень меха-

низации в них повысится; в колхозах же и в социалистическом секторе в целом неизбежно резкое его снижение.

Такова перспектива социалистического переустройства сельского хозяйства по контрольным цифрам на 1929/30 г. Она полностью перекрывает соответствующие ставки пятилетки.

Беспощадная борьба с правым уклоном, особенно с правой практикой, и обострение классовой борьбы в деревне усилили прилив творческой инициативы масс до такой степени, что и эти исключительные темпы только что составленных контрольных цифр на 1929/30 г. оказались перекрытыми. Не успела еще обсохнуть типографская краска на контрольных цифрах на 1929/30 г., как выявились совершенно новые, гораздо большие, возможности коллективизации.

Ко времени составления весеннего посевного плана конкретные перспективы коллективизации определились в таком виде, что не может быть уже никакого разговора о коллективизации в размере только 15 млн га посевов. Определилась совершенно бесспорная возможность доведения колхозных посевов до 30 млн. га слишком.

Такое перевыполнение пятилетки и контрольных цифр, конечно, неизбежно сопряжено с еще более резким падением механизации колхозов. Пересмотр плана машиноснабжения и трактороснабжения даст некоторое увеличение против контрольных цифр, но размер этого увеличения несомненно не может сравниться с намеченным размером перевыполнения контрольных цифр по коллективизации. Однако ни в коем случае не следует забывать, что самообъединение крестьянского инвентаря — образование колхозов даже на конной тяге — таит в себе очень большой производительный и социально-реконструктивный эффект. Поскольку пересмотренная программа тракторостроения и сельскохозяйственного машиностроения обеспечивает подведение в ближайшее же время под эти многомиллионные колхозные массивы крупной передовой техники, временное их существование на конной базе нисколько не опасно.

В контрольных цифрах по сельскому хозяйству на 1929/30 г. дана система заданий по всем основным элементам сельского хозяйства. Однако поскольку жизнь опрокинула основное, важнейшее звено их — план коллективизации — постольку, естественно, в той или другой мере опорожены все остальные части плана по сельскому хозяйству, и тем самым уже в начале года они в значительной своей части обесценились. Поэтому в данной связи ограничимся лишь некоторыми основными показателями, притом больше для определения замысла контрольных цифр в этой части, чем для определения реальных перспектив и показателей.

Основные элементы плана по сельскому хозяйству в целом видны из следующих данных (см. таблицы №№ 3 и 4),

Основные элементы плана в области сельского хозяйства Таблица № 3

	Посевная площадь на весну 1930 г. (млн. га)						Животновод. на весну 1930 г. (млн. голов)				
	Вся	Всего	В т. ч. продуктивная				Лошади		Крупн. рогат. скот		
			В том числе				Всего	В т. ч. раб.	Всего	В т. ч. кор.	Свин.
			Зерно- вые	Хлоп- ков.	Сахар- ная свек.	Лен					
Пятилетка	129,8	129,8	105,3	1,3	0,9	1,5	34,9	24,0	72,8	32,0	27,9
Контрольн. цифры .	130,4	130,4	105,5	1,4	1,0	1,6	35,2	23,8	71,1	31,4	23,0

Таблица № 4

Валовой сбор основных культур в 1930 г.

	Зерновые		Льняное волокно		Хлопок-сырец		Сахарная свекла	
	Милл. центн.	% к 1929	Тыс. центн.	% к 1929	Тыс. центн.	% к 1929	Милл. центн.	% к 1929
Пятилетка	883	108,5	4 256	127,0	13 608	124,9	160,4	121,2
Контрольные цифры	889	116,6	4 160	112,5	14 519	148,7	149,0	177,4

План по сельскому хозяйству на 1929/30 г. в части производственных показателей исходит, следовательно, из задания обеспечить выполнение пятилетки. Рост посевных площадей намечен в размере 10,6%, в том числе под зерновыми на 10,1%, под хлопком — на 32,1%, под сахарной свеклой — на 23,1%. Задание по повышению урожайности определено в размере 8% (для зерновых). Такой рост посевов и урожайности должен обеспечить рост валовой продукции: по зерну на 16,6%, по хлопку — на 48,7%, по сахарной свекле — на 77,4%; рост товарной продукции зерновых хлебов — на 46,8%.

Несмотря на то, что эти производственные задания стоят по абсолютному выражению на уровне пятилетки, намеченные темпы превышают темпы пятилетки. Это объясняется конечно тем, что в течение второго года пятилетки необходимо ликвидировать ряд изъянов первого года, поскольку по многим элементам производственных заданий первый год пятилетки не дал полного выполнения. Больше того, по поголовью скота даже повышенный темп прироста не может дать полного выполнения пятилетки. И здесь на данном этапе — в производственном разрезе наиболее слабое место нашего сельского хозяйства. Актуальность этой проблемы требует, чтобы ей было уделено значительно больше внимания, чем это сделано в контрольных цифрах на 1929/30 г.

Повторяем, подробное изучение системы заданий по сельскому хозяйству, зафиксированной в контрольных цифрах на 1929/30 г., в значительной части потеряло интерес и практическое значение. Сельское хозяйство находится в процессе такого глубочайшего революционного переворота, процессы, происходящие в нем, настолько динамичны, что конкретные перспективы меняются буквально по дням, и планы стареют, не успев появиться в свет. Пятилетка по сельскому хозяйству оказалась опрокинутой уже в начале второго года. Контрольные цифры по сельскому хозяйству на 1929/30 г. постигла та же участь в еще более короткий срок, поэтому мы и вступаем во второй год пятилетки фактически без плана по сельскому хозяйству.

Не жаль порвать и десяток лучших планов, когда жизнь нас направляет в сторону увеличения ставок и ускорения темпов социалистического строительства. Но опыт последних лет не должен бесследно пройти и мимо плановых работников. Пора резко порвать со старыми традициями недоучета наших реконструктивных возможностей и смело приблизиться к действительным темпам реконструктивного пятилетия.

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД» И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ МАРКСА

ОТВЕТ В. КАЦУ

В журнале «Проблемы экономики» № 1 за 1929 год напечатана статья В. Каца «Народный доход СССР в разработке буржуазной экономической мысли». В этой статье, посвященной критике работ проф. Литошенко, автор «любезно» посвящает пару страниц разбору нескольких мыслей, мимоходом высказанных мною в одной из моих работ, по вопросу об экономическом содержании понятия «народного дохода». В представлении Каца эти мысли не только «ничего общего с Марксом и марксизмом не имеют и иметь не могут», но «всецело примыкают к господствующим буржуазным взглядам на этот вопрос» и, в частности, ничем не отличаются от воззрений Литошенко, подробно критикуемых Кацом.

Несмотря на огромную энергию, развиваемую Кацом в доказательство указанных положений, его рассуждения основываются на таком искажении действительного содержания моих воззрений на природу «национального дохода», что я считаю себя вынужденным ответить на его «разоблачения» и нападки.

В том, что приписывает мне Кац, верно лишь одно. Я действительно не считаю так называемый «национальный доход» экономической категорией в том смысле, в котором фигурирует понятие «категорий» у Маркса и в марксистской экономической науке. Эту мысль я решаюсь защищать и после «разоблачения» Каца, так как считаю, что ни он, ни кто-либо другой никогда не сможет привести никаких доводов против этого утверждения. Но одно дело — выставить такой тезис, другое дело — сделать из него те нелепые и дикие выводы, которые угодно было сделать моему оппоненту, сводящиеся к тому, что я этим тезисом якобы обосновываю вульгарные воззрения на этот вопрос современной буржуазной экономики. Кацу, видимо, невдомек, что именно вульгарная буржуазная экономия в апологетическом стремлении затупевать классовый антагонизм капиталистического общества и представить капиталистическое хозяйство как некоторое идиллическое единство и гармонию интересов особенно много потрудилась над тем, чтобы возвести это понятие в ранг верховной экономической категории, и что в сущности только на развенчании этой выдуманной «экономической категории» можно построить такую систему экономических категорий, которая дает возможность проанализировать капиталистическое хозяйство в целом.

Непререкаемым фактом является то обстоятельство, что Маркс сам не ввел в свою систему экономических категорий этой «категории», хотя она ему была известна и на всякие лады повторялась всей классической экономией. Все, что мы можем найти у Маркса по вопросу о народном

доходе — это несколько замечаний скептического характера, замечаний, указывающих на искусственный, абстрактный характер этой «категории», на отсутствие за ней реального социального содержания, той «определенности социальной формы», которая, как это известно всякому грамотному марксисту, представляет отличительное свойство экономических категорий марксовой системы. Кац, очевидно, умышленно обходит эти места Маркса (хотя они должны быть ему хорошо известны), потому что они говорят против его интерпретации. Его объяснения «за Маркса» о том, почему в марксовой системе этой «категории» не отведено «подобающего» (с точки зрения Каца) места, до крайности паивны и убоги. Кац попросту уклоняется от ответа на этот «колючий» вопрос, указывая на то, что Маркс не разработал «методологии исчисления народного дохода», так как перед ним стояли задачи теоретического анализа капитализма, и что Маркс «своей теорией воспроизводства и обращения общественного капитала и теорией распределения заложил подлинно научные основы для понимания структуры и динамики народного дохода конкретного капиталистического общества». Но разве об этом идет речь? Разве кто-нибудь, кроме разве самого Каца, думает о том, что у Маркса надо искать ответа на вопросы «методологии исчисления»? Речь идет не об этом, а о том, почему у Маркса в системе экономических категорий, из которых построено все здание его теоретической системы (здание, в котором, как, вероятно, думает и Кац, все на месте и ничего существенного не пропущено), — почему в этой теоретической системе для «категории» народного дохода не нашлось места и почему, наоборот, нашлось место для нескольких скептических замечаний по этому вопросу. Почему бы, например, Кацу не разъяснить в своей статье, посвященной «углубленному» анализу социального содержания понятия народного дохода, следующего места из «Капитала», в котором Маркс высказал свои мысли о народном доходе: «Если рассматривать доход всего общества, то национальный доход состоит из заработной платы, плюс прибыль, плюс рента, т. е. из валового дохода. Однако и это является абстракцией в том смысле, что все общество, на основе капиталистического производства, становится на капиталистическую точку зрения и потому чистым доходом считает лишь доход, сводящийся к прибыли и ренте» («Капитал», т. III, ч. 2, с. 370). Здесь мысль об отсутствии социального содержания за «категорией» национального дохода высказана довольно недвусмысленно, и к этой мысли Маркс неоднократно возвращался и в других местах. Так, в «Теориях прибавочной стоимости» он сочувственно цитирует Рикардо, который различал валовой доход, представляющий заработную плату и прибавочную ценность (т. е. национальный доход), и чистый доход, представляющий прибавочную ценность, и утверждал, что цель капиталистического общества заключается в получении максимального чистого дохода; Маркс категорически заявляет в сноске: «Это абсолютно верно. Капитал совершенно не интересуется валовым доходом. Единственно, что его интересует, — это чистый доход» («Теории», т. II, ч. 2, с. 222 и 224).

Наконец, и то место из Маркса, которое было приведено и в моей статье и воспроизведено Кацом, место, где Маркс указывает на наличие противоположных друг другу частей в составе национального дохода, также осталось без ответа со стороны Каца. Вместо прямого ответа на вопрос о том — какую же роль играет в марксистской экономической системе то собирательное, абстрактное, состоящее из противоречащих друг другу частей понятие, которое называют «национальным доходом»,

он предпочитает отделаться трескучими фразами о том, что и в конкретном капитализме народный доход «не перестает быть реальной экономической категорией, за которой стоят вполне реальные производственные отношения конкретного капитализма». Однако какие это социальные отношения, между кем они имеют место и как они отражаются в «категории» народного дохода — остается глубоким секретом Каца; он не обнаружил своего решения этого вопроса, повидимому, по той простой причине, что сам его не знает.

Глубокое и, повидимому, искреннее убеждение Каца в том, что «национальный доход» должен существовать как специфическая экономическая «категория», обосновывается им, насколько это можно понять из его сбивчивых и длинных объяснений, тем, что Маркс, раскрыв фетишистическую форму социальных отношений, утвердил социальный аспект на все явления капиталистического хозяйства. Эта особенность марксистской экономики всем известна. Но этот социальный аспект хозяйственных явлений понимается Кацом весьма своеобразно, чтобы не сказать больше. В представлении Каца дело заключается, повидимому, не в том, что за вещными отношениями социальный аспект дает возможность разглядеть социальные отношения между людьми, участниками хозяйственной деятельности, а в том, что за движением, как выражается Кац, «автономных клеточек» социальный аспект позволяет разглядеть их единство. Конечно, такое единство существует, и напрасно Кац приписывает мне отрицание его наличия в хозяйственной жизни общества. Но разве в установлении этого единства заключается отличительный признак марксистской системы? Разве по этой линии Маркс отличается, скажем, от классиков? Разве в этом заключается социальный аспект, о котором говорит Кац? Конечно, не в этом. Этот мотив — утверждение единства капиталистического хозяйства, как некоторой реальности — достаточно отчетливо развит был классиками, ошибка которых заключалась, как известно, в том, что они, кроме этого единства, ничего не видели. Главное острие критики Маркса было направлено на то, чтобы показать, что не только в этом единстве заключается дело и даже что оно заключается главным образом не в этом, а в том, что это единство есть единство самостоятельных моментов, единство противоположностей. Раскрытие реальных социальных отношений, т. е. отношений между классами и группами внутри классов, — вот что положено Марксом в основу понятия об «экономических категориях», вот что представляет собой социальный аспект в системе Маркса и социальную субстанцию этих категорий. В системе Маркса нет и не может быть «категорий», которые были бы лишены социальной субстанции в указанном выше смысле, за которыми не стояла бы какая-либо «определенность социальной формы». Каждая экономическая категория должна выражать определенный тип социальных отношений, имеющих место между отдельными классами общества и группами внутри классов, — отношений, преломляющихся на поверхности капиталистического хозяйства в фетишизированной вещной форме. Каждая экономическая категория в теоретической системе Маркса характеризует, далее, некоторые специфические общественные функции вещей, и именно эти общественные функции вещей представляют общественную субстанцию экономических категорий. Все известные марксовой системе экономические категории отвечают указанным требованиям; стоимость, цена, прибавочная стоимость, прибыль, процент, рента, деньги и т. д. — все эти категории характеризуют определенные социальные отношения, скрытые за вещной оболочкой, определенные общественные функции вещей и в этом смысле

имеют общественную субстанцию. Где же признаки этой общественной субстанции у собирательного понятия «национальный доход»? Какие социальные функции и общественные отношения, скрытые за вещной формой отношений, оно характеризует? На этот вопрос Кац никакого ответа не дает и дать не может, так как таких свойств это понятие не имеет и иметь не может. А между тем и вся его постройка рушится, поскольку она не дает ответа на этот вопрос. Как может в самом деле сумма заработной платы, плюс прибыль, плюс рента, характеризующих определенные социальные отношения, специфические отношения отдельных классов к общественному производству, представляющих три различные типа этих отношений, три различные «определенности социальной формы», имеющие различную общественную субстанцию, — как может такая сумма представлять собой экономическую категорию, имеющую общественное существование, долженствующую помогать нам в анализе социальной формы капиталистического хозяйства? Это, по видимому, одному Кацу известно.

Не более успешна попытка Каца в «разоблачительной» критике от собственных суждений обратиться за подкреплением к Ленину. Как ип старался Кац, а все же ему не удалось найти здесь опоры. И наивно было ее здесь искать, ибо все суждения Ленина по вопросу о «национальном доходе» были высказаны им в связи с критикой экономического романтизма, строившего свою теорию кризисов на вульгарнейшем учении о народном доходе и потерпевшего именно здесь полное фиаско. Ясно, что скептицизм Ленина в отношении к этой «категории» не мог не проявиться. Напрасно, например, Кац «проглядел», что Ленин, говоря о национальном доходе, обычно берет это выражение в кавычки или, что еще более характерно, пишет о «доходе» нацип. Это, быть может, «мелочь», но мелочь характерная. Далее, и та фраза Ленина, которую приводит Кац, говорит против него, и не даром ему пришлось вставить в текст Ленина свою фразу, однако, мало помогшую делу. Ясная мысль Ленина, вполне отчетливо связывающаяся со всем контекстом, из которого она выдернута Кацом, заключается в том, что разрешение проблемы реализации (о которой идет речь у Ленина) дает не теория национального дохода, а учение Маркса о воспроизводстве общественного капитала. Ленин совершенно ясно говорит в приводимой Кацом выдержке о том, что развитая схема общественного воспроизводства снимает вопрос о национальном доходе и его отношении к потреблению, делает его ненужным, лишним вопросом. Казалось бы ясно, что речь идет только о том, что теория национального дохода не может разрешить вопроса, который решает теория воспроизводства. Для Каца, однако, важен не смысл цитируемого, а нечто другое. У Ленина сказано, что «вопрос (о национальном доходе) перестает существовать отдельно». «Ага, — ухватывается Кац, — значит не отдельно он существует?». Логика «железная», но, к сожалению, никакой убедительностью не обладает, ибо только в критическом рвении можно дойти до утверждения новой в марксистской науке «категории экономических категорий», существующих как-то «неотдельно», не в виде самостоятельных понятий, характеризующих специфические социальные отношения людей и социальные функции вещей, а как-то вместе с другими понятиями.

Итак, я утверждаю, что так называемый «национальный доход» не представляет собой экономической категории в том смысле, в каком они трактуются Марксом, и что критика буржуазных учений о народном доходе должна строиться на развенчании ее как экономической категории,

имеющей определенное социальное содержание, и что только таким образом можно доказать ложность всех этих учений, их апологетическую природу, проявляющуюся в стремлении скрыть за абстрактным и пустым (в социально-экономическом отношении) понятием антагонистический характер производственных отношений капиталистического общества. Характеристика единства разрозненных товаропроизводителей, участвующих в общественном производстве, о которой так заботится Кац, в совершенно законченной и диалектически единственно приемлемой форме дается категорией стоимости и никакой другой категорией не может быть дана. Только в категории стоимости заключена идея о единстве в то же время о и раздельности всего общественного производства при товарно-капиталистическом строе хозяйства, и только эта категория дает адекватное выражение формы этого процесса, взятого в целом. Никакие собирательные категории для характеристики всего общественного производства в целом не нужны и ничего для анализа товарного хозяйства дать не могут.

Вместе с тем я считаю совершенно ложной идею Каца о наличии какого-то «единства всех видов доходов». Такого «единства» просто не существует, и признание его открывает широчайшую дорогу для апологетики капитализма. Это признание, явно вытекающее из всей «концепции» Каца, наиболее отчетливо обнаруживает всю ее неверность и вредность, и никакие оговорки, которые он делает в скобках, «что это отнюдь не исключает классового антагонизма» — делу помочь не могут. Кац никак не может понять, почему указание Маркса на антагонистический характер доходов в капиталистическом обществе является аргументом против категории национального дохода. Такой вопрос, нужно признаться, является довольно неожиданным, ибо ответ на него как будто бы должен быть ясен сам собой. Приходится, однако, на него ответить и, очевидно, возможно популярнее.

Классовые антагонизмы могут быть вскрыты лишь при помощи таких категорий, которые фиксируют специфические отношения между классами, а не таких, которые эти отношения покрывают. Здесь нужна совершенная ясность, а не двусмысленные и ничего не говорящие фразы о «единстве доходов, не исключающем их антагонизма». Нельзя же ведь в самом деле рассматривать доходы капиталистического общества, как стадо лошадей, и рассуждать так, что это есть некоторое единство, не устраняющее наличия индивидуальных признаков у отдельных лошадей, входящих в стадо. Понятие «дохода вообще» есть пустое абстрактное понятие, не имеющее никакого социального содержания, и теория доходов Маркса построена так, чтобы показать специфическое социальное, классовое содержание отдельных категорий доходов, специфичность отношений отдельных классов к общественному производству и его продукту. Достаточно прочесть главу о триединой формуле, чтобы понять, что это именно так и есть. Для Каца же ничего не стоит придумать, например, такую формулу, что «потребительная стоимость есть материальный субстрат доходов, а меновая стоимость — общественный субстрат доходов», между тем как до сих пор все марксисты (очевидно не осененные разумом Каца) считали, что эти две стороны стоимости являются ее — стоимости — материальным и общественным субстратом. Очевидно, по Кацу возможно, что одно и то же понятие может без всяких модификаций представлять собой одновременно субстрат и стоимости и доходов. Это во всяком случае новая теория. Вопрос лишь в том, имеет ли она какой-нибудь смысл!

В моих рассуждениях Каца смущает еще одно обстоятельство, действительно немаловажное, на котором я также должен остановиться. Речь идет об утверждении Каца, что непризнание мною значения экономической категории за понятием национального дохода повергает меня в лоно буржуазных теорий, вообще не признающих единства товарного хозяйства, — в лоно атомистических теорий. Собственно из-за этого пункта Кац и вовлекает мою скромную личность в орбиту своего внимания, направленного на критику атомистических представлений о национальном доходе. Такой вывод Каца основан, однако, на полнейшем недоразумении, вернее, на полном непонимании им довольно элементарных вещей. Ведь по логике Каца (весьма своеобразной логике) выходит так, что все решительно надо признавать экономическими категориями, иначе не трудно угодить в атомисты. Всякая вещная совокупность, обладающая вполне реальным единством как таковая, должна, следовательно, под угрозой разоблачения Каца, быстро и безапелляционно признаваться экономической категорией и «обязана» иметь социальную субстанцию. Но тогда и валовая продукция также, очевидно, будет экономической категорией, имеющей определенную социальную субстанцию, и Кацу нужно будет позаботиться лишь о том, чтобы объяснить нам, почему Маркс не разработал методологии исчисления валовой продукции. Потребленная в производстве механическая энергия также будет объявлена экономической категорией на том основании, что количество этой энергии, использованной в общественном производстве, может рассматриваться как некоторое вещное (вернее, энергетическое) единство. Далее могут заявить свои права и другие материальные элементы общественного производства — сырье, топливо и т. д. Все это вполне реальные совокупности, которые необходимо изучать, анализируя общественное производство, и которые могут характеризовать тип этого процесса, структуру производительных сил и т. д. Более того, анализ всего движения этих материальных элементов процесса общественного воспроизводства с выделением роли отдельных секторов и социальных типов хозяйства (в том виде, как это должен делать правильно построенный баланс народного хозяйства) имеет прямое отношение к характеристике социальной структуры данного конкретного народного хозяйства (или социальных профилей, как выражается Кац). Но от этого указанные вещные совокупности не становятся социальными категориями, и непризнание их таковыми как будто ни в малейшей мере не является апологетикой капитализма. Из развитой мною выше концепции национального дохода вытекает лишь то, что я и это понятие интерпретирую исключительно как вещную совокупность, не находя у нее общественной субстанции и потому относя ее к категории «статистических категорий», т. е. таких, которые полезны лишь при анализе конкретного хозяйства, его структуры и динамики. Это достаточно определенно изложено в моей статье, где говорится и о реальном национальном доходе и о значении этого исчисления для характеристики благосостояния населения. С другой стороны, в статье ни слова не говорится о том представлении о национальном доходе, которое критикует в своей статье Кац и которое настолько же далеко мне, как и ему, а именно о национальном доходе как показателе «объема молекулярного процесса — обмена».

Для всякого, кто знаком с моей статьей, которую цитирует Кац, не только по приводимым им цитатам, должно быть совершенно ясным, сколь нелепо приписывать мне подобного рода представление. Вся статья посвящена вопросу о натуральных измерителях результатов общественного производства. При этом, отправляясь от критики концепции Желез-

нова и других экономистов, не ощущающих связи между натуральными и ценностными категориями, сводящих все дело к различию аспектов рассмотрения хозяйственных явлений и точек зрения, я доказываю наличие реальной связи в динамике хозяйственной жизни натурально количественных и ценностных категорий и развиваю методологию построения специальных показателей (индексов), дающих возможность наиболее точно подойти к проблеме измерения производительности общественного труда, являющейся имманентной мерой стоимости. Неужели, по Кацу, я и эту идею обосновываю, отправляясь от атомистических представлений о природе общественного производства?

Наконец я могу указать на то, что я имел случай высказываться в литературе по вопросу, которого непосредственно касается Кац, и высказываться совершенно недвусмысленно. Моему оппоненту не за чем было читать мои невысказанные мысли относительно атомизма общественного производства и соответствующих этому представлению концепций народного дохода. Ему лишь надлежало быть знакомым с той небольшой литературой интересующего его вопроса, которая у нас имеется. При этом я имею в виду в первую очередь не свои собственные творения, а опубликованную мною в переводе статью буржуазного немецкого экономиста Г. Кольма об исчислении «чистой продукции» («Вестник статистики» № 2 за 1927 г.), сопровождаемую мною лишь краткими критическими замечаниями, из которых однако Кац легко мог бы получить совершенно ясное представление о том, как я отношусь к атомистическим теориям в учении о народном доходе, к представлениям о нем, как о показателе объема молекулярного процесса — обмена.

В заключение несколько вынужденных слов относительно совета, полученного мною от Каца, — апеллировать для обоснования моей позиции не к Марксу, а к современной буржуазной экономии, — совета, сопровождаемого указанием точного адреса этой буржуазной экономии. Претенциозный и тяжеловатый юмор Каца так же попадает здесь в цель, как и все другие стрелы его «тонкой» критики. Нет смысла полемизировать с подобного рода «аргументами» и доказывать их несерьезность. Мне представляется, что изложенные выше соображения по существу вопроса позволяют мне уклониться от подобного рода полемики. Но мне хотелось бы здесь отметить, что в предлагаемом Кацом моему вниманию издании Союза социальной политики я, к сожалению для него, не нашел ничего с моей точки зрения интересного, но... в нескольких местах обнаружил удивительное сходство суждений буржуазных экономистов с некоторыми высказываниями Каца. Так, например, неоднократно повторяемый Кацом тезис о том, что народный доход можно наблюдать в различные моменты его движения из фазы производства в фазу распределения, представляющий одно из многочисленных теоретических его «открытий» (ибо марксистская экономия до сих пор не знала различия фаз производства и распределения), он сможет с удовлетворением прочесть на с. 30 и многих других страницах книги, рекомендованной им моему вниманию.

Мой ответ Кацу несколько затянулся. Я нахожу, однако, оправдание этому в том, что мне пришлось здесь затронуть ряд довольно сложных теоретических вопросов, без освещения которых трудно было бы понять сущность спора и представляющих, пожалуй, интерес независимо от полемики с Кацом.

ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ НАРОДНОГО ДОХОДА

(Ответ Я. Герчуку)

В № 1 журнала «Проблемы экономики» за 1929 г. была помещена наша статья «Народный доход СССР в разработке буржуазной экономической мысли», посвященная критике взглядов проф. Литошенко на народный доход СССР и методологию его исчисления.

Проф. Литошенко исходит из индивидуалистических представлений об экономике товарно-капиталистического общества, рассматривая ее не как специфически-историческую форму общественного производства, а как простую сумму обособленно «хозяйствующих субъектов». Он полагает, что эти «хозяйствующие индивидуиды» обладают экономической реальностью, независимо от своеобразной социальной формы, которую раздробленная деятельность товаропроизводителей создает и в условиях которой эти последние только и могут совершить свое обособленное движение как части совокупного общественного труда. Исходя из этих воззрений, проф. Литошенко неизбежно пришел к атомистическому представлению о народном доходе как о простой «сумме индивидуальных доходов». Народный доход проф. Литошенко рассматривает в аспекте отношений распределения, причем — в полном согласии с буржуазной политической экономией — независимо от отношений производства, а следовательно, независимо от исторического способа производства. Это значит, что народный доход у него неизбежно выступает как сумма индивидуальных доходов, независимо от к л а с с о в о й принадлежности этих доходов, т. е. как бессодержательная, пустая абстракция.

Народный доход может быть исчислен тем или иным методом, но от этого он, по мнению автора, не перестает быть в экономическом отношении фикцией, не обладающей никакой реальностью.

Эти взгляды проф. Литошенко в дальнейшем развивает применительно к народному доходу СССР. Не будучи, конечно, в состоянии понять специфические особенности, присущие советскому хозяйству, — а это является необходимой предпосылкой правильных представлений о народном доходе СССР, задачах и методах его исчисления, — проф. Литошенко отождествил и наш народный доход с пресловутой «суммой индивидуальных доходов»; это положение он аргументировал наличием в советском хозяйстве частного сектора, — точнее миллионов индивидуальных крестьянских хозяйств, — что объективно означает отождествление нашей экономики с экономикой товарно-капиталистического общества. Взгляды проф. Литошенко нами были охарактеризованы как взгляды экономиста, стоящего на буржуазной точке зрения, и их мы подвергли подробной критике в нашей статье.

Попутно мы констатировали, что мысли о народном доходе, высказанные другим автором, Я. Герчуком, — поскольку он за понятием народ-

ного дохода также отрицал какое-либо реальное экономическое значение и сводил его лишь к счетному, технически-вспомогательному методу для прикладных практических целей, — в этой своей части «всецело примыкают к господствующим буржуазным взглядам на этот вопрос».

Взгляды Герчука и взгляды Лптошенко имеют между собою, таким образом, много общего — именно в в о д а х. Однако, аргументация, развиваемая Герчуком в защиту на наш взгляд совершенно неправильных положений, очень сильно отличается от аргументации Лптошенко. Герчук берет на себя смелость опереться в своих буржуазных выводах на экономическую теорию Маркса. Такая с самого начала обреченная на неудачу попытка подверглась нашей резкой, но вполне заслуженной критике. Именно эта попытка опереться на авторитет Маркса и заставила нас, говоря словами Герчука, «любезно посвятить ему (Герчуку — В. К.) пару страниц», которые и вызвали с его стороны ответную гневную статью¹. К пригорюнию для Герчука, его новая статья хотя и резка по тону, однако отнюдь не может быть признана правильной по существу, ибо и в ней Герчук пространно развивает свои прежние положения и продолжает отстаивать свои прежние неверные взгляды. Однако, это не мешает ему (или, вернее, это даже заставляет его) применять против нас тактику «от обороны к нападению», полагая, что, обвинив нас в отступлении от марксизма, он сможет тем надежнее под прикрытием этой «дымовой завесы» отсиживаться на старых, буржуазных позициях, облокотясь при этом на все три тома «Капитала» Маркса.

Такое чрезвычайно комфортабельное устройство должно рухнуть, однако, как карточный домик, как только мы раскроем эти самые три тома «Капитала» Маркса. Тогда, во-первых, сразу выяснится, что Герчук не понимает теоретико-экономического содержания народного дохода, которое вытекает из марксистской экономической теории; что он хорошо усвоил лишь то, что под народным доходом понимает буржуазная политическая экономия, не подозревая и не допуская возможности существования марксистской концепции; и, во-вторых, обнаружится, что он, Герчук, является самым неподходящим, самым негодным комментатором работ Маркса и Ленина, ибо в этих работах отчасти непосредственно, отчасти косвенно (в их методе) заложены основы для дальнейшей разработки той самой категории народного дохода, в непонимании которой Герчук признался самым откровенным образом. «...К а к и е это социальные отношения, м е ж д у к е м они имеют место и как они отражаются в «категории» народного дохода — остается глубоким секретом Каца: он не обнаружил своего решения этого вопроса (повидимому, по той простой причине, что сам его не знает)», — пишет Герчук.

Наш ответ Герчуку, поскольку мы будем ниже касаться существа его аргументов, будет, очевидно, ответом и на эти недоуменные вопросы.

Статья Герчука, помимо вопросов принципиального характера, содержит не мало таких мест, которые иначе не могут быть квалифицированы, как просто руганью по нашему адресу. Щадя читателя, на такого рода «аргументы» мы постараемся, по возможности, не отвечать, оставляя на совести Герчука все его «тонкие» полемические приемы этого сорта. Если сила аргументов заменяется аргументами такой силы, то это лучший показатель слабой позиции автора, прибегающего к ним.

А насколько слаба, убога и претенциозна позиция Герчука в вопросах народного дохода, в которых он с исключительной развязностью взял на

¹ Я. Герчук, «Национальный доход» и экономические категории в теоретической системе Маркса (ответ В. Кацу). См. выше.

себя роль истолкователя марксизма в духе буржуазных воззрений, — мы увидим ниже при анализе его взглядов.

БУРЖУАЗНОЕ И МАРКСИСТСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О НАРОДНОМ ДОХОДЕ

В противоположность англичанам, именующим теоретическую экономию политической экономией (political economy), буржуазные немецкие экономисты называют ее наукой о «национальном хозяйстве» (Nationalökonomie, Volkswirtschaftslehre). Маркс издевался над этим последним названием; однако Маркс поступал так (вопреки мнению т. Бухарина)² отнюдь не потому, что буржуазные экономисты, столь патристически именуя эту науку, связывали изучаемое ими общественное хозяйство, буржуазное хозяйство, с территориальным признаком, с определенной «пространственной характеристикой» его. Такое отношение Маркса, как мы полагаем, было вызвано тем, что термин «нация» скрывал и затушевывал классовый характер капиталистической экономики, следовательно, и классовый характер науки о ней. Этот термин полностью отвечает, таким образом, неисторической точке зрения буржуазной политической экономии, которая увековечивает производственные отношения капиталистического хозяйства: «...Совершенно ложная абстракция, — писал Маркс в своем возражении Шторху, — нацию, способ производства которой основан на стоимости, далее, которая организована капиталистически, рассматривать как собирательный организм, работающий только для удовлетворения национальных потребностей».

В противоположность этому марксистская политическая экономия усматривает сущность производства «нации, которая организована капиталистически», в производстве прибавочной стоимости, что уже включает удовлетворение всех общественных потребностей нации («национальных потребностей»), но в форме, обеспечивающей сохранение и развитие данного исторического способа производства.

Ошибка буржуазной политической экономии, полностью разоблаченная Марксом, заключается таким образом в том, что она видит одну сторону отношений производства — создание вещей, потребительных стоимостей, ту или другую совокупность их, — но она не видит другой их стороны, — того общественного строя производства, который только и делает возможным самое создание этих вещей, обуславливает определенный характер как их самих, так и того движения, которое они должны совершить в общем процессе воспроизводства. Она отрывает социальное содержание от социальной формы, делает невозможным внутреннее (имманентное) движение производственных отношений и закрывает тем самым путь к научному пониманию этого движения. Она неизбежно тем самым открывает широкую дорогу для quasi-науки и чистейшей апологетики. В самом деле, если при анализе производства содержание его отрывается от определенной исторической формы, тогда само содержание перестает быть социальным, оно становится тем, чем оно является непосредственно *in natura*. Производство со всеми ему присущими отношениями перестает быть системой экономических отношений, а превращается только в совокупность явлений технического порядка, которые, будучи взяты также в определенной, им свой-

² Н. Бухарин, Экономика переходного периода, М. 1920, с. 8. Ленин написал против этого места на полях, что Маркс издевался „как раз не поэтому“ — см. XI Ленинский сборник, с. 349.

ственной системе, выражают закономерности уже совершенно другого движения, чем движение общественного производства. Этот прием является самым распространенным и обычным в буржуазной политической экономии³.

«Экономические категории,—писал Маркс,—представляют собою лишь теоретические выражения, абстракции общественных отношений производства»⁴. Далее, «отношения производства в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, — общество с своеобразным отличительным характером»⁵.

Абстракции, о которых идет речь в экономической системе Маркса, получены в результате применения метода диалектического материализма к анализу определенной ступени исторического развития общества — к товарно-капиталистической системе производства. Это не пустые, неподвижные абстракции à la Вем-Баверк. Это абстракции, которые, освобождая пестрое, эмпирическое многообразие производственных отношений от всего случайного, не типичного, несущего в себе обломки прошлых исторических формаций, раскрывают внутреннее движение этих отношений, закон их возникновения, развития и гибели. Такой, напр., абстракцией является основная категория политической экономии — категория стоимости. Это такого рода абстракции, относительно которых Ленин говорил, что при посредстве их мы не отдаляемся, а приближаемся к пониманию предмета⁶.

Экономические категории Маркса таким образом глубочайшим образом отличаются от экономических категорий буржуазной политической экономии, и это можно проследить на примере любой категории, в частности на категории народного дохода.

Та самая цитата из Маркса, которую мы привели выше, относится к рассуждениям Шторха как раз о национальном доходе. Шторх писал следующее: «Продукты, подлежащие продаже, составляющие национальный доход, в политической экономии следует рассматривать двойным образом: как стоимости по отношению к лицам и как блага по отношению нации, потому что доход нации определяется не таким образом, как доход отдельного индивидуума, не по его стоимости, а по его полезности и тем потребностям, которые он может удовлетворить». По свидетельству Маркса, здесь «Шторх выражает не только свое мнение, но и мнение многих других».

Ошибка Шторха состоит в том, что он допускает двойное рассмотрение (субъективный подход) явления, не подозревая, что продукту, произведенному как товар, объективно присуща двойственность и притом суть

³ Правда, к этому приему нередко прибегал п т. Бухарин, но п он поступая так лишь в силу недостаточно правильного понимания метода диалектического материализма. Этот прием всегда встречал отпор со стороны классиков марксизма. Когда, например, при анализе нашей экономики переходного периода он был применен т. Бухариным, то, как известно, это вызвало со стороны Ленина чрезвычайно энергичный протест. См., напр., «Мы брали общество как систему элементов in natura...» писал Бухарин. Против этого места Ленин на полях написал «Караул!» «Ленинский сборник», XI, с. 357.

⁴ Маркс, Ницета философии (Собр. соч., т. V, с. 364).

⁵ Маркс. Наемный труд и капитал (Собр. соч., т. V, с. 429).

⁶ «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит—если оно правильное (NB)...—от истины, а подходит к ней. Абстракция материи, законы природы, абстракция стоимости и т. д., одним словом, все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее» («Ленинский сборник» IX, с. 183).

ее состоит как раз в том, что размежевывает продукт в качестве потребительной стоимости и стоимости.

Двойное рассмотрение, вытекающее из самой природы изучаемого явления, совершенно обязательно, и притом обязательно оно независимо от того или другого этапа анализа. Следовательно, в применении к товарно-капиталистическому обществу, раз понято то, что продукту, произведенному как товар, о б ъ е к т и в н о присуща двойственность, то эта двойственность, о которой Ленин говорил, что она включает «зародыш всех противоречий», присущих капиталистическому обществу⁷, сохраняет свою полную значимость независимо от того, рассматриваем ли мы отдельный товар (resp. деятельность отдельного товаропроизводителя) или же всю массу вновь произведенных товаров, которые являются результатом производительной деятельности капиталистического общества, взятого в его целом. Следовательно, определенность социальной формы, присущая производству на данном этапе его развития, не только не утрачивает своего характера от того или другого способа рассмотрения производственных отношений, а напротив — эти последние на всех этапах анализа их могут быть поняты при непрременном условии, что субъект, т. е. общество, должно «постоянно витать в нашем представлении как предпосылка» (Введение к «Zur Kritik»).

Таково было мнение и Маркса; он писал: «Говоря об общественной точке зрения, следовательно, рассматривая весь общественный продукт, который предполагает и воспроизводство общественного капитала и индивидуальное потребление, не следует впадать в манеру, заимствованную Прудоном у буржуазной экономии, и смотреть на дело таким образом, как будто общество капиталистического способа производства, взятое en bloc как целое, утрачивает этот свой специфический историко-экономический характер. Напротив. В таком случае приходится иметь дело с коллективным, собирательным капиталистом»⁸.

Этого никогда не понимали буржуазные экономисты и вполне понятно, что категория народного дохода, которой они оперируют, представляет собой пустую абстракцию, категорию не историческую, как и все прочие категории буржуазной политической экономии (деньги, капитал, прибыль и т. д.).

Совершенно прав Герчук, когда он пишет, что «именно вульгарная буржуазная экономика в апологетическом стремлении затушевать классовый антагонизм капиталистического общества и представить капиталистическое хозяйство как некоторое идиллическое единство и гармонию интересов — особенно много потрудились над тем, чтобы возвести это понятие в ранг верховной экономической категории».

Отсюда как будто должен был последовать такой вывод, что то содержание, которое вкладывает в это понятие буржуазная политическая экономия, должно быть сторонниками научного (т. е. марксистского) понимания явлений отвергнуто, как пустая и апологетическая абстракция. Необходимо вложить в это понятие иное содержание и именно то содержание, которое вытекает из экономической теории Маркса, ибо только тогда понятие это из пустой абстракции превращается в экономическую категорию.

Можно с известной точки зрения спорить о том, нужна ли эта категория в системе уже известных и разработанных экономических категорий Маркса. Можно поднимать вопрос о том, что те отношения, которые ею выражаются, имеют адекватное выражение в системе уже известных теоретических кате-

⁷ Ленин, Ж вопросу о диалектике (Собр. соч., т. XIII, с. 302).

⁸ Маркс, Капитал, т. II.

горий и что, следовательно, понятие национального дохода представляет собою лишь другое название того, о чем хорошо известно и без него. Но и е л з я, оставаясь на почве экономической теории Маркса, признавать за понятием национального дохода только то его содержание, которое увещено всеми традициями буржуазной политической экономии, и только на этом основании этой категории вовсе не признавать.

Но именно так и поступает Герчук. Он хорошо усвоил себе, что под национальным доходом понимает буржуазная экономия. Но дальше этого он не пошел. Такая позиция в высшей степени нечелна и убога для тех, кто называет себя, правда, по недоразумению, «марксистами».

Вот, например, как ставил вопрос о «национальном имуществе», с которым оперируют также весьма часто и охотно буржуазные экономисты, молодой Энгельс в статье, напечатанной в 1844 г. в «Немецко-французских ежегодниках», — статье, которую Маркс, как известно, называл геннальной⁹: «Выражение «национальное богатство» появилось впервые благодаря стремлению либеральных экономистов к обобщениям. Пока существует частная собственность, выражение это не имеет смысла. «Национальное богатство» англичан очень велико, и все же они — самый бедный народ в мире. Надо или вовсе оставить это выражение или принять такие предпосылки, при которых оно получило бы смысл (курсив наш — В. К.). То же относится к выражениям «национальная экономия», политическая, публичная экономия». При нынешних условиях науку эту следовало бы назвать частнохозяйственной экономией, ибо общественные отношения существуют здесь лишь ради частной собственности¹⁰.

Mutatis mutandis — этот абзац может быть применен и к выражению «национального дохода» «...выражение это не имеет смысла» — относится, очевидно, к тем представлениям, которые вкладывали в него «либеральные экономисты», т. е. буржуазные экономисты. И Энгельс формулирует свою позицию осторожно, факультативно: или отвергнуть это выражение или же «принять такие предпосылки, при которых оно получило бы смысл».

Мы считаем, что задача марксистов заключается в том, чтобы, опираясь на экономическое учение Маркса и применяя метод этого учения, дать положительное решение относительно этого понятия, т. е. «принять такие предпосылки, при которых оно получило бы смысл».

Именно на этот совершенно правильный путь вступил ряд молодых экономистов-коммунистов, которые работают в области вопросов, связанных с народным доходом теоретически и практически. Мы можем отметить в этой связи работы т. А. Петрова¹¹, работы экономистов Госплана¹² и др. Это только первые попытки марксистской разработки народного дохода теоретически и статистически, главным образом, применительно к условиям нашего советского хозяйства. В этих работах несомненно имеется еще не-

⁹ Маркс, К критике политической экономии (Предисловие).

¹⁰ Энгельс, Очерки критики политической экономии (Собр. соч., т. II, с. 297).

¹¹ А. И. Петров, Теоретические предпосылки подсчета народного дохода («Плановое хозяйство» № 2, 1927 г.).

¹² «Контрольные цифры народного хозяйства на 1928/29 г.», раздел о народном доходе; см. также нашу последнюю статью на эту же тему (Вл. Кац, Народный доход СССР и его распределение. «Плановое хозяйство» № 10 и 11, 1929 г.). Правда контрольные цифры на 1928/29 г., в которых Госплан впервые сделал попытку систематического марксистского подхода к проблеме народного дохода и методологии его подсчета, — Герчук сознательно игнорирует. Перечитайте сборник «Учебных планов программ на 1929/30 учебный год», Моск. промышленно-экон. инст. им Рыкова; в нем имеется программа семинарских занятий по экономической статистике, ведущихся под руководством Я. Герчука; для ознакомления с методами подсчета народного дохода Госпланом, студентам рекомендуются ...Контр. цифры на 26/27 и 27/28 г. (См. упомянутый сборник, с. 90; Госфинизд-во М. 1929 г.).

мало спорного, недоработанного. В частности, с целым рядом положений, развиваемых т. А. Петровым, нами и др. авторами, можно не соглашаться. Однако нас всех объединяет глубокое убеждение, которое отделяет нас всех, вместе взятых, от Герчука, — что ответы на вопросы, связанные с методологией исчисления народного дохода, надо искать единственно лишь у Маркса¹³.

Мы считаем, что последующие генеральные исследования самого Маркса, выяснившего условия и механизм общественного воспроизводства капиталистического хозяйства, содержат все необходимое и достаточное для того, чтобы это понятие (национальный доход) приобрело также предпосылки, при которых оно уже получает тот научный «смысл», который имел в виду Энгельс.

Больше того, как мы увидим ниже, те отношения, которые выражаются этим понятием, включены уже в экономическую систему Маркса. Вспомним, что и в отношении названия нашей науки — «политическая экономия» — Энгельс выразился в достаточной степени скептически, однако марксисты, как известно, в дальнейшем сохранили это название (вопреки позиции «ужасно левого марксиста» — Герчука). Однако они предварительно приняли также предпосылки в отношении этого названия, при которых политическая экономия получила свой подлинный научный смысл. Это тем более легко было сделать, что само экономическое учение Маркса явилось раскрытием подлинного смысла этой науки.

ВОСПРОИЗВОДСТВО, НАРОДНЫЙ ДОХОД И КЛАССОВЫЕ АНТАГОНИЗМЫ

«Непререкаемым фактом является то обстоятельство — пишет Герчук, — что Маркс сам не ввел в свою систему экономических категорий этой „категории“, хотя она ему была известна и на всякие лады повторялась всей классической экономией». И далее:

«...Почему у Маркса в системе экономических категорий, из которых построено все здание его теоретической системы (здание, в котором, как вероятно думает и Кац, все на месте и ничего существенного не пропущено), — почему в этой теоретической системе для „категории“ народного дохода не нашлось места?»... и т. д.

Герчуку, видимо, невдомек, что категория вновь созданной стоимости является категорией, которая введена Марксом во всю его систему экономических категорий и которая, если оставаться в пределах чисто теоретического анализа, вполне адекватна тому, что включается в выражение «народный доход» со стороны его общественного содержания, конечно, при том непрерывном условии, если понимать народный доход с точки зрения экономического учения Маркса в противоположность буржуазным представлениям о нем.

¹³ Герчук издевается в своей статье над тем, что я ищу ответа на вопросы, связанные с методологией исчисления народного дохода, у Маркса.

«Разве кто-нибудь, кроме разве самого Каца, думает о том, что у Маркса надо искать ответа на вопросы методологии исчисления?», — восклицает Герчук. На это мы отвечаем: правильная методология исчисления народного дохода может быть построена единственно только на почве того анализа капиталистического хозяйства, который дал Маркс, или она вовсе не может быть построена. Именно потому, что до сих пор этим предметом занимались только буржуазные экономисты, мы не располагаем методологией исчисления народного дохода, могущей нас сколько-нибудь удовлетворить; хотя в отдельных своих частях методика расчетов достигла большого совершенства, но и на ней лежит неизбежно печать буржуазных методологических предпосылок. Так как Герчук держится на этот счет иного мнения, то позволительно спросить его: на каком собственно основании он продолжает себя называть марксистом?!

Вот почему смешно и нелепо противопоставлять «народный доход» всем остальным категориям Маркса, как это делает Герчук; та совокупность отношений, которая им выражается, в основных и решающих пунктах проанализирована уже Марксом в теории воспроизводства и обращения общественного капитала. Следовательно, та факультативная постановка Энгельса «о национальном имуществе», которую мы признали применимой и к «народному доходу», уже всеми последующими исследованиями Маркса приобрела «такие предпосылки, при которых оно получило смысл».

Цитата Ленина, которую мы привели в нашей первой статье, ничего другого и не утверждает. Однако Герчук находит, что та «фраза Ленина, которую приводит Кац, говорит п р о т и в него», и позволяет даже себе при этом заявить, что недаром мне «пришлось вставить в текст Ленина свою фразу, однако мало помогающую делу». Тут сформулировано дело так, как будто я «присочинил» фразу Ленина¹⁴ Проходя мимо этого приема полемики, мы заметим, что автор позволяет себе далее приписывать нам мысли, которые нигде и никогда мы не высказывали.

Автор приписывает нам мысль о том, что теория национального дохода будто бы — в моих представлениях — призвана з а м е н и т ь собой теорию воспроизводства. Комментируя упомянутую цитату Ленина, где речь именно идет о том, что народный доход как самостоятельная проблема, независимая от проблемы воспроизводства, существовать не может, Герчук пишет: «Казалось бы ясно, что речь идет только о том, что теория национального дохода не может разрешить вопроса, который решает теория воспроизводства. Для Каца, однако, важен не смысл цитируемого, а нечто другое».

Тут имеет место совершенно недialeктическая постановка вопроса: теория национального дохода противопоставляется теории воспроизводства, в то время как в действительности эта последняя уже включает первую. Ведь ошибка буржуазных экономистов, которых имеет в виду Ленин в своей цитате, ни в чем другом и не состояла, как в том, что они вопрос о национальном доходе ставили как вопрос с а м о с т о я т е л ь н ы й, пытаясь его разрешить независимо от отношений воспроизводства в целом. Такая именно постановка плодила, по мнению Ленина, «схоластические рассуждения, дефиниции и классификации» и т. д.

Однако мы лично не только никогда не утверждали ничего подобного, не только не утверждали, как это приписывает нам Герчук, что якобы теория «национального дохода» может разрешить вопрос, который решает теория воспроизводства, — напротив мы в нашем основном определении народного дохода включили его в общую систему воспроизводства; мы писали следующее: «Народный доход капиталистического общества (а также всякого общества, сохранившего меновую форму) — эта масса вновь созданной стоимости — определенная часть годовой продукции страны, ко-

¹⁴ Двусмысленный характер заявления Герчука о том, что я вставлял «в текст Ленина свою фразу», будет ясен читателю, если мы полностью воспроизведем цитату Ленина с нашим замечанием, которое мы заключили в скобки и оговорили прямо инициалами, что оно принадлежит нам (см. «Проблемы экономики» № 1, с. 112). «Вопрос о „национальном доходе“ и „о национальном потреблении“, абсолютно неразрешимый при самостоятельной постановке этого вопроса и плодивший только схоластические рассуждения, дефиниции и классификации, оказывается вполне разрешенным, когда проанализирован процесс производства всего общественного капитала. Мало того: этот вопрос перестает существовать отдельно (отдельно, а отнюдь не перестает существовать вовсе, как то утверждает Я. П. Герчук—Вл. К.), когда выяснено отношение национального потребления к национальному продукту и реализации каждой отдельной части этого продукта. Остается только дать название этим отдельным частям (Ленин, Развитие капитализма, Собр. соч. т. III, с. 37).

торая, распределяясь между основными классами его, обеспечивает воспроизводство и развитие данной экономической системы. Отношения распределения народного дохода находятся во внутреннем единстве с отношениями производства его, составляя момент в совокупном движении всего процесса воспроизводства в целом» («Проблемы экономики» № 1, с. 109).

А Герчук нам возражает: «Кац никак не может попятить, почему указание Маркса на антагонистический характер доходов в капиталистическом обществе является аргументом (ну и «аргумент»!—В. К.) против категории национального дохода». И сейчас же берется мне «возможно популярнее» (т. е., как мы увидим, возможно вульгарнее) разъяснить, почему это так, почему этот его великолепный аргумент «как будто бы должен быть ясен сам собой».

Сущность разъяснения сводится к тому, что нельзя приводить «...ничего не говорящие фразы (?) о „единстве доходов, не исключаящем их антагонизма“ (чего органически не может перевернуть наш великий «диалектик»—В. К.), и далее: «нельзя же ведь на самом деле рассматривать доходы капиталистического общества, как стадо лошадей, и рассуждать, что это есть некоторое единство, не устраняющее наличия индивидуальных признаков у отдельных лошадей, входящих в стадо» (Курсив наш—В. К.).

Это действительно «лошадное» понимание (в философском смысле здесь, конечно, понимании механиста) одного из основных законов диалектики, закона единства противоположностей, в его применении к производственным отношениям капитализма. Оно красноречиво свидетельствует о том, почему Герчук в состоянии был усвоить только одно представление о народном доходе, именно то, которое всегда было достоянием буржуазной экономической мысли. К чести Герчука нужно все же отметить, что, желая попасть в лоно этой последней, он вынужден был отвергнуть целиком эту категорию. И тем, правда, через другую дверь (ведущую в сторону от марксизма) он примкнул к тем же позициям в вопросе о народном доходе, которые характеризуют новейшие буржуазные представления об этом предмете¹⁵.

В своем утверждении о том, что марксизм несовместим с признанием категории народного дохода, Герчук оперирует некоторыми цитатами из Маркса.

¹⁵ Отношение буржуазной экономики к понятию народного дохода следует также брать в развитии, и тогда можно убедиться, вопреки заявлениям Герчука, что стремление увековечить эту категорию характеризует лишь определенный этап развития буржуазной мысли и соответствует определенному этапу развития капитализма. В настоящее время единство взглядов по этому предмету серьезно нарушено, и более дальновидные из буржуазных экономистов предпочитают отвергать теперь и теоретически эту категорию (см. характерные дебаты на эту тему, происходившие в 1926 г. в Союзе социальной политики в Вене—см. «Schriften, d. v. f. S.» В. 173, München und Leipzig, 1926). Последняя фаза капиталистического развития характеризуется, как известно, чрезвычайно сильным снижением темпов прироста народного дохода (см. в этом отношении хотя бы работы С. Фалькнера, «Темп роста народного дохода важнейших стран», «Социалистическое хозяйство», № 1, 1923 г., С. Прокоповича и др.). Это настолько одиозное явление, что некоторые буржуазные экономисты зачались усиленным дискредитированием самого понятия народного дохода и его показательной силы. Этой же дискредитацией занимается и Герчук.

В условиях советского хозяйства с его гигантскими темпами роста народного дохода упреждения в на Герчук носят уже не столь безобидный характер, как то может показаться некоторым на первый взгляд,—независимо от того, сознает или не сознает он это сам (новые данные о темпах роста народного дохода у нас см. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1929/30 г.», а также уже упомянутую выше нашу статью «Народный доход СССР и его распределение» в журнале «Планировочное хозяйство» № 10—11 за 1929 г.).

Цитата Маркса из III тома «Капитала» гласит: «Если рассматривать доход всего общества, то национальный доход состоит из заработной платы, плюс прибыль, плюс рента, т. е. из валового дохода. Однако и это является абстракцией в том смысле, что все общество, на основе капиталистического производства, становится на капиталистическую точку зрения, и потому чистым доходом считает лишь доход, сводящийся к прибыли и ренте».

Комментарий Герчука: «Здесь мысль об отсутствии социального содержания за „категорией“ национального дохода высказана довольно недвусмысленно, и к этой мысли Маркс неоднократно возвращался и в других местах».

Каждый внимательно прочитавший вышеприведенную цитату из Маркса поймет, что «комментарий» Герчука представляет собою прежде всего сплошной произвол.

Если оставаться в пределах приведенной цитаты, то в ней Маркс утверждает только одно, что если стать на буржуазную точку зрения, то национальный доход капиталистического общества, который в действительности состоит из трех видов дохода (заработной платы, прибыли и ренты), должен был бы свестись только к прибыли и ренте, т. е. совпасть с категорией прибавочной стоимости. Именно потому, что буржуазия рассматривает заработную плату в качестве «издержек» по производству прибавочной стоимости, она, оставаясь последовательной, должна была бы заработную плату не считать элементом дохода. Однако буржуазные экономисты из апологетических соображений вводят ее в состав национального дохода, предварительно лишь ее однако антагонистического характера («триединая формула доходов» старой вульгарной политической экономии; «Zurechnungstheorie» — «теория вменения» — у более поздних экономистов)¹⁶.

В чем заключается здесь ошибка буржуазной политической экономии?

Разве в том, что в состав народного дохода (или в категориях чистой теории — в состав вливов созданной стоимости) она включает ту часть стоимости, которая служит источником дохода пролетариата, и без которой нельзя было бы понять процесс производства и воспроизводства капиталистического общества? Очевидно, не в этом. А в том, что включение этого элемента происходит таким образом, что он лишается той «определенности социальной формы», которая ему, как и всякой экономической категории, присуща. Заработная плата в составе национального дохода, понимаемого в буржуазном смысле, не есть сторона основного антагонизма, другой стороной которого является прибавочная стоимость со всеми ее последующими распадами на отдельные виды нетрудовых доходов. Заработная плата, прибыль и рента выступают здесь в обезличенной (в классовом отношении) форме доходов «вообще», т. е. независимо от того, кто их создает и кто и на каком основании их присваивает.

Но как же можно, объединяя все эти основные виды доходов в понятие национального дохода, в то же время полностью сохранить антагонистический их характер, без чего самое понятие превращается в пустую абстракцию?

Для того, кто понимает, что отношения распределения находятся в определенном единстве с отношениями производства, что последние покоятся в капиталистическом обществе на законе стоимости, кто, далее,

¹⁶ В частности о «триединой формуле» Маркс писал: «...эта формула соответствует интересам господствующих классов, так как она проklamирует и возводит в догму естественную необходимость и вечное оправдание источников их дохода» («Капитал», т. III, ч. 2-я, с. 360, изд. 1908 г.).

уяснил себе механизм воспроизводства общественного капитала, в котором различные виды дохода, сохраняя все присущие им специфические черты, обусловленные различной ролью отдельных классов в производстве, обуславливают вместе с тем воспроизводство на расширенной базе всего капиталистического хозяйства, — для тех не представляет трудностей понимание того, что субстанцией всех доходов является стоимость и именно потому, что доходы возникли на основе стоимости, они носят неизбежно антагонистический характер. «Весь вновь присоединяемый труд представлен во вновь созданной в продолжение года стоимости, которая в свою очередь целиком превращается в три вида дохода: заработную плату, прибыль и ренту» (Маркс)¹⁷. Доходы выступают лишь «...как составные части стоимости, достигающиеся этим определенным категориям агентов производства: рабочему, капиталисту, земельному собственнику» (там же). «Наконец, в какой бы пропорции класс капиталистов, буржуазия — одной ли страны или всего мира — не делили в своей среде чистый доход производства, общая сумма чистого дохода в целом всегда равняется сумме стоимостей, прибавленной к накопленному труду непосредственным трудом» (Маркс)¹⁸.

Раз стоимость является субстанцией всех видов дохода, то она образует их единство. Только на основе этого единства всех видов дохода, посредством которого отношения распределения и могут составлять «оборотную сторону отношений производства», возможно общественное производство и воспроизводство в антагонистической форме и самое развитие этих антагонизмов. В противном случае мы имели бы абсолютный антагонизм, исключающий возможность общественного производства в антагонистической форме, мы получили бы перманентный кризис общественной системы хозяйства; но перманентных кризисов, как отмечал Ленин, не бывает. Следовательно, в действительности мы имеем не абсолютную невозможность движения общества в антагонистической форме, а относительную возможность его развития через классовую борьбу, рост и обострение противоречий, которые достигнут в конце концов такого напряжения, за которым воспроизводство на прежней основе уже становится действительно невозможным, наступает эпоха революции и смены общественной формы.

Но так как Герчук плохо разбирается в вопросах диалектического материализма, то ему кажется, что если мы утверждаем е д и н с т в о всех видов доходов, то тем самым мы уничтожаем антагонистический характер их. Между тем в действительности этот их антагонистический характер может проявлять себя не иначе как в единстве, на основе которого он вырастает и движется, как отрицание этого единства.

Наш автор таким образом отождествляет категорию единства с категорией тождества, не понимая, что единство в отличие от тождества всегда предполагает и включает различие. Цитата, которую мы сейчас приведем, полностью разоблачает его в этом отношении: «...Я считаю совершенно ложной идею Каца, — пишет Герчук, — о наличии какого-то „е д и н с т в а всех видов доходов“. Такого „единства“ просто (очень просто! — В. К.) не существует, и признание его открывает широчайшую дорогу для апологетики капитализма. Это признание, явно вытекающее из всей „концепции“ Каца, наиболее отчетливо обнаруживает всю ее неверность и вредность, и никакие оговорки, которые он делает в скобках, что это „отнюдь не исключает классового антагонизма“, — делу помочь не могут».

¹⁷ М а р к с, «Капитал», т. III, ч. 2.

¹⁸ М а р к с, Наемный труд и капитал, Собр. соч., т. V, с. 436.

Что касается того, что субстанцией всех доходов капиталистического общества является стоимость, то эта идея Каца, как мы видели из приведенных выше цитат, есть в то же время и идея Маркса; идея эта не только не «ложная», но глубоко правильная идея. И вместо того, чтобы прикрываться именем Каца, Герчуку надо было прямо заявить, что в этом основном вопросе всех вопросов, связанных с теорией народного дохода, он с Марксом не согласен.

Что означает признание того, что субстанцией всех доходов является стоимость?

Это означает утверждение того, что отношения распределения народного дохода определяются отношениями производства, которые покоятся на стоимости. Это означает, что мы даем не только специфическую, как бы естественную характеристику отношениям распределения (самый классовый антагонизм, с которым так беспомощно возится Герчук, вырастает и движется на основе стоимости), но и придает этим отношениям распределения количественную определенность.

Маркс писал: «Таким образом, во-первых, дана величина товарной стоимости, распределяющаяся между заработной платой, прибылью и рентой, — дана, следовательно, абсолютная граница суммы отдельных частей стоимости этих товаров. Во-вторых, что касается самих этих категорий, то даны средние и регулирующие границы их. Заработная плата образует базис этого последнего ограничения». Далее: «...Таким образом стоимость всех остальных доходов получает определенную границу»... «Следовательно, ее граница дана границей той стоимости, в которой выражается неоплаченный труд, т. е. количеством этого неоплаченного труда»¹⁹.

И в качестве общего закона распределения народного дохода: «Итак, подобно тому, как распределение всей вновь присоединенной к товарам стоимости и вообще стоимости, разлагающейся на доходы, находит свои объективные и регулирующие границы в соотношении между необходимым и прибавочным трудом, заработной платой и прибавочной стоимостью, точно так же и разделение самой прибавочной стоимости на прибыль и земельную ренту подчинено законам, регулирующим уравнение нормы прибыли в общую норму прибыли»²⁰.

Этих цитат вполне достаточно для того, чтобы убедиться в кардинальном непонимании Герчуком самых основ экономической теории Маркса. Только поэтому он не мог понять нашего основного положения, которое мы выставили о народном доходе в полемике с проф. Литошенко.

ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ФОРМЫ КАК ЕДИНСТВО ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

Герчука чрезвычайно удивляет то обстоятельство, что потребительная и меновая стоимость характеризуют собой две стороны не только товара, но и доходов.

Это свое наивное удивление, возникающее вследствие непонимания им того, что доходы в условиях товарного хозяйства могут возникать лишь на основе производства товаров (а не, скажем, производства продуктов, только потребительных стоимостей) и потому природа этих доходов неизбежно носит двойственный характер, отражая в категориях распределения то, что им присуще в категориях производства, — Герчук выражает поразительно безграмотно: «...Между тем, — разъясняет авто-

¹⁹ Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, изд. 1908 г., с. 388.

²⁰ Там же, с. 391.

ритетно Герчук, — как до сих пор все марксисты (очевидно, не осененные разумом Каца) считали, что эти две стороны стоимости (?—В. К.) являются ее — стоимости (?—В. К.) — материальным и общественным субстратом. Очевидно, по Кацу, возможно, что одно и то же понятие может без всяких модификаций представлять собой одновременно субстрат и стоимости и доходов»²¹.

Оказывается, до сих пор все марксисты (очевидно, «марксисты» à la Герчук) считали, что потребительная стоимость и меновая стоимость это, как он пишет, — «две стороны стоимости». Насколько нам известно, до сих пор марксисты считали, что то ва р есть единство потребительной стоимости и стоимости, следовательно, стоимость есть сама одна из сторон этого противоречия, а не единство их.

Далее, оказывается, что те же «все марксисты» считали, «что эти две стороны стоимости (!—В. К.) являются ее — стоимости — материальным и общественным субстратом». Насколько нам известно, отнюдь не со времени выхода в свет «Капитала» Маркса, а лишь в самое последнее время «некоторые марксисты» действительно стали проповедывать, что материальное (или, как они выражаются и притом выражаются не случайно, — «материально-техническое») исключает общественное; что общественное не включает материальное, противопоставляет ему. Исходя из этого, Герчук составил себе такое, примерно, представление о стоимости, что стоимость имеет две стороны: одну — материальную, другую — общественную; первая — это потребительная стоимость, а вторая — меновая стоимость.

И эта галimatия выдается им от имени «всех марксистов» за теорию стоимости Маркса?!

Но пойдем дальше. Заработная плата, прибыль и рента представляют собой различные типы (стороны) производственных отношений, или, как довольно безграмотно выражается Герчук, — они представляют «специфические отношения отдельных классов к (?—В. К.) общественному производству, три различных типа этих отношений». Тут опять образчик представлений механиста: общественное производство — по одну сторону, классы — по другую, а экономические категории, оказывается, выражают отношения последних к первым. Ему и невдомек, что общественное (капиталистическое) производство уже включает классы и классовые отношения.

Заработная плата, прибыль, рента — это три «определенности социальной формы», и эту свою определенность они получают не иначе, как на основе одной и той же, а не «различной общественной субстанции», частями которой они только являются; именно потому сумма этих доходов соответствует вновь созданной стоимости. Через посредство своей субстанции доходы и связаны с отношениями производства, другую сторону которых они сами составляют; их абсолютный размер и тенденции движения тем самым predeterminedены. Но тот, кто понимает определенность социальной формы односторонне, не как единство формы и содержания, для того заработная плата, прибыль, рента — это обособленные, изолиро-

²¹ Наше положение, выставленное против Лятошенко, остается несколько не поколебленным разглагольствованиями Герчука. Именно в силу двойственной природы доходов имеет, напр., смысл номинальную заработную плату, определенную часть вновь созданной стоимости, образующую доход пролетариата, переводить в так называемое реальное выражение, в определенную часть продукции, которая по своему составу образует потребительский бюджет рабочего. Это, как известно, производится всегда и везде при анализе динамики заработной платы.

ванные типы социальных отношений, между которыми нет и не может быть никакого единства, ибо они лишены какой бы то ни было единой субстанции. Отвергая единую субстанцию во всех доходах, мы тем самым утверждаем отсутствие количественной определенности в отношениях распределения, мы тем самым признаем, что эти отношения не имеют своих, как выражается Маркс, «объективных и регулирующих границ». Вот почему суммировать их, выразив доход количественно, это значит, по мнению Герчука, заниматься метафизикой: «Как может в самом деле сумма заработной платы плюс прибыль, плюс ренты, представляющих определенные социальные отношения отдельных классов к общественному производству, представляющих три различных типа этих отношений, три различных «определенности социальной формы», имеющие различную (?! — В. К.) общественную субстанцию, — как сможет такая сумма представлять собою экономическую категорию, имеющую общественное существование, долженствующую помогать нам в анализе социальной формы капиталистического хозяйства».

После всего сказанного ясно следующее:

Во-первых, что три основных вида дохода, присущих капиталистическому обществу, имеют не «различную общественную субстанцию», как утверждает Герчук, а одну и ту же общественную субстанцию, ибо субстанцией всех доходов является стоимость.

Во-вторых, что «определенность социальной формы», которая несомненно присуща всем экономическим категориям Маркса (следовательно, и категории народного дохода), марксистами всегда понималась как единство формы и содержания, а не односторонне, как только общественная форма отношений. Поэтому «определенность социальной формы», присущая отдельным видам дохода — заработной плате, прибыли и ренте, — качественно и количественно создается на основе стоимости, как субстанции доходов.

Разве не напоминает эта постановка Герчука следующий образчик рассуждений Булгакова, где имеет место такая же «оригинальная» трактовка социального характера категорий Маркса, при которой выхолщивается из них материальное содержание: «Что же за вещь такая — эта прибавочная ценность, что ее, как сукна или хлопка или другого какого-либо товара, может хватить или нехватить для покрытия возможного спроса? Прежде всего это — не материальная вещь, это — понятие, служащее для выражения определенного общественного отношения производства».

И вот какой ответ дает этому идеалистическому пониманию экономических категорий Ленин: «Это противоположение „материальной вещи“ „понятию“ представляет собой наглядный образчик той схоластики, которую так любят в настоящее время преподносить под видом „критики“. Какое значение могло бы иметь „понятие“ о доле общественного продукта, если бы этому понятию не соответствовали определенные „материальные вещи?“ Прибавочная ценность есть денежный эквивалент прибавочного продукта, который состоит из определенной доли сукна, хлопка, хлеба и всех прочих товаров (определенность надо понимать, конечно, не в том смысле, что наука может конкретно определить эту долю, а в том смысле, что известны условия, определяющие в общих чертах размер этой доли)»²².

А размеры долей общественных классов, о которых идет здесь речь, как известно, определяются законом стоимости. Но стоимость может

²² Л е н и н, Аграрный вопрос и «критика» Маркса (Собр. соч., т. IV, изд. 2-е, с. 196).

регулировать движение доходов только потому, что доходы сами представляют собою не что иное, как лишь части совокупной стоимости; последняя образует их субстанцию.

Нам нет надобности еще что-либо добавлять к вышеприведенному, классическому по простоте, глубине и убедительности ответу Ленина всем сторонникам понимания экономических категорий Маркса à la Булгаков, Герчук и др.

КАТЕГОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И СТАТИСТИКИ

Основная мысль Герчука, которую он многократно и на все лады повторяет, сводится к тезису о том, что категория народного дохода является категорией статистической, а не категорией экономической.

Он пишет: «Из развитой мною выше концепции национального дохода вытекает лишь то, что я и это понятие интерпретирую исключительно как вещную совокупность, не находя у нее общественной субстанции и потому относя ее к категории „статистических категорий“, т. е. таких, которые полезны лишь при анализе конкретного хозяйства, его структуры и динамики». После всего сказанного выше нет надобности возвращаться снова к доказательству того, что народный доход, с точки зрения экономической теории Маркса, является категорией экономической. Мы видели, что народный доход в качестве экономической категории единственно только на почве марксистского анализа капиталистического хозяйства приобретает определенное экономическое содержание, вполне определенный научный смысл. Наоборот, если иметь в виду то представление о народном доходе, которое господствует в буржуазной политической экономии, если принять эту трактовку всерьез,—тогда действительно «народный доход»—это не экономическая категория, а фикция, пустая абстракция, одна из тех «абстракций», которые мы в изобилии находим в любой из многочисленных «систем» течений, оттенков буржуазной экономической мысли. Все они являются носителями одной верховной социальной функции—апологетики капиталистического общества, которую они усиленно выполняют.

Итак, народный доход—категория экономическая; но однако это положение отнюдь не исключает того, что в качестве массового социального явления народный доход поддается количественному описанию, может, следовательно, фигурировать в качестве категории статистической.

Вильям Петти, с именем которого Маркс связывал, как известно, начало развития классической политической экономии²³, был не только гениальным экономистом, но одновременно неплохим «политическим арифметиком»,—как тогда называли людей, применявших статистические методы исследования. Именно с В. Петти связана первая в истории попытка исчисления народного дохода²⁴.

Вся последующая мировая практика статистического исследования народного дохода,—независимо от критического отношения, которое вполне естественно к ней питает марксистская мысль,—показывает, что задача исчисления народного дохода при известных предпосылках является задачей вполне разрешимой. По мере развития и усовершенствования методологии и методики этих исчислений идет одновременно развитие понятия народного дохода как категории статистической. Последняя обла-

²³ Маркс. «Теория», т. I, изд. 1922 г., с. 15.

²⁴ См. Войтинский, Мир в цифрах, т. I.

дает некоторыми особенностями, вытекающими из того, что количественное описание народного дохода возможно не иначе как в качестве народного дохода определенной страны. Мы писали: «с точки зрения экономической теории речь может идти только о народном доходе по отношению к определенной системе хозяйства, напр., о народном доходе капитализма, независимо от того, какова пространственная характеристика последнего. При статистическом же исчислении народного дохода объектом учета может быть только конкретный капитализм определенной страны. Но, очевидно, что народный доход от этого не перестает быть реальной экономической категорией, за которой стоят вполне реальные производственные отношения конкретного капитализма»²⁵.

Но именно потому, что народный доход как статистическая категория является категорией несамостоятельного порядка, именно поэтому содержание, а равно и научный ее смысл обусловлен всецело народным доходом, как экономической категорией. Правильное понимание этой последней является необходимой предпосылкой для определения наиболее целесообразных путей, по которым должна развиваться статистическая разработка народного дохода. Сама статистика при всем богатстве технических приемов, которыми она располагает, не в состоянии самостоятельно наметить методологию и методику исчисления народного дохода, поэтому в основе всех современных и прошлых расчетов лежит — правильная или неправильная, — но определенная концепция народного дохода, как экономической категории (независимо от того, сознают или не сознают это сами статистики, исчислявшие народный доход той или другой страны). Иначе и быть не может, ибо такое положение вещей вытекает из самой природы статистики как научной дисциплины. Самые выдающиеся статистики, как, например, проф. Боули в Англии, проф. Меерварт в Германии, проф. Орженецкий у нас — все они утверждают, что статистика, как таковая, есть лишь определенный метод количественного описания массовых явлений.

Лишь один Герчук додумался до того, чтобы в качестве критерия статистического порядка выставить признак «вещной совокупности», причем, как он поясняет в применении к экономической статистике, эти вещные совокупности лишены какой бы то ни было «общественной субстанции». Это его положение является продолжением ошибок, связанных с противопоставлением социального материальному, ибо последнее берется только *in natura*. Большую путаницу в вопросе о сущности категорий экономической статистики трудно себе и представить!

На той же позиции (Боули и др.) стоит у нас и статистик-марксист М. Н. Смит, утверждающая, что «безукоризненно точным было бы, конечно, определение статистики как учения о применении статистического метода к научным исследованиям», что «статистика, как и математика, есть дисциплина чисто методологическая, трактующая исключительно количественные вопросы»²⁶.

Соглашаясь с тем, что *in abstracto* «статистика не имеет специального объекта, а есть лишь метод, применимый к разным объектам»²⁷, мы однако полагаем, что *in concreto* статистический метод, будучи применен к определенной области, напр., к области экономических явлений (так называемая «экономическая статистика»), получает в ней ту необходимую определенность, которая всегда является результатом единства метода и

²⁵ «Проблемы экономики» № 1 за 1929 г., с. 111.

²⁶ М. С м и т, Основы статистической методологии, в. I, 1923 г., с. 13.

²⁷ Там же, с. 14.

предмета, которого статистика как таковая лишена. Следовательно, свой определенный смысл статистика как метод приобретает лишь в связи с тем специальным предметом, с характером той или другой определенной науки, в которой находит себе применение статистический метод исследования. Поэтому совершенно нелепа позиция Герчука, которая фактически сводится к мнению, что раз народный доход в той или другой форме фигурирует в качестве категории и статистической (т. е. определенного количественного описания народного дохода с учетом времени и места), то тем самым народный доход является уже категорией и экономической.

Мы имеем здесь образчик неправильного представления о соотношении между категориями политической экономии и статистики, непонимание того, что при всех особенностях, присущих категориям статистики, статистика (речь идет об экономической статистике) в основном занимается количественными описаниями первых *in concreto*. Правда, статистике удастся эту задачу решать лишь приблизительно, до известной степени, нередко в весьма упрощенной форме. Взятая во всей своей сложности задача количественного описания тех или других сторон, форм движения воспроизводства *in concreto* (что означает в свою очередь известную ступень абстракции) оказалась бы делом совершенно неразрешимым.

Для достижения своих целей статистика выработала целый арсенал технических приемов, вспомогательных, прикладных категорий. И те, кто, подобно Герчуку, видят в статистике только этот технический ее реквизит, кто отождествляет полностью статистику с этими вспомогательными категориями, не уясняя до конца, для какой цели они созданы и какова их сущность, границы применения и степень условности, возникающие из понимания системы *э к о н о м и ч е с к и х* категорий,—только те могут допускать безоговорочное абсолютное противопоставление категорий статистики и категорий теоретической экономии.

Мы же придерживаемся радикально иных взглядов на данный предмет. Мы полагаем, что основные статистические категории (речь здесь идет везде об экономической статистике) являются в то же время категориями экономическими и, следовательно, то обстоятельство, что данная категория выступает в качестве статистической (напр., народный доход), отнюдь не отменяет экономической категории, которая за нею стоит и которую она количественно оформляет, не отменяет основных свойств, присущих ей в качестве именно экономической категории. Вместе с тем статистика как наука включает и массу всякого рода чисто вспомогательных приемов, методов, категорий, назначение которых ограничивается этим именно их качеством, т. е. вспомогательным, прикладным их характером.

Таким образом, вопрос о взаимоотношениях категорий политической экономии и статистики фактически оказывается гораздо более сложным, чем это представляется Герчуку. Этот вопрос отнюдь не разрешается механическим противопоставлением экономическим категориям статистических категорий *en masse* (т. е. без всякого конкретного разбора каждой отдельной категории, которая фигурирует в статистической практике) и отождествлением *в с е х* статистических категорий с категориями вспомогательного характера. Когда же Герчук попытался говорить не о статистических и экономических категориях вообще, а заговорил о совершенно определенной категории — народном доходе, то ничего кроме сплошного конфуза, как мы видели, не получилось. Но это произошло только от того (как мы теперь знаем), что он не понял сущности, природы и значения народного дохода как экономической категории.

Непонимание Герчуком этой категории было в достаточной степени проанализировано нами выше. Оно неизбежно сказывается во всех его рассуждениях, в частности, в его аргументах и «от статистики». Он полагает, что раз только мы признаем народный доход категорией экономической, то мы, мол, обязаны подобным же образом поступить решительно со всеми категориями статистики, объявив их все без разбора категориями политической экономии. Ему настолько понравилась эта нелепая мысль, что он расписывает ее на целую страницу, перечисляя без всякого разбора и смысла категории статистические, которые (конечно, не непосредственно) *mutatis mutandis* вместе с тем являются и экономическими категориями (как, например, народный доход, валовая продукция, производственное потребление, которым в категориях чистой теории соответствуют — но не совпадают — вновь созданная стоимость товара, валовая стоимость товара, перенесенная стоимость), и категории чисто вспомогательные — технико-статистические и просто технические (сырье, топливо, материалы, как «вещные совокушности», т. е. как категории технические; в отношении народного дохода мы от себя могли бы, например, с гораздо большим основанием добавить — народный доход из расчета на душу, т. е. *per capita income* в англо-американской статистике и др.).

Ошибка Герчука, следовательно, состоит в том, что он не различает в системе экономической статистики экономико-статистические и технико-статистические категории, что он отождествляет первые со вторыми и что последние он выдает за единственно присущие статистике.

С выяснением этой ошибки отпадает основной «неотразимый» аргумент Герчука от статистики, подобно всем прочим неотразимым его аргументам от экономии. Марксизм оказывается способным не только обосновать теоретико-экономическое содержание категории народного дохода (преодолеть тем самым буржуазные извращения, связанные с этой категорией), но и определить наиболее целесообразные пути статистической разработки народного дохода. Если по всем этим вопросам Герчук оказался в совершенно беспомощном положении, то это произошло только потому, что за марксизм он выдает то, что в действительности представляет собою всего лишь одну из разновидностей его извращения.

В заключение несколько слов о следующем. Герчук усиленно рекомендует нашему вниманию свое другое творение, которое годом позже было напечатано в «Вестнике статистики». Это — критика одновременно опубликованной им в переводе статьи немецкого статистика Г. Кольма «Исчисление „чистой продукции“ в статистике производства»²⁸.

В этой статье Герчук сделал целый ряд правильных критических замечаний по адресу Кольма с его «оригинальной» концепцией национального дохода, сущность которой заключается в том, что Кольм свел национальный доход только к сумме индивидуальных денежных доходов. В этой статье Герчук поднимается в целом ряде отдельных пунктов до правильного понимания концепции народного дохода «как вновь созданной стоимости», и, если бы он способен был ее продумать до конца, то он бы понял, в каком вопиющем противоречии к ней находится его собственная позиция. Но так как ему не приходится здесь развернуть и раскрыть полностью свое понимание вопроса, то то специфическое, что характеризует ложность всей его позиции, еще не вполне ясно и не может быть до конца выведено из этой статьи, хотя внимательный анализ легко может обнару-

²⁸ Я. Герчук, Несколько замечаний о работе Г. Кольма («Вестник статистики» № 2 за 1927 г.).

жить и здесь в зародыше то, что в развернутом виде дано Герчуком в настоящее время. Так, он везде говорит о национальном доходе только лишь в связи с интерпретацией «чистой продукции» как метода исчисления национального дохода, т. е. как о задаче чисто статистической, не вдаваясь в анализ существа этой категории, как таковой, отчего его критика, конечно, отнюдь не выигрывает в убедительности.

Однако теперь с опубликованием Герчуком ответа мне, — ответа, в котором он возвращается к исходным позициям, изложенным в «Вестнике конъюнктуры» еще в 1926 г., и развивает элементы, в скрытом виде содержащиеся в его упомянутой выше статье против Кольма, — теперь не может быть сомнения ни у кого в том, что не эти отдельные правильные критические замечания против Кольма характеризуют позицию Герчука. Концепция Герчука полностью развернута им в статье, которую мы подвели здесь подробному рассмотрению и критике.

Судя по ряду признаков, Герчук своей новой статьей думал оказать услугу марксизму, но он забыл, что с людьми нередко происходит то, о чем писал старик Гегель: «с ним (человеком) случается так... что из его действия выходит нечто совершенно иное, чем он думал и хотел».

ОТ РЕДАКЦИИ

Помещая статью Я. Герчука и ответ В. Каца, редакция считает дискуссию по данному вопросу законченной. Редакция в основном присоединяется к точке зрения т. Каца и полагает, что успешная разработка теории народного дохода и методологии его исчисления, — разработка, необходимость которой с возрастающей остротой выдвигается ростом планового хозяйства в нашей стране, — возможна лишь на основе признания реальности категории народного дохода, а отнюдь не на основе представления о народном доходе, как о понятии, имеющем только вспомогательно-статистический характер. Редакция считает правильным мнение, что ключ к методологии исчисления народного дохода следует искать в общей теории капитализма, созданной Марксом.

Н. АНИСИМОВ

К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ ОБОРОТА КАПИТАЛА

(Высвобождение денежного капитала в процессе оборота и организация оборота) ¹

Для того, чтобы не усложнять анализа, мы ограничимся в данной статье исследованием освобождения денежного капитала только в процессе оборота оборотного капитала при непрерывном равномерном производстве одновременно одной партии товара и при постоянных ценах на элементы издержек производства и на готовый товар (исследование оборота капитала в целом в более сложных условиях подтверждает — в отношении высвобождения денежного капитала в процессе оборота оборотного капитала, — те же основные выводы, какие получаются при исследовании вопроса при этих упрощенных условиях). Возьмем для примера оборот в этих условиях постоянной части оборотного капитала при равенстве рабочего времени и времени обращения без образования запасов элементов производства.

IV. ОСВОБОЖДЕНИЕ ДЕНЕГ В ОБОРОТЕ ПОСТОЯННОЙ ЧАСТИ ОБОРОТНОГО КАПИТАЛА

Допустим, что стоимость постоянной части оборотного капитала, необходимой для производства одной партии товара, равна 450 руб. Пусть весь период оборота партии товара равен 9 неделям. Рабочее время ² и время обращения пусть будут по 4¹/₂ недели каждое. Тогда оборот будет протекать таким образом: на производство партии товара авансируются в оборотную постоянную часть капитала 450 руб., которые постепенно и расходуются в течение 4¹/₂ недель на закупку соответствующего сырья и т. п. (предполагается, что сырье немедленно по закупке идет в производство). По истечении первой половины пятой недели со дня начала производства партия товара выходит из производства и поступает для реализации на рынок, где она может превратиться в деньги только спустя четыре с половиной недели, т. е. спустя девять недель со дня начала оборота. Таким образом для того, чтобы процесс производства не прерывался, необходимо на время реализации первой партии наладить производство другой партии товара, на что необходимо авансировать дополнительно денежный капитал. Так как деньги от реализации первой партии поступят только на девятой неделе со дня начала оборота, то очевидно размер капитала, который необходимо авансировать для закладки новой другой партии товара, должен быть равен всей стоимости

¹ Окончание статьи; начало см. «Проблемы экономики» № 10—11. Статья печатается в порядке обсуждения.

² Как здесь, так и в дальнейшем, мы условно берем рабочее время равным всему времени производства, чтобы не усложнять анализа.

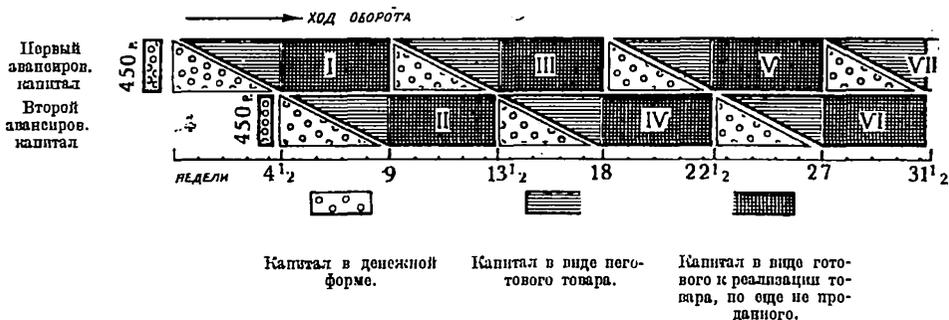
новой партии (450 руб.), ибо в течение всего времени ее производства денежного капитала нигде извлечено быть не может (время производства новой партии как раз равно времени обращения старой.) Следовательно, к уже авансированным 450 руб. прибавляется 450 руб. на новую партию товара. По истечении новых $4\frac{1}{2}$ недель, в конце 9 недели со дня начала оборота, первая партия товара реализуется, и от этой реализации выручается 450 руб. К этому времени кончается производство второй партии, и для продолжения производства требуется наладить производство третьей партии. Необходимый для этого капитал как раз и поступает от реализации первой партии. Таким образом процесс оборота капитала развивается дальше.

Оборот капитала в данном случае может быть изображен в виде такой таблички:

Партия товара по счету от начала оборота	Период оборота	Рабочий период	Перенесенная на партию товара стоимость постоянной части оборотного капитала	Период обращения
Оборот авансированных в самом начале 450 руб.				
1-я	1—9 нед.	1— $4\frac{1}{2}$ нед.	450 руб.	$4\frac{1}{2}$ —9 нед.
3-я	10—18 »	10— $13\frac{1}{2}$ »	450 »	$13\frac{1}{2}$ —18 »
5-я	19—26 »	19— $22\frac{1}{2}$ »	450 »	$22\frac{1}{2}$ —27 »
7-я	28—37 »	28— $31\frac{1}{2}$ »	450 »	$31\frac{1}{2}$ —36 »
9-я	37—45 »	37— $40\frac{1}{2}$ »	450 »	$40\frac{1}{2}$ —45 »
11-я	46—54 »	46— $49\frac{1}{2}$ »	450 »	$49\frac{1}{2}$ —54 »
Оборот авансированных в начале второй половины 5-й недели 450 руб.				
2-я	$4\frac{1}{2}$ — $13\frac{1}{2}$ н.	$4\frac{1}{2}$ —9 нед.	450 руб.	10— $13\frac{1}{2}$ нед.
4-я	$13\frac{1}{2}$ — $22\frac{1}{2}$ »	$13\frac{1}{2}$ —18 »	450 »	19— $22\frac{1}{2}$ »
6-я	$22\frac{1}{2}$ — $31\frac{1}{2}$ »	$22\frac{1}{2}$ —27 »	450 »	28— $31\frac{1}{2}$ »
8-я	$31\frac{1}{2}$ — $40\frac{1}{2}$ »	$31\frac{1}{2}$ —36 »	450 »	37— $40\frac{1}{2}$ »
10-я	$40\frac{1}{2}$ — $49\frac{1}{2}$ »	$40\frac{1}{2}$ —45 »	450 »	46— $49\frac{1}{2}$ »
12-я	$49\frac{1}{2}$ — $58\frac{1}{2}$ »	$49\frac{1}{2}$ —54 »	450 »	54— $58\frac{1}{2}$ »

Для наглядности данная табличка может быть представлена в виде следующего графика:

График № 1

Мы видим, что в данном случае авансированный денежный капитал расходуется по частям. В первый день тратится всего 15 руб.³ Вторые 15 руб. относительно свободны в течение одного дня и затрачиваются лишь на второй день. Третьи 15 руб. относительно свободны в течение 2 дней и затрачиваются на 3-и сутки и т. д. до последних 15 руб., свободных в течение 29 дней и затрачиваемых лишь на 30-е сутки. Таким образом в процессе оборота постоянной части оборотного капитала находящийся в денежной форме капитал представляет собой относительно свободный денежный капитал. В определенной сумме, на определенное ограниченное время он может быть извлечен из оборота и брошен в другое место с неперемным условием возврата этой суммы в оборот в требуемый момент для того, чтобы не была нарушена непрерывность процесса производства. Эта временная свобода капитала, находящегося в денежной фазе, может быть названа относительным освобождением денежного капитала в процессе оборота. Такого рода освобождение капитала тождественно, следовательно, с нахождением капитала в денежной форме в течение определенного времени, по истечении которого он опять превращается в производительный капитал. Чем же обуславливается величина освобожденного капитала и продолжительность его относительной свободы?

Организация оборота зависит от соотношения рабочего времени и времени обращения⁴ и — для постоянной части оборотного капитала — от формы и вида запаса элементов производства⁵.

Посмотрим, как изменяется процесс освобождения денежного капитала с изменением организации оборота.

Допустим, что соотношение рабочего времени и времени обращения не меняется, а остается равным 1:1⁶ и изменяется лишь форма и вид запаса.

Если запас элементов производства совсем не образуется, то продолжительность денежной фазы определяется продолжительностью рабочего периода, в течение которого затрачивается весь авансированный на производство партии товара капитал. Если же образуется производственный запас, то в случае, если этот запас рассчитан на время, равное одному рабочему периоду, продолжительность денежной фазы будет равна нулю. Если же время, на которое рассчитан запас, меньше рабочего периода, то продолжительность денежной фазы будет равняться рабочему периоду минус время, на которое рассчитан запас. Продолжительность денежной фазы будет, следовательно, тем больше, чем больше разница между рабочим периодом и временем, на которое рассчитан запас.

Если периодический запас рассчитан на несколько рабочих периодов, то денежная фаза тем больше, чем больше время, на которое рассчитан запас, по сравнению с рабочим периодом. Продолжительность денежной фазы в этих условиях равна или времени, на которое рассчитан запас (время возобновления запаса), минус время обращения партии товара, — если рабочий период равен времени обращения или больше его — или равна времени, на которое рассчитан запас, минус рабочее время партии товара, если рабочий период меньше времени обращения.

³ Если считать, что в $4\frac{1}{2}$ неделях 30 рабочих дней и в один день тратится материала в производстве на 15 руб. $\left(\frac{450}{30}\right)$.

⁴ Это отношение называется Марксом механизмом оборота.

⁵ Определение понятий «формы» и «вида» запаса см. нашу статью в № 10—11 «Проблем экономики».

⁶ Как во взятом нами первом примере.

Если образуется постоянный запас элементов производства, то формула продолжительности денежной фазы остается прежней, т. е. она равна времени, на которое рассчитывается закупаемый запас (время возобновления запаса), минус время обращения партии товара ⁷.

Допустим теперь, что изменяется соотношение рабочего времени и времени обращения, т. е. изменяется механизм оборота.

Для разбора этого случая возьмем такие же условия, как в первом примере, за исключением соотношения между рабочим временем и временем обращения. Рассмотрим, в качестве примера, как и в предыдущем случае, оборот постоянной части оборотного капитала, при непрерывном равномерном производстве, без образования запаса элементов производства, но с рабочим временем большим, чем время обращения. Допустим, попрежнему, что стоимость постоянной части оборотного капитала, необходимая для производства одной партии товара, равна 450 руб. Пусть весь период оборота партии товара так же, как и ранее, равен 9 неделям, соотношение же между рабочим периодом и временем обращения равно 2:1. Тогда рабочее время будет равно 6 неделям, время обращения 3 неделям. В этих условиях, очевидно, на производство партии товара авансируются, как и в предыдущем примере, 450 руб., но расходуются они уже теперь в течение 6 недель. По окончании шестой недели со дня начала производства партия товара готова и поступает на рынок, где она может быть реализована только через 3 недели с этого момента или 9 недель со дня начала производства. Таким образом для продолжения производства, во избежание перерыва, необходимо на этот 3-недельный период (время обращения первой партии) авансировать еще денежный капитал в размере, обеспечивающем производство в течение 3-х недель. А так как целая партия товара изготавливается в 6 недель, то размер добавочного капитала, следовательно, должен равняться половине капитала, необходимого на производство целой партии — 225 руб. В конце 9-й недели со дня начала производства реализуется первая партия товара, и предприятие получает 450 руб. деньгами. К этому времени вторая партия товара готова только наполовину и требует для своего окончания в течение оставшихся 3 недель своего времени производства еще 225 руб. Эти 225 руб. берутся из числа полученных в результате реализации первой партии. 225 руб. остаются в ожидании начала рабочего периода следующей партии (до начала 13-й недели). В конце 12-й недели кончается производство второй партии, и начинается производство третьей партии. В конце 15-й недели реализуется вторая партия. Из реализованных 450 руб. 225 руб. идут на производство третьей партии. А остающиеся 225 руб. дожидаются начала рабочего периода четвертой партии (начала 18-й недели) и т. д. Таким образом весь описанный оборот может быть представлен в виде следующей таблички (см. с. 63).

Из приведенного графика особенно ярко видно, что организация денежной фазы данного типа оборота принципиально не отличается от организации денежной фазы рассмотренного ранее типа оборота, изображенного на графике № 1. Как там, так и здесь она обуславливается лишь формой и видом запаса. Разница заключается лишь в том, что продолжительность (ее) денежной фазы увеличилась соответственно изменению продолжительности рабочего времени с $4\frac{1}{2}$ недель до 6 недель. То же обстоятельство, что сумма реализованных денег от одной партии идет на производство половины одной партии и

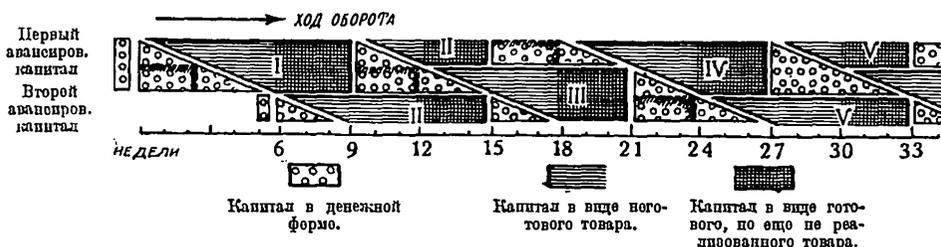
⁷ Мы не останавливаемся здесь на доказательстве этих положений; читатель может проверить любое из них, взяв соответствующий пример.

Партия товара	Период оборота	Первонач. авансир. капитал	Рабочий период	Капитал, авансир. от реал. предыдущей партии	Период оборота	Денежн. сумма от реализации партии	Сумма, остающ. от реал. для затраты в раб. пер. след. пар.
1 . . .	1— 9 н.	450 руб.	1— 6 нед.	—	7— 9 н.	450 руб.	225 руб.
2 . . .	7—15 »	225 »	7—12 { 7— 9 » 9—12 »	225 руб. 225 »	13—15 »	450 »	225 »
3 . . .	13—21 »	—	13—18 { 13—15 » 16—18 »	225 » 225 »	19—21 »	450 »	225 »
4 . . .	19—27 н.	—	19—24 { 19—21 нед. 22—24 »	225 руб. 225 »	25—27 н.	450 руб.	225 руб.

п т д.

Или, изображая ту же табличку графически:

График № 2

половины следующей партии, для самой денежной фазы не играет никакого принципиального значения. Как ранее каждые 15 руб. из общего числа 450 руб. были относительно свободны в течение определенного времени, после которого они должны были быть обязательно наличо, чтобы быть затраченными в определенный момент для поддержания непрерывности производства, так и теперь—если считать в 6 неделях 40 рабочих дней и расход материалов производства в один день на 11 руб. 25 коп. $\left(\frac{450}{40}\right)$ —первые 11 руб. 25 коп. из 450 руб., авансируемых на производство одной партии товара, затрачиваются в первый же день; вторые 11 руб. 25 коп. относительно свободны один день и затрачиваются на вторые сутки; последние 11 руб. 25 коп. свободны в течение всех 6 недель рабочего периода без одного дня. Мы можем конечно выделить (соответственно очертить на графике) определенную часть всей суммы денег, полученной в результате продажи партии товара, и в отношении всей этой части в целом сказать—в течение какого времени она в целом является в процессе оборота относительно свободной. Так например мы можем, как это сделано на нашем графике № 2, выделить сумму денег в 225 руб. (см. очерченное пунктиром) и сказать про нее, что она в целом относительно свободна в течение 3 недель. Однако из числа этих 225 руб. только первые 11 руб. 25 коп. действительно свободны

в течение 3 недель. Остальные же относительно свободны в течение большего времени, а последние 11 руб. 25 коп. свободны в течение времени вдвое большего, чем три недели. Такого рода выделение определенной суммы денег из всей суммы, реализованной в результате продажи партии товара, мы можем сделать и в предыдущем примере (изображенном на графике № 1) и сказать, что 225 руб. в обороте того типа относительно свободны в течение $2\frac{1}{4}$ недель (четыре с половиной недели, деленные на два). Мы можем, наконец, выделить сумму в 225 руб. в денежной фазе первого же периода оборота взятого нами второго примера, где еще не началось переплетение оборотных частей авансированного капитала, и сказать относительно ее, что она относительно свободна в течение трех недель.

Значит ли это, что здесь налицо особый способ освобождения денежного капитала в процессе оборота, в результате особого механизма оборота, или же здесь мы имеем определенной продолжительности денежную фазу в обороте, обусловленную лишь формой и видом запаса элементов производства и длиной рабочего периода.

Исследование нашего примера безусловно приводит к выводу, что в данном случае разница в освобождении денежного капитала по отношению к первому рассмотренному нами случаю обуславливается лишь длиной рабочего периода, а отнюдь не особым механизмом оборота или особым соотношением рабочего периода с временем обращения. Таким образом необходимо заключить, что денежная фаза в обороте постоянной части оборотного капитала при непрерывном одновременном производстве одной партии товара не зависит от соотношения рабочего времени и времени обращения и не зависит от формы запаса; она целиком обуславливается лишь абсолютной продолжительностью рабочего периода и видом запаса элементов производства (временем возобновления).

Если бы мы проанализировали здесь также оборот при рабочем времени, меньшем времени обращения, и все типичные случаи кратного и некратного соотношения между ними ⁸, то везде бы нашли, что при непрерывном и одновременном производстве одной партии товара без образования запасов элементов производства денежная фаза в обороте постоянной части оборотного капитала всегда определяется в своей продолжительности длиной рабочего периода, а в величине капитала, ее образующего, определяется величиной капитала, необходимого для производства одной партии, и не зависит ни в какой мере от соотношения рабочего времени и времени обращения.

Это-то обстоятельство и заставило Энгельса написать в своем примечании: «Высвобождение денег, конечно, происходит, но оно происходит при всяких обстоятельствах, а не только при особых условиях, ближе намеченных в тексте (т. е. при условиях особого соотношения рабочего времени и времени обращения — А. Н.), и происходит в более крупном масштабе, чем это предполагается в тексте (Маркса — А. Н.)» («Капитал», т. II, с. 202) ⁹.

⁸ Такое исследование проделано мной в работе «Теория организации денежной фазы оборота промышленного и с.-х. капитала».

⁹ Характерно, что Гильфердинг в своем «Финансовом капитале» не внял замечанию Энгельса и указывает на освобождение денежного капитала в результате изменения механизма оборота как на особый способ освобождения капитала (см. «Финансовый капитал», с. 61, 4-е изд. Гиз, 1924).

V. ОСВОБОЖДЕНИЕ ДЕНЕГ В ПРОЦЕССЕ ОБОРОТА ПЕРЕМЕННОГО КАПИТАЛА

Неверно сказать по отношению ко всему оборотному капиталу, что в процессе оборота может освобождаться денежный капитал благодаря особому механизму оборота, так как такого рода утверждение неверно в отношении постоянной части оборотного капитала. Однако это еще не значит, что данное положение неверно по отношению к переменной части оборотного капитала.

Две составные части оборотного капитала резко отличаются как по отношению к процессу увеличения стоимости, так и по способу оборота. В то время как постоянная часть оборотного капитала авансируется прямо в производство и только переносит свою стоимость, с изменением формы своего существования, на стоимость производимого товара, переменный капитал авансируется на покупку рабочей силы, т. е. он идет в потребление. Стоимость же его (переменного капитала) не переносится на стоимость производимого товара, а возмещается стоимостью, которая вновь создается в результате производительного потребления рабочей силы. «То обстоятельство, что в руках капиталиста (в обороте переменного капитала в результате реализации произведенной партии товара — *A. H.*) опять находится такая же денежная сумма (какую он авансировал в качестве переменного капитала на производство данной партии товара — *A. H.*), т. е. если прибавочную стоимость оставить в стороне, точно такое же количество денежного капитала, какое он первоначально авансировал, затушевывает тот факт, что капиталист оперирует вновь произведенным капиталом» («Капитал», т. II, с. 223).

Таким образом две составные части оборотного капитала отличаются не только характером своего отношения к увеличению стоимости, но они различны и по отношению к организации денежной фазы своего оборота. В то время как постоянная часть оборотного капитала сначала должна быть авансирована в денежной форме, чтобы затем, пройдя цикл оборота, проявиться в форме денег, переменный капитал представляет собой капитал, авансирующийся на покупку товара «рабочая сила» не за наличные, а в кредит. Рабочая сила сначала потребляется, затем только оплачивается. Эквивалент стоимости рабочей силы появляется в денежной форме по прошествии времени обращения с тем, чтобы в новом цикле оборота быть уплаченным за уже функционирующую рабочую силу. Таким образом в обороте переменного капитала денежная фаза занимает другое место по сравнению с местом, занимаемым ею в обороте постоянного, основного и оборотного капитала. Две составные части оборотного капитала различны также и по отношению к возможности образования запаса и формам этого запаса. Если для постоянной части оборотного капитала возможно образование действительного запаса в форме материальных элементов производства, то по отношению к переменному капиталу «запас» может быть сделан лишь в денежной форме. Точно так же «сроки купли и платежа для этих двух частей различные: одна из них, как производительный запас, покупается через сравнительно продолжительные сроки, другая же, рабочая сила, через сравнительно краткие» («Капитал», т. II, с. 127). Рабочая сила требует строго периодического авансирования для своего воспроизводства, в то время как для постоянной части оборотного капитала эта периодичность может быть гораздо менее строга.

Для исследования вопроса об освобождении денежного капитала в процессе оборота переменной части оборотного капитала возьмем пример оборота переменного капитала с условиями, аналогичными усло-

виям, взятым в примерах оборота постоянной части оборотного капитала. Пусть переменный капитал оборачивается при непрерывном равномерном производстве, равенстве рабочего времени и времени обращения с временем оплаты рабочей силы, равным рабочему периоду. Допустим, что размер переменного капитала, необходимого для производства одной партии товара, равен 450 руб.; весь период оборота партии товара равен 9 неделям, тогда как и в соответствующем примере для оборота постоянной части оборотного капитала рабочее время будет равно $4\frac{1}{2}$ неделям и такой же продолжительности будет время обращения партии товара.

С началом производства закупается рабочая сила на весь рабочий период первой партии. В конце первой половины 5-й недели рабочим выплачиваются 450 руб., и вместе с тем на рынок поступает готовая партия товара с воспроизведенным переменным капиталом в 450 руб. В это же время закупается рабочая сила на весь рабочий период новой второй партии товара. Процесс производства продолжается. В конце 9-й недели реализуется первая партия товара, вместе с тем требуются 450 руб. для уплаты за рабочую силу, затраченную на вторую партию товара. Очевидно, что поступившие от реализации первой партии товара деньги могут служить в качестве заработной платы рабочим, работавшим над второй партией товара. Таким образом для функционирования рабочей силы во время обращения первой партии товара при непрерывном производстве вследствие кредитования капиталиста со стороны рабочего не требуется авансирования нового капитала. В процессе же оборота для функционирования в течение 9 недель рабочей силы на 900 руб. можно обойтись вследствие этого авансированием денежного капитала стоимостью вдвое меньшей — в 450 руб. Если бы мы продолжали наше исследование данного типа оборота далее, то нашли бы, что всегда в момент потребности в деньгах для уплаты заработной платы за труд, потраченный на одну партию товара, появляются деньги от реализации другой партии. Это показывает следующая табличка, изображающая оборот во взятых условиях:

Партия товара	Период оборота	Первонач. аванспров. капитал	Рабочий период	Сумма денег, потребная для выплаты зарплаты	Период обращения	Денежная сумма от реализации партии товара
1-я	1 — 9 нед.	450 руб.	1 — $4\frac{1}{2}$ нед.	450 руб.	$4\frac{1}{2}$ — 9 нед.	450 руб.
2-я	$4\frac{1}{2}$ — $13\frac{1}{2}$ »	—	$4\frac{1}{2}$ — 9 »	450 »	10 — $13\frac{1}{2}$ »	450 »
3-я	10 — 18 » и т. д.	—	10 — $13\frac{1}{2}$ »	450 »	$13\frac{1}{2}$ — 18 »	450 »

Или то же, изображенное графически:

График № 3

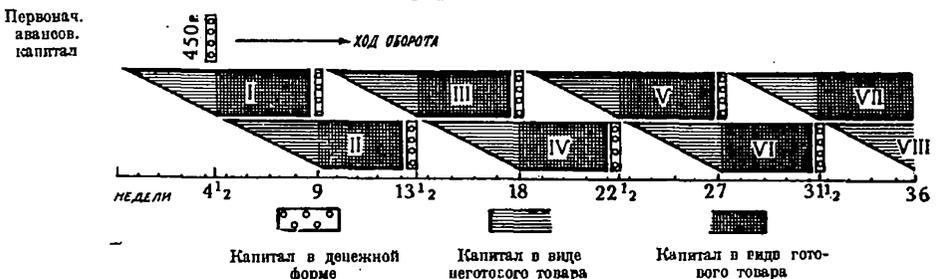

График наглядно показывает, что при обороте переменного капитала в условиях равенства рабочего времени и времени обращения с временем оплаты рабочей силы, равным рабочему периоду, денежный капитал, авансированный на производство одной партии товара, может заставить функционировать рабочую силу в производстве другой партии товара. Иначе говоря, благодаря кредитованию рабочим капиталиста (своей рабочей силой) оборачивается капитал, вдвое больший, чем авансированный капитал. При этом в обороте всего данного капитала образуется лишь мгновенная (теоретически) денежная фаза.

Таким образом если время оплаты рабочей силы равно рабочему периоду, то денежная фаза, как показывает график № 3, мгновенна в случае равенства рабочего периода и времени обращения. Допустим теперь изменения в механизме оборота. Тогда при рабочем периоде, большем времени обращения, при кратном и некратном соотношении между ними денежная фаза равна разнице между рабочим периодом и временем обращения (график № 4 и № 5)¹⁰.

График № 4

Рабочий период—6 нед.
Период обращения—3 нед.
Время оплаты рабочей силы—6 нед.

Первонач. авансиров. капитал

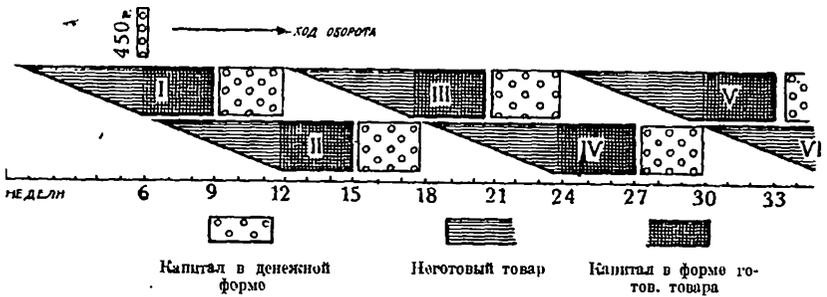
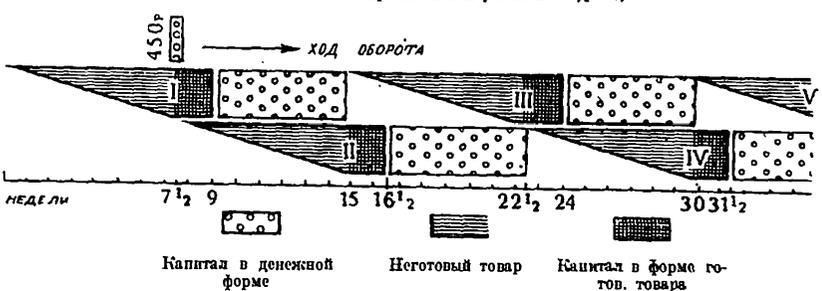

График № 5

Рабочий период—7½ нед.
Период обращения—1½ нед.
Время оплаты рабочей силы—7½ нед.

Первонач. денежн. авансов. капитал

¹⁰ Вопрос об освобождении капитала Маркс во всем своем исследовании оборота изучает для всего оборотного капитала в целом. Только в одном месте, во втором томе «Капитала», он рассматривает его отдельно для переменной и постоянной части оборотного капитала. Именно в главе 15-й «Влияние времени оборота на величину авансированного капитала», где им делаются предварительные общие выводы, имеющие значение для анализа в целом, он пишет: «Авансированный капитал затрачивается частью на сырье и вспомогательные материалы, на производительный запас для рабочего периода, на постоянный и оборотный капитал, часть па переменный оборотный капитал, т. е. на оплату самого труда. Часть, затраченная

При рабочем периоде, меньшем времени обращения, и при кратном отношении между ними денежная фаза мгновенна. В этих же условиях, но при некратном отношении она равна остатку от вычитания из рабочего времени разности между периодом оборота партии и наибольшим кратным рабочему времени в пределах периода оборота ¹¹.

График № 6

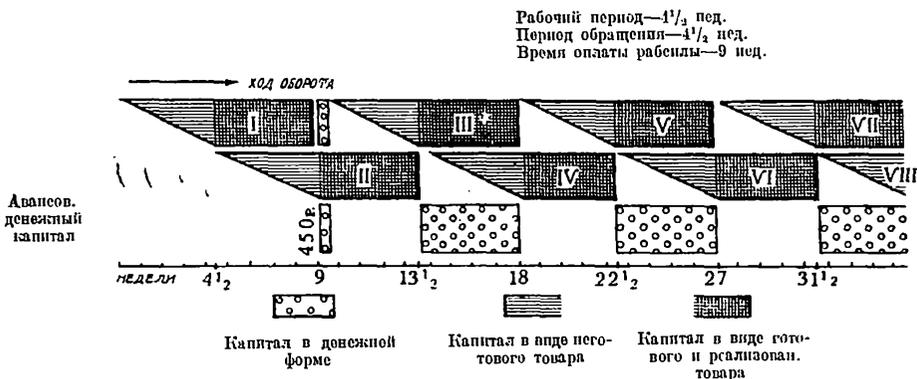
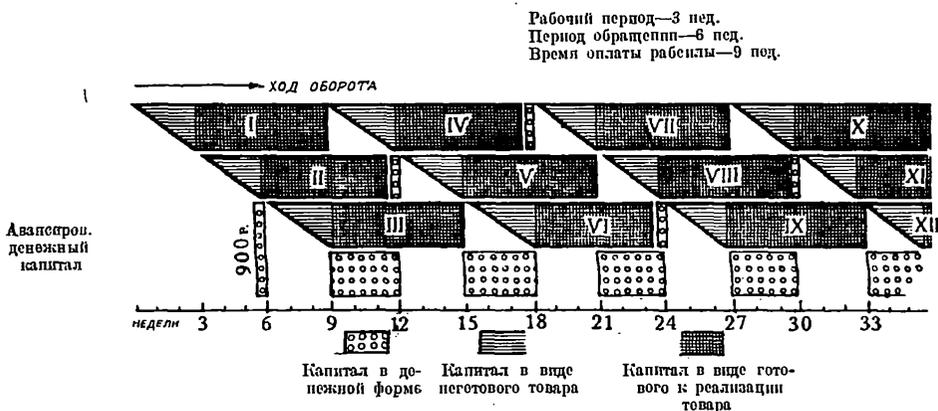

График № 7

на постоянный и оборотный капитал, может существовать в форме производительного запаса неодинаково продолжительное время, например сырой материал можно запастись не на весь рабочий период, уголь покупать каждые две недели... В противоположность этому заработная плата выдается в «более короткие сроки, по большей части еженедельно». Однако «если только капиталист не принуждает рабочего авансировать ему свой труд на более продолжительный срок, капитал, необходимый для заработной платы, должен иметься в денежной форме» точно так же, как и постоянная часть оборотного капитала «должна оставаться в готове в форме денег, чтобы по мере потребности превращаться в производительный запас», «поскольку она имеется в распоряжении не в форме производительного запаса» («Капитал», т. II, с. 186; разрядка моя — А. Н.). Из этой цитаты следует, что Маркс сделал такую оговорку к условиям своего анализа, которая неизбежно наводит на мысль о необходимости анализа и при условиях, когда «капиталист принуждает рабочего авансировать ему свой труд на более продолжительный срок», а вместе с тем, поскольку Маркс везде в своих примерах брал период оборота партии товара в несколько недель, эта оговорка обусловила то, что он не затронул принципиального различия роли в образовании денежной фазы в силу особого механизма оборота между постоянным оборотным и переменным оборотным капиталом, ибо при времени оплаты рабочей силы, меньшем, чем рабочий период, разница между постоянной частью оборотного капитала и переменным капиталом сглаживается.

¹¹ За недостатком места и чтобы не повторяться, предоставляем читателю самому разобратся в графиках, иллюстрирующих данное положение.

Таким образом при равенстве времени оплаты рабочей силы и рабочего времени денежная фаза оборота переменного капитала целиком зависит от соотношения между рабочим временем и временем обращения, — зависит от механизма оборота.

Если время оплаты рабочей силы больше рабочего периода, то при кратном отношении между ними продолжительность денежной фазы равна времени оплаты минус время обращения — в случае рабочего периода не меньшего, а равного или большего, чем период обращения — и равна времени оплаты минус рабочий период — в случае рабочего периода меньшего, чем период обращения (графики №№ 6 и 7).

Т. о. денежная фаза зависит от соотношения между временем обращения или временем производства и временем оплаты рабочей силы.

Если время оплаты рабочей силы меньше рабочего периода, то продолжительность денежной фазы равна рабочему периоду минус время оплаты рабочей силы¹². Таким образом денежная фаза в обороте переменного капитала зависит, во-первых, от соотношения между рабочим временем и временем оплаты рабочей силы и, во-вторых, от механизма оборота (от соотношения рабочего времени и времени обращения). Следовательно условия образования денежной фазы оборота переменной части оборотного капитала принципиально отличаются от условий образования денежной фазы оборота постоянной части оборотного капитала. В то время как соотношение рабочего времени и времени обращения (механизм оборота) влияет на конституцию денежной фазы переменного капитала, оно (это соотношение) совершенно не влияет на денежную фазу оборота постоянной части оборотного капитала.

В силу отличия в способе оборота эти части капитала глубоко отличаются и по условиям образования денежной фазы. Поэтому положение Маркса, что... «во всех случаях, когда 1) период обращения больше рабочего периода и не представляет простого кратного и 2) когда рабочий период больше периода обращения, в этих случаях в конце каждого рабочего периода, начиная со второго оборота, постоянно и периодически освобождается некоторая часть всего текущего капитала» и что «... в двух случаях: 1) если рабочий период равен периоду обращения, следовательно если период оборота распадается на два равных отдела, и 2) если период обращения продолжительнее рабочего периода, но вместе с тем представляет простое кратное рабочего периода, так что один период обращения = n рабочих периодов, где n должно быть целое число, в этих случаях ни одна часть последовательно затрачиваемого капитала не освобождается»¹³, — нужно понимать как относящиеся только к переменному капиталу.

В отношении же постоянной части оборотного капитала следует сказать, что в процессе оборота этой части капитала «...высвобождение денег, следовательно, образование скрытого, лишь потенциального капитала в денежной форме конечно происходит, но оно происходит... не при особых условиях... намеченных в тексте (Маркса — А. Н.)» (Энгельс, примечание ко II т. «Капитала», с. 202), не в зависимости от соотношения рабочего времени и времени обращения, а в зависимости от абсолютной длины рабочего периода и от вида запаса элементов производства.

¹² Все эти положения можно проверить, взяв соответствующие примеры и изобразив их графически, наподобие наших графиков. Так как за непониманием места мы не можем привести к каждому положению соответствующий пример, мы эти графики опускаем.

¹³ Маркс, Капитал, т. II, с. 199.

С. Гиммельфарб

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СССР В ПЯТИЛЕТИЕМ ПЛАНЕ ¹

В нашей статье об основных линиях развития промышленности СССР до 1928 г.² было показано, что, несмотря на быстрое развитие промышленности Союза, структура промышленного производства к 1928 г. не получила резкого изменения по сравнению со структурой довоенного промышленного производства. Действительный процесс индустриализации выявится лишь тогда, когда заметно изменится структура промышленного производства главным образом за счет роста удельного веса отраслей, производящих «машины для производства машин», т. е. за счет производства материальных элементов основных фондов. К октябрю 1928 г. удельный вес производственного машиностроения упал, несмотря на абсолютно большой прирост за последние годы. Резко подымались главным образом отрасли, производящие топливо, энергию и т. д., т. е. материальные элементы оборотной части производительных фондов. Удельный вес оборотных фондов непрерывно возрастал, в значительной мере определяя и рост удельного веса раздела «А» всего общественного промышленного (цензового) производства—производств, производящих средства производства,—за счет понижения удельного веса раздела «В»—производств, производящих средства потребления.

Одной констатацией быстрого роста удельного веса одного раздела за счет другого нельзя ограничиться для определения, происходит ли не происходит процесс индустриализации.

О действительных процессах индустриализации можно будет говорить лишь после составления народнохозяйственного баланса. Народнохозяйственный же баланс, согласно постановлению совещания управляющих ЦСУ союзных республик, будет составлен лишь в будущем 1930/31 г. Это значит, что в лучшем случае он будет опубликован в 1931/32 г. Ждать столь длительный период нельзя: жизнь движется, не ожидая его, народнохозяйственные планы намечают грандиозное строительство, устанавливают какие-то отношения и т. д. Поэтому до составления народнохозяйственного баланса необходимо улавливать основные линии развития и намечать таковые ежегодно. Для этого необходимо отыскать какой-то показатель, определение которого в основном и было бы определением процесса индустриализации.

Поскольку изучается развитие хозяйства, таким показателем может быть лишь теоретико-экономически и методологически правильно определенный статистический показатель.

¹ Статья помещается в порядке обсуждения.—Ред.

² См. «Проблемы экономики» № 10—11 за 1929.

Показателем, определение которого и есть в основном определение индустриализации, мы считаем, является показатель относительного роста производства «машин для производства машин», т. е. показатель роста производственного машиностроения, судостроения, автомобилестроения, электротехнического производства и производства сельскохозяйственных машин, так как степень индустриальной развитости определяется не столько производством материальных элементов (оборотной) части производительных фондов, сколько производством материальных элементов основной части производительных фондов, в особенности производством материальных элементов основных фондов для производств, производящих средства производства.

Такой тип индустриального развития Советского Союза должен укрепить и развить полную технико-экономическую независимость Союза от империалистических стран и вместе с тем должен создать все условия для быстрого самостоятельного построения социалистического общества вплоть до момента революционного включения в круг социалистических стран одной или нескольких передовых (в промышленном отношении) стран Запада.

С такой установкой перейдем к анализу данных пятилетки.

* * *

Пятилетка намечает значительный рост отраслей, производящих предметы личного потребления. Этот рост учитывает не только увеличение численности всего населения, работоспособной его части и численности рабочих; этот рост должен также довести производство средств потребления до такого объема, который дал бы возможность повысить потребление рабочих и всего трудящегося населения к концу пятилетия на 60—70%.

Самой крупной группой отраслей, производящих средства индивидуального потребления, безусловно является текстильная группа.

Рост основного фонда текстильной госпромышленности (по полной восстановительной стоимости) за 1925—1933 (в млн. руб.)

	1/X 1925	1/X 1928	1/X 1933	В %	
				1928 к 1925	1933 к 1928
Текстильная промышленность . . .	2 019	2 330	3 584	115,4	157,8

Как видно из приводимой таблицы, сам по себе рост основных фондов текстильной группы весьма значителен. С точки зрения капиталистической практики такой рост является невиданным, не имеющим аналогии в прошлом. Темп роста основных фондов текстильной группы в пятилетке из года в год ускоряется. За трехлетний период (с 1925 по 1928 г.) основные фонды текстильной группы возросли на 15,4%, а в пятилетний период (с 1928 по 1933 г.) основные фонды данной группы возростут на 57,8%, т. е. рост за это пятилетие будет почти в 4 раза больше, чем за предыдущее трехлетие, или соответственно в пятилетке намечается в 2½ раза более быстрый темп роста, чем за прошлые годы. Росту основных фондов корреспондирует и рост продукции.

Рост валовой продукции ценовой промышленности СССР за 1927/28—1932/33
(в тыс. руб. по ценам соответствующих лет)

	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33
Валовая продукция текстильной промышленности	3 605 711	3 980 705	4 446 447	5 086 735	5 819 225	6 709 566
В % к предыдущему году	—	110,4	111,7	114,5	114,5	115,3
В % к 1927/28 г.	—	—	—	—	—	186,1

В то время как основные фонды за пятилетие возрастают на 57,8%, годовая валовая продукция к концу пятилетия возрастает на 86,1%. Темп роста из года в год повышается: начиная с 10,4% в 1928/29 г., последовательно 11,7%, 14,4%, 14,5% до 15,3% в 1932/33 г. Результатом такого роста должно быть повышение производства на душу населения по хлопчатобумажным тканям с 19 м в 1927/28 г. до 27,6 м в 1932/33 г., по шерстяным тканям—с 0,56 м до 1,6 м, по льняным—с 0,5 м до 1,5 м и т. д.

Рост основных фондов выделяет нас из всего ряда индустриальных стран. Рост же валовой продукции текстильной промышленности, в частности хлопчатобумажной, выдвигает СССР на первое место как по темпу роста, так и по абсолютному приросту. Проиллюстрируем это положение маленькой табличкой по размеру потребляемого хлопка.

Размер потребления хлопка в СССР и в капиталистических странах (в тыс. кип)

Страны	1927/28	1932/33	Абсол. прирост
США	6 770	7 330	560
Англия	2 901	3 014	110
Германия	2 765	3 063	298
Франция			
Весь мир без СССР	23 858	26 482	2 624
СССР	1 682	3 014	1 422

Предположения пятилетки о сравнительном развитии промышленности капиталистических стран и СССР делались, исходя из двух допущений: в капиталистических странах в дальнейшем будет происходить промышленный рост в темпах, средних для всего прошлого периода, и производство будет развиваться без кризисных явлений. Однако и то и другое допущение нельзя признать верным. Если биржевой крах в Америке и задержка в производстве будет продолжаться и дальше, то капиталистическое хозяйство в ближайшем году переживет крупнейший промышленный кризис с последующей более или менее длительной депрессией (если только капитализм не будет сметен пролетарской революцией). Во всяком случае при наиболее благоприятных условиях для капитализма советская текстильная промышленность к концу пятилетки будет потреблять хлопка больше, чем Англия, и по потреблению хлопка будет занимать второе место после США.

Еще больший темп роста намечается по другим отраслям, производящим средства потребления. Производство кожаной обуви возрастает по государственной промышленности с 23 млн. в 1927/28 г. до 80 млн. пар

в 1932/33 г., т. е. рост производства обуви возрастет на 348%; производство галош увеличится на 203%, свичек—на 222% и т. д.

Несмотря на столь высокие темпы роста всего раздела «Б»—отраслей, производящих предметы личного потребления,—он все же будет возрастать медленнее, чем раздел «А»—отраслей, производящих предметы производительного потребления.

Рост основного фонда госпромышленности (по полной восстановительной стоимости) за 1925—1933 (в млн. руб.)

	1/X 1925	1/X 1928	1/X 1933	В %	
				1928	1933
				к 1925	к 1928
Вся промышленность	7 965	9 750	21 771	122,4	223,3
Группа «А»	4 263	5 430	14 855	127,4	273,6
Группа «В»	3 702	4 320	6 905	116,7	159,8

Как за предыдущий период, так и в течение пятилетки основные фонды всей промышленности росли и будут расти быстрее основных фондов текстильной промышленности и всего раздела «Б». Основные фонды текстильной промышленности растут почти в уровень с ростом всего раздела «Б». Зато основные фонды всего раздела «Б» росли и растут медленнее раздела «А»: за предыдущие годы раздел «А»—на 27% и в пятилетке—на 173%, раздел же «Б» за предыдущие годы—на 16% и в пятилетке—на 59,8%. Если в прошедшие годы темп развития промышленности раздела «А» превышал темп развития промышленности раздела «Б» наполовину быстрее, то по пятилетке он должен был бы его превысить в три раза. На самом деле соотношение этих темпов не будет выдержано до конца пятилетки. Контрольные цифры на 1929/30 г. сильно ускорили рост раздела «А», в некоторой мере ускорив рост и раздела «Б». К концу пятилетия рост обоих разделов будет более значительным, чем намечалось в пятилетке, но по темпу развития промышленность раздела «А» еще сильнее, чем это показано в пятилетке, перегонит промышленность группы «Б».

Такому большому темпу роста основных капиталов в известной мере корреспондирует и рост продукции.

Рост валовой продукции ценовой промышленности СССР за 1927/28—1932/33 (в тыс. руб. по ценам соответствующих лет)

Раздел промышленности	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33	1932/33 в % к 1927/28
Вся промышленность	13 566 352	15 742 815	18 282 306	21 007 500	23 945 640	27 221 691	200,0
В % к пред. году . . .	—	116,3	116,6	114,8	113,8	113,8	—
Гр. «А»	4 684 096	5 735 340	6 966 960	8 422 840	10 607 900	11 716 800	250,7
В % к пред. году . . .	—	122,7	121,5	122,3	118,8	117,1	—
Гр. «Б»	7 944 256	9 907 475	11 315 346	12 584 660	13 937 740	15 504 491	173,4
В % к пред. году . . .	—	110,7	114,1	111,2	110,8	111,2	—

Анализ данной таблицы с учетом действительного состояния производственного оборудования и структуры капитальных вложений за пяти-

летие говорит о том, что, несмотря на большие в общем темпы роста продукции, эти темпы не соответствуют темпам роста основных фондов. Пятилетка делала чересчур большое ударение на новое строительство и исчисляла преимущественно по нему рост продукции. На самом же деле значительная часть вложений носит реконструктивный по отношению к уже существующим предприятиям характер. А это должно дать больший рост валовой продукции, чем намечено в пятилетке. Недавние постановления ЦК ВКП (б) по основным отраслям идут по линии выявления возможностей значительного увеличения продукции при относительно небольших добавочных вложениях. Рост продукции группы «А» вырастет в гораздо большей мере, чем это запроектировано в пятилетке.

Исходя из вышесказанного, необходимо признать, что проектировка на ближайшее пятилетие понижающегося темпа роста продукции при совершенно иных темпах роста основных фондов является неправильной. Если вообще более или менее верно «теоретическое» положение, что с ростом органического состава производительных фондов так называемая эффективность основных фондов падает, то это не значит, что можно априорно данное положение применять везде и всюду. Необходимо проанализировать конкретные условия и установить, может или не может в данном определенном случае проявиться положение о так называемом падении эффективности основной части производительных фондов. Повышение органического состава производительных фондов обязательно должно отразиться в соответствующем повышении производительности труда. Вся сумма орудий и предметов труда есть лишь условие проявления производительной силы труда. Реконструктивные же вложения в старые предприятия должны иметь своим результатом относительно больший рост производительной силы труда (по отношению к старому уровню реконструируемого предприятия), чем при абсолютно новом строительстве на такую же сумму. Рост производительной силы труда и большая эффективность от вложений в реконструируемые предприятия, чем в абсолютно новые, должны иметь своей границей вложения в новые предприятия будут иметь своим результатом большую производительную силу труда, чем при вложенных в старые предприятия, с этого момента становится нерациональным вкладывать в старые предприятия. Дело заключается как раз в том, что на ближайшее пятилетие значительная часть капитальных вложений идет в старые предприятия. Поэтому неверен запроектированный потухающий темп роста валовой продукции (на рубль растущих основных фондов) даже по ценам соответствующих лет.

Если отвлечься от указанной ошибки общего порядка, остается впечатление исключительной быстрой индустриализации промышленности. Проверим это на анализе отдельных отраслевых групп промышленности.

Рост основного фонда топливной группы госпромышленности за 1927/28—1932/33
(в млн. руб.)

	На 1/X— 1926	На 1/X— 1923	На 1/X— 1933	В %	
				1928 к 1926	1933 к 1928
Вся топливная группа	1 617	1 830	4 172	113,2	228,0

Если за прошедшее трехлетие топливная госпромышленность увеличила свои фонды на 13,2%, то пятилетка проектирует их увеличить на 128%.—Рост фондов, как видим, безусловно очень значителен. Посмотрим теперь на изменения валовой продукции.

Рост валовой продукции ценовой топливной промышленности СССР за 1927/28—1932/33
(в тыс. руб. по ценам соответствующих лет)

Отрасли промышленности	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33	1932/33 в % к 1927/28
Вся топливная группа	846 000	970 306	1 110 834	1 280 353	1 438 939	1 587 226	187,6
В % к предыдущ. году	—	114,6	114,5	115,2	112,4	110,4	—
Нефтяная промышленность	335 987	377 670	424 235	467 000	504 854	541 709	161,3
В % к предыдущ. году	—	112,5	112,2	110,0	108,1	107,3	—
Каменноугольная промышленность	416 691	469 636	547 599	637 353	737 135	830 517	199,3
В % к предыдущ. году	—	112,7	116,9	116,2	115,7	112,8	—

Основные фонды топливной группы растут примерно в темпах средних по всей промышленности. Однако на росте продукции топливной группы максимально резко отражается то положение, которое выше было констатировано в отношении всей промышленности в целом: продукция растет заметно медленнее, чем основные фонды. В основном каменноугольная промышленность растет за счет нового строительства шахт.

То же в значительной мере относится и к нефтяной промышленности. Но задание в контрольных цифрах на 1929/30 г. говорит о недоучете возможностей роста продукции в пятилетке. Нефть по пятилетке в 1929/30 г. в процентах к 1927/28 г. растет на 26,5%, по контрольным цифрам на 37,8%; уголь в пятилетке—на 31,6%; по контрольным цифрам—на 45,8% и т. д. Пятилетка недоучла очень многое и наметила очень низкий темп роста продукции топливной группы. Топливо же на ближайший период в известной мере будет узким местом нашей промышленности, в особенности если учесть неожиданно (для пятилетки) возросший спрос на горючее для автопродукции (об автомобилях в пятилетке почти нет и помина). Топливо, являющееся основой энергетики, в пятилетке растет медленней, чем это потребно для промышленности.

Прежде, чем перейти к рассмотрению наиболее значимой с точки зрения индустриализации группы отраслей промышленности, остановимся на производстве электроэнергии.

Энергетика имеет крупнейшее рационализаторское и реконструктивное значение. Электричество наиболее ярко выражает это свойство. Для полумануфактурного производства нашей промышленности электричество является фактором промышленной революции. Поэтому электростанции растут наиболее быстрым темпом. На 1929/30 г. по контрольным цифрам намечен рост мощности районных станций на конец года (в тыс. квт.) на 75,2%. Выработка электроэнергии должна увеличиться на 54,4%. Рост капитальных вложений (в процентах 1929/30 г. к 1927/28 г., по пятилетке—на 59,5%)

по контрольным цифрам — на 128,3%. Но всему этому прямо бешеному росту не соответствуют наметки роста внутреннего производства оборудования для электростанций. Создается какая-то диспропорция между ростом нового строительства и ростом производства сложного оборудования. Анализ пятилетки в части всего нашего нового строительства вообще говорит о том, что крупнейшие строительные основные свое оборудование получают в значительной части из-за границы. Наряду с грандиозным новым строительством остается еще известная техническая зависимость от заграницы. Такое положение вещей незаметным образом отражается на темпах роста самой важной индустриализаторской группы отраслей промышленности.

Рост основной индустриализаторской группы госпромышленности за 1927/28 — 1932/33
(в млн. руб.)

Промышленность	На 1/X—	На 1/X—	На 1/X—	В %	
	1925	1928	1933	1928 к 1925	1933 к 1928
Металлическая	1 852	2 430	6 168	131,3	253,5
Электротехническая	90	150	338	166,7	225,3

Сводная группа отраслей промышленности — «металлическая», — приводимая в пятилетке, скрывает в своих недрах темпы производства, как примусы, металлические горшки, цветную посуду, велосипеды, дизеля и токарные станки. В известной мере, но не целиком, эта группа расширяется нами в таблице по валовой продукции.

Рост валовой продукции индустриализаторской группы ценовой промышленности СССР за 1927/28 — 1932/33
(в тыс. руб. по ценам соответствующих лет)

Отрасли промышленности	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33	1932/33 в % к 1927/28
Черная металлургия	676 235	739 125	828 559	1 010 013	1 189 795	1 296 877	—
В % к предыдущ. году	—	109,3	112,1	121,9	117,8	109,0	191,8
Общее машиностроение	917 125	1 094 130	1 292 168	1 444 644	1 677 232	2 073 059	—
В % к предыдущ. году	—	119,3	118,1	111,8	116,1	123,0	226,0
В том числе:							
Сель.-хоз. машиностроение	116 837	214 135	261 245	317 935	394 875	482 537	—
В % к предыдущ. году	—	130,7	122,0	121,7	124,2	122,2	294,5
Электротехническая (включая лампочки и кабель)	139 933	176 875	225 162	257 360	305 744	382 180	—
В % к предыдущ. году	—	126,4	127,3	114,3	118,8	125,0	273,1
Итого металлическая (только ВСНХ)	1 818 000	2 125 000	2 430 000	2 820 000	3 300 000	3 850 000	211,8

То же, что было сказано в отношении топливной группы, в общем можно сказать и о металлической: основные фонды растут на 153,5%, а годовая валовая продукция вырастает лишь на 111,8%, т. е. темп роста валовой продукции отстает от темпа роста основных фондов. Нужно иметь в виду, что если все таблицы по основным фондам и валовой продукции по некоторым отраслям не всегда целиком сравнимы (основные фонды показаны лишь по промышленности ВСНХ, а валовая продукция по всей ценовой промышленности), то данные по металлической промышленности сравнимы вполне, так как и те и другие данные относятся к промышленности ВСНХ. Исключение из общего правила составляют электротехническая промышленность и производство сельскохозяйственных машин и орудий. Основные фонды электротехнической промышленности возрастают на 125,3%, а валовая продукция—на 173,1%. Валовая продукция по сельскохозяйственному машиностроению возрастает значительно выше, чем рост их основных фондов; валовая продукция возрастает на 194,5%. Вместе с тем, несмотря на столь большой темп роста, рост сельскохозяйственного машиностроения по всем статьям оказался недостаточным уже через 6—7 месяцев после утверждения пятилетки. Собственно говоря, это выявилось немедленно после принятия съездом советов пятилетки народного хозяйства. Приведем пример: пятилетка проектировала такой рост колесных тракторов:

Тыс. штук	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33
	1,15	3,0	5,0	8,0	20,0	55,0

Жизнь пошла дальше проектировок пятилетки, и ЦК партии в своей директиве наметил более чем двойную, против пятилетки программу.

Пятилетний план тракторостроения

Г о д ы	10—15	30	50—75	Всего кв. физ. тракт.	Коллич. условн. тракт.
	л. с.	л. с.	л. с.		
В тысячах штук					
1928/29	3,0	—	0,2	3,2	4,0
1929/30	10,2	—	0,6	10,8	13,3
1930/31	45,0	1,5	3,0	49,5	77,0
1931/32	61,5	30,0	31,5	123,0	329,0
1932/33	90,0	50,0	51,5	191,5	522,5
Итого за 5 лет	209,7	81,5	86,8	378,0	945,8

К концу пятилетия наша промышленность будет производить не 55 тыс. шт. в год, а 191,5 тыс. шт., т. е. будет давать сельскому хозяйству двигателей общей силы в 9,458 тыс. л. сил.

Рост производства с.-х. инвентаря механической тяги по пятилетке и по плану, утвержденному сессией ЦИК, расходитя в еще большей мере, чем рост тракторов (см. табл. на с. 78).

В темпах роста по пятилетке и по новому плану по тракторам получилось отношение, как 1:3,5. В темпах же роста по с.-х. инвентарю механической тяги получилось отношение, как 1:5. Такая разница получилась, во-первых, в результате выявившегося гораздо большего спроса

Рост производства с.-х. инвентаря механической тяги

Г о д ы.	Пятилетка	По плану
	В млн. руб.	
1927/28	3,9	3,9
1928/29	7,9	9,5
1929/30	18,5	40,0
1930/31	36,0	200,0
1931/32	72,0	480,0
1932/33	150,0	750,0

на сельскохозяйственные машины, и в результате большей производственной возможности как по существующим заводам, так и по ранее начатым и новым добавочным строительствам заводов—во-вторых.

Увеличившийся темп роста сельскохозяйственного машиностроения с одновременным увеличением темпов роста по другому машиностроению предъявляет большие требования к черной металлургии. По последним данным проектируется довести производство черных металлов до 17,5 млн. т, вместо 10 млн. т, запроектированных пятилеткой. Во всяком случае по контрольным цифрам на 1929/30 г. запроектировано производство чугуна в размере 5,5 млн. т вместо 5,0 млн. т по пятилетке.

Рост валовой продукции общего машиностроения запроектирован на 126%, т. е. в пределах ниже темпа роста всего раздела «А» (раздел «А» растет на 150%). Контрольные цифры проектируют рост общего машиностроения в 1929/30 г. по отношению к прошлому году на 44,5%, в то время как пятилетка проектирует рост на 30,1%. В данном случае темпы пятилетки довели над темпами контрольных цифр. Все же контрольные цифры, в известном соответствии с решением ЦК партии по поводу ленинградской машиностроительной промышленности, повышают темпы роста самой, можно сказать, важной для индустриализации страны группы отраслей промышленности — группы, производящей в основном материальные элементы основных фондов, в особенности «машины для производства машин».

* * *

Пятилетка, сделав громадный шаг вперед в отношении перспективного планирования, имеет все же два недостатка: недостаточны темпы роста по важнейшим отраслям промышленности и недостаточны структурные сдвиги внутри промышленности с точки зрения скорейшей индустриализации страны, с точки зрения достижения полной индустриальной независимости страны диктатуры пролетариата от стран развитого капитализма. Эти положения можно проиллюстрировать следующими данными (см. таблицу на с. 79).

По основным фондам госпромышленности происходит резкий сдвиг в сторону раздела «А» — с 53,5 до 68,2%. Удельный же вес раздела «В» падает с 46,5 до 31,8%. Удельный вес топливной промышленности сначала падает (до уровня пятилетки), потом опять повышается, но все же еще не доходит до прежнего уровня. В этом явлении, вообще говоря, нет ничего отрицательного, ибо следует помнить, что увеличение производства электроэнергии растет быстрее большинства отраслей раздела «А». Электротехническая промышленность повышает свой удельный вес с 1,1 до 1,6%, что является весьма положительным фактом, так как это по-

Структура основных фондов госпромышленности за 1925—1933
(по полной восстановительной стоимости)

	1/X 1925	1/X 1928	1/X 1933
	В % к итогу		
Вся промышленность	100,0	100,0	100,0
Гр. «А»	53,5	55,6	68,2
Гр. «Б»	46,5	44,4	31,8
Топливная	20,3	18,8	19,2
Электротехническая	111,0	1,5	1,6
Металлическая	23,3	24,9	28,3
Текстильная	25,3	23,9	16,5

казывает на наметившиеся сдвиги в нашем росте в сторону относительного повышения производства и применения более современной техники. Рост металлической группы с 23,3 до 28,3% наиболее показателен с точки зрения индустриализации, но его трудно оценить полностью без «продуктной» расшифровки. Текстильная промышленность, несмотря на значительный рост, теряет свой удельный вес: с 25,3 до 16,5%.

Динамика структуры валовой продукции ценовой промышленности СССР
за 1927/28—1932/33
(по ценам соответствующих лет)

Отрасли промышленности	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33
	В % к итогу по всей промышленности					
Вся промышленность	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
А. Производство средств производства	34,5	36,4	38,0	40,0	41,8	43,0
Б. Производство средств потребления	65,5	63,6	62,0	60,0	58,2	57,0
Топливо	6,1	5,5	6,1	6,9	6,1	5,8
В том числе:						
Нефтяная	2,5	2,4	2,3	2,2	2,1	2,0
Каменноугольная	3,1	3,0	3,0	3,0	3,1	3,1
Металлическая (только промышленность ВСНХ)	17,4	17,2	16,8	16,8	17,1	17,5
Черная металлургия	5,0	4,7	4,6	4,8	5,0	4,8
Общее машиностроение	6,8	7,0	7,0	6,9	7,8	7,6
В том числе:						
С.-х. машиностроение	0,9	1,4	1,4	1,5	1,6	1,7
Электротехническая (включая лампочки и кабель)	1,0	1,1	1,2	1,2	1,3	1,4
Текстильная	26,6	24,7	24,3	24,2	24,3	24,6

Точно так же как удельный вес основных фондов группы «А» вырастает на 14,7 пунктов, вырастает на 8,5 пунктов и удельный вес валовой продукции группы «А». Удельные веса по валовой продукции в пятилетке выявляют ту же тенденцию, как и темпы роста продукции: если в части средств потребления пятилетка наметила в общем верные относительные темпы роста валовой продукции по сравнению с ростом

основных фондов, то в части средств производства пятилетка, как правило, намечает меньший темп роста валовой продукции решающих отраслей промышленности по сравнению с ростом их основных фондов.

Топливо с трудом пытается удержать свой удельный вес. Это ему не удается: с 6,1% удельный вес топлива падает до 5,8%. Подобное явление, вообще говоря, не опасно; однако, если учесть напряженность в топливе при тех соотношениях в промышленности, которые имеются в настоящее время, и требования, предъявляемые к нему со стороны других частей всего народного хозяйства, то следует признать, что топливо не должно было бы терять свой удельный вес в промышленности. Та линия, которая взята в контрольных цифрах на протяжении текущей пятилетки, фактически к этому и приведет. Нефтяная промышленность неуклонно теряет свой удельный вес: с 2,5 до 2,0%. Не говоря уже о том, что нефть—сугубо экспортный продукт, она и внутри СССР будет значительно больше нужна, чем до сих пор: рост числа тракторов и автотранспорта съест внутри страны значительную часть нефтяной продукции. Только каменноугольная промышленность сохраняет в общем свой удельный вес.

Металлическая группа охватывает всю нашу машиностроительную промышленность, промышленность металлических стройматериалов и т. д., т. е. все те отрасли, которые делают прямо или косвенно «индустриальную музыку». Несмотря на резкий скачок вверх удельного веса раздела «А» отраслей, производящих средства производства,—основные индустриализаторские отрасли промышленности только сохраняют свой удельный вес, черная же металлургия даже теряет свой удельный вес: с 5,0 до 4,8%. Повышают свой удельный вес три отрасли: общее машиностроение с 6,8 до 7,6% (т. е. его удельный вес вырастает на 0,8%); с.-х. машиностроение—с 0,9 до 1,7% (т. е. его удельный вес вырастает на 0,8%); электротехническое производство—с 1,0 до 1,4% (т. е. его удельный вес вырастает на 0,4%).

Удельный вес текстильной промышленности падает с 26,6 до 24,6% при значительно большем падении удельного веса основных фондов—с 25,3 до 16,5% (т. е. на 8,8%)—удельный вес валовой продукции падает только на 2,0%. Нельзя сказать, чтобы абсолютный рост текстильной промышленности, намеченный пятилеткой, удовлетворил в какой-либо мере все потребности в текстиле: по всей видимости, абсолютный рост текстильной промышленности будет выше намеченного, но удельный ее вес должен безусловно быть ниже, в особенности по валовой продукции.

Из анализа таблицы структуры валовой продукции промышленности приходится сделать следующий вывод по отношению к опубликованной пятилетке: хотя общий темп развития нашего народного хозяйства и в особенности промышленности—отвлекаясь от поправок к темпам, внесенным жизнью,—задан в пятилетке невиданный для мирового капитализма и в первое время подавлявший даже многих сторонников пятилетки; хотя страна из аграрно-индустриальной превращается в индустриально-аграрную,—однако все же структура промышленного производства обладает крупными отрицательными чертами, открывающими широко двери для абсолютного и относительного роста импортированного оборудования, иными словами, сохраняется известная индустриальная зависимость от капиталистических стран.

Начавшийся пересмотр пятилетки в сторону повышения абсолютных показателей хозяйственного роста почти всех отраслей промышленности должен полностью учесть повелительную потребность изменения структуры

промышленного производства за счет различных уровней добавочного увеличения темпов роста по отдельным отраслям. Этот пересмотр уже начался рядом постановлений ЦК ВКП (б). Необходимо на основе этих постановлений построить такую новую систему цифр пятилетнего плана, которая предусматривала бы достижение полной индустриальной независимости СССР от капиталистических стран уже к концу пятилетки, — независимости, не исключающей конечно роста экономических связей с внешним миром.

Д. Розенберг.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД

Учение Маркса о производительном труде тесно увязано с его учением об обращении и учением его о производительном капитале. Много споров и ошибок в понимании марксовской теории производительного труда происходит именно от неумения увязать в единое целое перечисленные проблемы.

Мы и начнем с учения Маркса об обращении.

I

ОБРАЩЕНИЕ

В обращении не создаются ни стоимость, ни прибавочная стоимость. Почему?—Чтобы ответить на этот вопрос, нужно прежде всего точно установить, что же Маркс понимает под обращением.

Под обращением Марксом понимается исключительно смена форм стоимости, превращение ее из товарной формы в денежную и обратно — из денежной в товарную. Или, выражаясь юридически, — что в данном разрезе одно и то же — в обращении происходит смена собственников. Одно лицо уступает другому свое имущество, скажем, в товарной форме, а взамен его получает имущество своего контрагента в денежной форме. Этот процесс обычно сопровождается целым рядом технических операций, как-то: упаковкой товара, сортировкой, транспортированием его и т. д. Но для правильного понимания сущности обращения, обращения как такового, его (обращение) необходимо отделить от перечисленных операций, тем более, что и сама действительность часто отделяет их друг от друга. Типом «чистого» обращения является спекулятивная биржевая торговля, которая не сопровождается указанными техническими операциями, которая от них совершенно отделена; этими операциями не сопровождается и купля-продажа недвижимостей. С другой стороны, упаковка и транспорт продуктов имеют место и без обмена: внутри отдельного предприятия или системы объединенных предприятий.

«Но обращение товаров,—говорит Маркс,—может происходить и без их физического передвижения; транспорт продуктов—без товарного обращения и даже без непосредственного обмена продуктов. Дом, который *A* продает *B*, обращается как товар, но он стоит смирно на месте. Подвижные товарные стоимости — например, хлопок или чугун — остаются попрежнему в товарном складе, в то время как они проделывают дюжины различных процессов обращения, покупаются спекулянтами и опять продаются. В действительности здесь передвигается только титул на вещь, а не сама вещь»¹.

¹ «Капитал», т. II, с. 126, изд. «Коммунист», 1918.

Что касается движения «самой вещи», то Маркс его относит к производству, но продолжающемуся в обращении. И мы должны сделать первое ограничение: тезис, гласящий, что в обращении не создаются ни стоимость, ни прибавочная стоимость,— не распространяется на технические операции, сопровождающие обращение. Эти операции, относящиеся к производству, создают и стоимость и прибавочную стоимость. «Вложенный в последнюю (в транспортную промышленность — *P.*) производительный капитал присоединяет таким образом стоимость к транспортируемому, частью вследствие перенесения стоимости средств транспорта, частью вследствие того, что стоимость присоединяется трудом транспорта (разрядка моя—*P.*). Эта последняя прибавка стоимости распадается, как вообще при капиталистическом производстве, на возмещение заработной платы и на прибавочную стоимость»².

Приведенная цитата не оставляет ни малейшего сомнения насчет того, что Маркс считал, что на транспорте создаются и стоимость и прибавочная стоимость. Поэтому совершенно не прав Спектатор, заявляющий в своем предисловии к книге Реннера «Теория капиталистического хозяйства» следующее: «Совершенно странно звучит заявление, что транспорт является создателем стоимости» (разрядка автора—*P.*)³. Реннер в названной своей работе, как подобает социал-демократу, совершенно искажает экономическое учение Маркса, в том числе и его учение об обращении. Но по данному вопросу заявление Реннера отнюдь нельзя признать неправильным: да, на транспорте, как в любой отрасли производства, стоимость создается.

Стоимость создается также упаковкой, сортировкой товаров и другими подобными производственными процессами, продолжающимися в обращении. Об этом Маркс пишет: «Здесь нет необходимости входить во все детали издержек обращения, каковы, например, упаковка, сортировка и т. д. Общий закон заключается в том, что все издержки обращения, вытекающие лишь из превращения формы товара, не прибавляют к нему никакой стоимости» (разрядка Маркса—*P.*)⁴. Из всего контекста видно, что сформулированный Марксом закон не распространяется им на упаковку и сортировку товаров, а наоборот, издержкам, связанным с этими операциями, противопоставляются «издержки обращения, вытекающие лишь из превращения формы товара». Правда, Маркс здесь говорит об издержках, а не о труде, но во всей главе он под издержками понимает «расходование живого или овеществленного труда» (см. с. 113 и др.).

В обращении, т. е. в процессе смены форм стоимости, не только не создается новая стоимость, но и не переносится старая. Поэтому Маркс в приведенной цитате и употребляет более общий термин: издержки обращения не «прибавляют» никакой стоимости, т. е. в обращении не создается стоимость живым трудом, занятым в обращении, ни переносится на товар стоимость средств обращения. В производственных же процессах, продолжающихся в обращении, стоимость прибавляется, так как и новая стоимость производится и старая переносится.

Кроме транспорта, упаковки, сортировки и им подобных производственных процессов, в обращении имеет место и такой процесс (тоже, как сейчас будет показано, производственный), как хранение товарных

² «Капитал», т. II, с. 126, изд. Коммунист, 1918.

³ К. Реннер. Теория капиталистического хозяйства, Гиз, 1926, с. VII.

⁴ «Капитал», т. II, с. 125.

запасов. Этот процесс отличается от предыдущих тем, что готовый продукт не подвергается никакому активному воздействию. Его функция сводится к сохранению от порчи, уменьшения и т. д. потребительной стоимости товара; следовательно, и к сохранению самой стоимости товара. «Теперь,— говорит Маркс — спрашивается, в какой мере эти издержки (издержки хранения, — *P.*) входят в стоимость товаров» (разрядка моя — *P.*)⁵. И Маркс, отвечая на этот вопрос, рассматривает два вида хранения: 1) хранение запасов, имеющее место во всяком обществе независимо от его формы организации, но в товарно-капиталистической системе принимающее форму хранения товарных запасов или запасов в форме товарного капитала, 2) хранение, вызванное либо спекулятивными целями, либо заминкой в сбыте или прямо кризисными явлениями. Первый вид хранения обусловлен потребностями общества (всякого общества) иметь запасы, без которых общественный спрос не может быть нормально удовлетворен. Второй вид хранения обусловлен специфическими особенностями капиталистического способа производства.

Об издержках первого вида хранения Маркс пишет: «Поскольку товарный запас есть не что иное, как лишь товарная форма запаса, который при данном масштабе общественного производства, не существуя в форме запаса товарного, все равно существовал бы или как производительный запас (скрытый фонд производства) или как потребительный фонд (запас средств потребления), постольку и издержки, вызываемые сохранением запаса, следовательно издержки по образованию запаса, т. е. употребляемый с этой целью овестьственный или живой труд,— являются известной формой издержек по сохранению общественного производительного фонда или общественного фонда потребления. Повышение стоимости товара (разрядка моя — *P.*) вызываемое ими, только распределяет эти издержки про гата между различными товарами, так как они различны для различных сортов товара»⁶.

Выражением «распределяет эти издержки» Маркс подчеркивает, что речь идет не об индивидуальных издержках хранения, а об общественно-необходимых: товары могут иметь разные издержки хранения в зависимости от того, долго ли они хранятся или немедленно доставляются потребителю. Но отсюда, конечно, не следует, что они имеют и разные стоимости: издержки хранения берутся не по отношению к отдельным товарным единицам, а ко всей товарной массе; стоимость, возросшая вследствие этих издержек, и распределяется между всеми товарами.

Что касается второго вида издержек хранения, то «поскольку товары, замешкавшиеся в резервуарах обращения, не освобождают места для следующей волны производства, и таким образом резервуары переполняются, постольку товарный запас увеличивается исключительно вследствие заминки обращения... В таком случае товарный запас уже не является условием непрерывной продажи, а следствием того обстоятельства, что товары не удается продать. Издержки остаются те же (т. е. что и при первом виде хранения — *P.*), но так как теперь они вытекают исключительно из формы, именно из необходимости превратить товары в деньги и из затруднительности этого метаморфоза, то они не входят

⁵ «Капитал», т. II, с. 121.

⁶ Там же, с. 124.

в стоимость товара, но представляют вычет, потерю стоимости на реализации стоимости» (разрядка моя—*P.*)⁷.

В приведенных цитатах мы имеем четкий ответ на поставленный самим Марксом вопрос: в хранении запасов, являющемся нормальным условием удовлетворения общественного спроса (производительного и личного), а в товарном хозяйстве принимающем форму условия нормального товарообращения, — создается стоимость. Издержки этого хранения входят в стоимость товара. Живой труд, затрачиваемый на хранение товаров, производит новую добавочную стоимость, а труд овеществленный в амбарах, магазинах, складах и т. д., т. е. стоимость последних, переносится на эти товары. А раз в процессе хранения создается стоимость, то создается и прибавочная стоимость, если процесс хранения выполняется наемным трудом. Иначе представляется хранение второго вида: издержки его относятся к *faux frais* товарного производства и ничем не отличаются от издержек, связанных со сменой форм стоимости, с формальным процессом обмена.

Итак, положение, что в обращении не создаются ни стоимость ни прибавочная стоимость, применимо лишь к обращению, отделенному от всех производственных моментов, связанных с нормальным обращением. Словом, оно применимо к обращению, взятому исключительно как формальный процесс, как смена форм стоимости. Чтобы не было никакого сомнения на этот счет, приведем еще одну цитату: «Итак товарно-торговый капитал, если отбросить все гетерогенные функции, которые могут быть с ним связаны, как хранение товаров, отправка, перевозка, разделение, разборка, и ограничиться его истинной функцией купли ради продажи (разрядка везде моя—*P.*), не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости»⁸. Здесь ясно сказано, что к перечисленным гетерогенным функциям не относится формулированное Марксом положение, что в обращении не создается ни стоимости, ни прибавочной стоимости.

Формальный процесс обмена не создает стоимости и прибавочной стоимости не потому, что здесь нет трудовых затрат или издержек, — процесс обмена часто требует большего количества труда. «Перемена состояния стоит времени и рабочей силы, но не для того, чтобы создать стоимость, а для того, чтобы совершить превращение стоимости из одной формы в другую»⁹. Но почему, спрашивается, труд, затрачиваемый на превращение стоимости из одной формы в другую, не создает стоимости? Обычно на этот вопрос отвечают (и это наиболее распространенный ответ) так: труд в обращении не создает стоимости, потому что им не производятся материальные изменения в объектах обращения. А иногда встречается еще более упрощенный ответ. Труд в обращении не создает стоимости потому, что этим трудом не создается потребительная стоимость. Сторонники такого взгляда могут найти некоторую видимость опоры у самого Маркса. В III томе «Капитала» (ч. 1, с. 266) читаем: «Все такие издержки (речь идет о чистых издержках—*P.*) делаются не при производстве потребительной стоимости товара, а при реализации его стоимости; они суть чистые издержки обращения». Но, повторяем, тут только «видимость опоры» — указанные объяснения в их упрощенном виде не выдерживают критики: труд транспортника и упаковщика тоже не со-

⁷ Там же.

⁸ «Капитал», т. III, ч. 1, с. 258, изд. 1903 г.

⁹ «Капитал», т. II, с. 105—106.

здает потребительных стоимостей, он их лишь перемещает в пространстве (или содействует такому перемещению). А труд, потраченный на хранение товарных запасов, уже никаких материальных изменений в охраняемых вещах не производит. Однако в подобных объяснениях известная доля, мы бы сказали, истины имеется. Стоимость, как мы знаем, не есть выражение конкретного труда, не есть выражение труда, создающего потребительную стоимость, но—с другой стороны—где нет потребительной стоимости, нет и стоимости. Следовательно, труд, не имеющий никакого отношения к потребительной стоимости, его не обусловленный, — не может найти выражения в стоимости, не создает стоимости. А таким является труд, необходимый лишь для превращения стоимости из одной формы в другую.

Труд, создающий стоимость, не должен непосредственно создавать потребительную стоимость или производить в ней какие-нибудь материальные изменения; но он должен быть ею обусловлен, иначе получается полнейший отрыв стоимости от потребительной стоимости и труда абстрактного от труда конкретного. И только в этом смысле следует понимать только-что приведенную цитату из III тома «Капитала». Да и во всех других высказываниях Маркса по этому вопросу подчеркивается, что труд, потраченный на процесс обмена, не создает стоимости, потому что обусловлен он не потребительной стоимостью, а формой стоимости. «Эти издержки (чистые издержки обращения—*P.*) обуславливаются экономической формой продукта как товара»¹⁰.

Гильфердинг в своем объяснении, почему труд в обращении не создает стоимости, исходит из того, что этот труд имеет место только в товарно-капиталистической системе. Он пишет. «Напротив того (раньше у него речь идет о транспорте — *P.*) труд, затраченный лишь для целей капиталистического обращения, т. е. вытекающий лишь (разрядка автора—*P.*) из определенной исторической организации процесса производства, не создает стоимости»¹¹. При этом Гильфердинг ссылается на формулированный Марксом общий закон (нами раньше уже цитированный), согласно которому все издержки обращения, вытекающие только из превращения формы товара, не прибавляют к нему стоимости.

Гильфердинг прав в своем утверждении, что труд в обращении исторически обусловлен,—обусловлен формой организации производства; это подчеркивается часто и Марксом, правда, не в том месте, на которое наш автор ссылается (данное место Гильфердингом как-раз неправильно понято). Но почему такой труд, т. е. труд, обусловленный определенной формой организации производства, не создает стоимости,—Гильфердинг не объясняет. Он, повидимому, полагает, что такой вывод сам собой разумеется, однако он совсем не прав. Дело не в том, что труд в процессе обращения, как и сам процесс обращения, имеет место только в товарно-капиталистической системе, а в том, что этот труд не имеет, как мы сказали, никакого отношения к потребительной стоимости, связан лишь со сменой формы стоимости. Именно это выражено в формулированном Марксом общем законе, на который ссылается Гильфердинг. Особенно же это ярко выражено в приводимой выше цитате из III тома «Капитала», где определенно сказано, что «все такие издержки делаются не при производстве потребительной стоимости».

¹⁰ «Капитал», т. II, с. 105—106.

¹¹ «Основные проблемы политической экономии», Гиз., изд. 3-е, с. 65.

Мы сказали, что и Марксом подчеркивается историческая обусловленность характера труда в процессе обмена, но этим Маркс хочет только более наглядно показать, что указанный труд не имеет никакого отношения к потребительной стоимости, и в силу этого, а не в силу своей исторической обусловленности, он создавать стоимости не может.

II

МАРКSOVA ТЕОРИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО КАПИТАЛА

В наиболее развитом виде учение Маркса об обращении дается во II томе «Капитала», в VI главе, т. е. уже после того, как дано учение о формах капитала, в том числе и о производительной его форме.

Отсюда совершенно не следует однако, что учение об обращении есть производное от учения о формах капитала. Во-первых, теория обращения в основном уже дана в I томе «Капитала», в III главе «Деньги или обращение товаров», и в IV главе «Превращение денег в капитал». В первой из названных глав достаточно подчеркнуто, что теоретически под обращением понимается только смена форм стоимости, а вся IV глава построена на том, что в обращении не может возникнуть стоимость, что в обращении она только реализуется. Во-вторых, без правильной теории обращения нет никаких принципиальных оснований отделить фазу производства от фазы обращения и, следовательно, производительный капитал от других форм капитала. В самом деле, если в обращении создаются стоимость и прибавочная стоимость, то товарный капитал и вообще капитал в обращении является так же производительным, как и капитал в фазе производства. II отличие между ними сводилось бы лишь к отличию в конкретном характере их функционирования, т. е. капитал в обращении отличался бы от капитала в производстве так, как капитал в одной отрасли производства отличается от капитала в другой отрасли производства. В-третьих, если допустить, что труд и в обращении (т. е. в процессе смены форм стоимости) тоже создает стоимость, то стоимость, как сказано выше, открывается от потребительной стоимости и абстрактный труд — от конкретного труда. Следовательно, учение о том, что в обращении не создается стоимость и прибавочная стоимость (а это предполагает понимание обращения только как формального процесса), с одной стороны, непосредственно вытекает из учения о товаре, о «двойном характере заключающегося в товарах труда», о стоимости, словом, — из всей марксовой теории стоимости; с другой стороны, только на теории обращения может быть построена теория капитала, особенно теория форм капитала.

Итак, именно из того, что в обращении не создаются ни стоимость и ни прибавочная стоимость, вытекает принципиальное различие между капиталом, занятым в фазах обращения, и капиталом, занятым в фазе производства. В фазе производства создаются стоимость и прибавочная стоимость, а потому капитал, занятый в этой фазе, является производительным. Капитал есть стоимость, приносящая прибавочную стоимость; но в денежной форме он — капитал лишь в возможности, он должен предварительно пройти еще стадию $D - T < \frac{P}{C_{II}}$; в товарной форме он функционирует уже как реализовавшийся капитал, как стоимость, которая уже принесла прибавочную стоимость. Зато в производительной форме он непосредственно самовозрастает, непосредственно прино-

сит прибавочную стоимость. Таким образом категорией производительный капитал выражено не просто то, что капитал есть стоимость, приносящая прибавочную стоимость,— это выражено и в категории капитала без дальнейших его определений; данной категорией выражен непосредственный момент самовозрастания стоимости, выражено пребывание капитала в фазе производства в отличие от пребывания его в фазах обращения.

Тут же следует подчеркнуть, что никоим образом не следует смешивать, как это обычно делают критики Маркса, понятие «производительный» с понятием «необходимый». Необходимым является и капитал в обращении. Более того, он предполагается самим производительным капиталом. Ведь производительный капитал — не что иное, как одна из форм промышленного капитала; она следует за денежной формой капитала и предшествует товарной форме капитала. Вез фазы $D - T < \frac{P}{C_{II}}$ нет II, нет капиталистического производства; но его нет и без $T - D$, так как капиталистическое производство есть и товарное производство. Поэтому Маркс постоянно подчеркивает, что капиталистическое производство есть единство производства и обращения, а кругооборот промышленного капитала — единство всех трех его форм; они друг друга исключают, но и друг друга предполагают.

Буржуазные критики обвиняют Маркса (как отмечает Каутский ¹² в игнорировании им роли купца. Но любопытно то, что Каутский в оправдание Маркса пишет: «По плану своего труда Маркс рассматривает торговый капитал в III томе». И дальше: «Но при желании они могли бы уже в I томе найти места, где Маркс высказывается о торговле». И Каутский приводит то место из I тома, где Маркс объясняет, что из обращения нельзя понять превращение денег в капитал. Повидимому, самому Каутскому не вполне ясно, что дело не в «плане» и не в том, упоминает ли Маркс о торговле в I томе или нет. Все это им — буржуазным критикам — было известно; более того, они, мы полагаем, лучше Каутского поняли, в чем суть дела. Они порицают Маркса не за то, что он не упоминает о торговом капитале, а за то, что из его учения, как оно изложено уже в I томе, вытекает, что торговый капитал непроизводителен. Ведь уже в I томе дано — как показано раньше — учение об обращении, учение о том, что в обращении не создаются ни стоимость, ни прибавочная стоимость. А отсюда вытекает — это, повторяем, буржуазные экономисты поняли лучше Каутского, — что торговый капитал, как капитал обращения, непроизводителен; это их и возмущает. Их возмущение станет еще более понятным, если мы примем во внимание, что для них понятия «непроизводительный», «бесполезный», «бездеятельный» — понятия тождественные. Каутский вместо того, чтобы поднять спор на принципиальную высоту, отделяется в сущности пустяками. Более того, своей ссылкой на «план» и на то, что Маркс, мол, не забыл и о торговле, Каутский смазывает ту принципиальную установку, которая дается Марксом в цитированном им же (Каутский) месте из I тома. В таком «контексте» приведенная цитата служит лишь «доказательством» того, что и в I томе «Капитала» торговля не оставлена без внимания. Представляем себе, как оппоненты Каутского посмеивались при чтении этой «убийственной» для них аргументации!

¹² См. статью Каутского «Нипцета философии» и «Капитал». К. Каутский, соч. т. I, с. 254.

Но вернемся к учению Маркса о производительном капитале. Производительный капитал отличается от других форм капитала не только своей функцией, но и своим материальным содержанием; точнее, различие функций разных форм капитала имеет своей предпосылкой различие в материальном содержании их. Производительный капитал состоит (по своему материальному содержанию) из средств производства и рабочей силы; капитал в обращении состоит либо из денег, либо из товаров. Правда, последние могут быть и средствами производства, но в кругообороте данного индивидуального капитала они являются только товарами, подлежащими реализации; функционировать же как средства производства они будут у другого капиталиста, который их покупает, но у которого они сделаются элементами его производительного капитала. Далее: производительный капитал может производить стоимость и прибавочную стоимость, если им либо производится потребительная стоимость, либо выполняются такие материально-технические функции, которые обусловлены самой потребительной стоимостью (например, перевозка, упаковка товаров, когда это производится капиталистически). Денежный и товарный капитал своим бытием только обязаны товарной форме продукта, но отнюдь не его потребительной стоимости.

Именно тот факт, что производительный капитал, производя прибавочную стоимость, должен производить прежде всего потребительную стоимость (или выполнять операции, связанные с последней), — делает его функции реальными в отличие от функций денежного и товарного капитала, являющихся формальными¹³. «В общей формуле (в $D = T < \frac{P}{C_{\text{п}}} \dots P \dots T - D - P$) продукт производительного капитала, продукт P , рассматривается как материальная вещь, отличная от элементов производительного капитала, как предмет, который обладает обособленным от производственного процесса существованием, отличной от элементов производства потребительной формой». Однако это не обязательно, это дано лишь в «общей формуле», т. е. в формуле, пригодной для производства в тесном смысле слова. «Но, — продолжает Маркс, — существуют самостоятельные отрасли промышленности, где продукт производственного процесса не является новым вещественным продуктом, товаром. Из этих отраслей важна в экономическом отношении только промышленность сношений, будет ли то промышленность собственно транспорта товаров и людей или передачи только сообщений, писем, телеграмм и т. д.»

И в промышленности сношений создается нечто в роде потребительной стоимости¹⁴. Но оно не имеет обособленного от производственного процесса существования. Его потребление происходит одновременно с ее производством. «Полезный эффект можно потреблять лишь во время производственного процесса; этот эффект не существует как отличная от этого процесса потребительная вещь, которая, лишь после того, как она произведена, функционирует в виде предмета торговли, в виде товара. Но меновая стоимость этого полезного эффекта, как и всякого другого товара, определяется стоимостью затраченных на него элементов производства (рабочей силы и средств производства) плюс прибавочная стоимость,

¹³ Термины «реальные» и «формальные» часто употребляются Марксом; производственный процесс им также назван «реальным метаморфозом». См., напр., «Капитал», т. II, с. 26.

¹⁴ Маркс это называет, как сейчас увидим, полезным эффектом.

созданная прибавочным трудом рабочих, занятых в транспортной промышленности»¹⁵.

На первый взгляд может показаться, что Марксу не за чем вводить такой новый термин (совсем необычный), как полезный эффект, так как роль транспорта дальше (на с. 126—127) им самим характеризуется немногим иначе. «Но,—читаем мы там,—потребительная стоимость предметов реализуется лишь посредством потребления, а это последнее может сделать необходимым их перемещение, следовательно, дополнительный производственный процесс транспортной промышленности». И общий вывод: «Продукт только тогда готов к потреблению, когда он закончит это передвижение». Роль транспорта, точнее производительного капитала в транспортной промышленности, именно в том, что транспортом довершается потребительная стоимость перевозимых товаров: они становятся готовыми к потреблению только по переброске их из места производства в место потребления. Следовательно, Маркс не говорит о полезном эффекте, а о том, что благодаря транспорту продукт делается готовым к потреблению. Наше недоумение рассеется, если мы припомним, что здесь на с. 29 речь идет не только о перевозке товаров, но и о перевозке людей, которые (скажем от себя) могут ехать и в экскурсию. Следовательно, никакого завершения потребительной стоимости товаров тут нет, а есть действительно лишь полезный эффект, который «нераздельно связан с процессом транспорта» и который потребляется «лишь во время производственного процесса».

С этой точки зрения термин «полезный эффект» имеет важное значение—он нам пригодится и при изложении теории производительного труда; сейчас же он позволяет нам сделать следующие выводы. Производительный капитал производит стоимость и прибавочную стоимость: 1) если им производятся потребительные стоимости в прямом смысле слова, т. е. производятся полезные вещи, имеющие независимое от производственного процесса существование, 2) если им довершаются потребительные стоимости уже произведенных продуктов, как при перевозке их из места производства в место потребления, 3) если им выполняются такие материально-технические функции, как хранение товарных запасов, 4) если им производится полезный эффект, как при перевозке людей, устройств, скажем, прогулку.

А это позволяет нам делать еще и такой вывод (и он нам пригодится в дальнейшем): если, скажем, капитал вложен в театральное дело, то и он совершает такой же кругооборот, как капитал, вложенный в транспорт. В первой фазе им совершается—Д—Т $\left\langle \begin{matrix} P \\ C_{II} \end{matrix} \right.$ —наем актеров, служащих, рабочих и покупка всех средств производства, необходимых для производства игры, этим капитал превратился из денежной формы в производительную. Затем начинается его функционирование, т. е. производится полезный эффект, стоимость которого должна определяться как стоимость полезного эффекта на транспорте, т. е. «стоимость затраченных на него элементов производства (рабочей силы и средств производства) плюс прибавочная стоимость, созданная трудом рабочих». Правда, мы забегаем вперед, и нас могут обвинять в подтасовке—мы допускаем, что актеры и рабочие, занятые в театральном деле, создают стоимость и прибавочную стоимость. Слово Маркса по этому вопросу мы пока еще не слышали, но мы скоро его услышим, и оно не только не будет проги-

¹⁵ «Капитал», т. II, с. 29.

воречить нашему предположению, а его лишь подтвердит. Пока важно подчеркнуть, что расширительное, так сказать, толкование категории производительного капитала, т. е. попытка применить его к производству так называемых нематериальных благ, упирается в вопрос о том, создают ли работники, занятые в капиталистически-организованных нематериальных производствах, стоимость и прибавочную стоимость. Впрочем и здесь мы можем отметить, что нет абсолютно никаких принципиальных оснований полезный эффект, выражающийся в путешествии на транспорте, считать более материальным, чем полезный эффект, выражающийся в зрительных или слуховых ощущениях. Все же пока ограничимся следующим: при допущении, что между капиталистически организованным транспортом и капиталистически организованным театром разницы нет, капитал, вложенный в театральное дело, совершает обычные для промышленного капитала кругообороты. Кругооборот выразится так: $D-T \begin{cases} P \\ Sp \end{cases} . . . P-D$. Здесь, правда, отсутствует T^1 , но эта форма отсутствует и в кругообороте капитала, вложенного в транспортную промышленность.

III

ТЕОРИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА

В V главе I тома «Капитала» Маркс пишет: «Итак, в процессе труда деятельность человека при помощи средств труда производит преднамеренное изменение в предмете труда... Продукт процесса труда есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы. Труд соединился с предметом труда». И дальше: «Если рассматривать весь процесс с точки зрения результата продукта, то средства труда и продукт труда, то и другое являются средствами производства, а самый труд—производительным трудом»¹⁶.

Но тут же в примечании Маркс добавляет: «Это определение производительного труда, получающееся с точки зрения простого процесса труда, совершенно недостаточно для капиталистического процесса производства». Определение производительного труда, уже достаточное и с точки зрения капиталистического процесса производства, Марксом дается в XIV главе I тома. В этой главе сам Маркс цитирует данное им указанное определение в V главе, цитирует также примечание к нему и заявляет: «Этот последний пункт (т. е. недостаточность этого определения для капиталистического производства—P.) подлежит здесь дальнейшему исследованию»¹⁷.

Что же дает дальнейшее исследование?

Во-первых, оказывается, что определение это сохраняет свое значение в применении к коллективному рабочему, рассматриваемому как одно целое. Но оно не подходит более к каждому из его членов, взятому в отдельности»¹⁸. Последний же является производительным рабочим, и его труд—производительным трудом лишь постольку, поскольку он является органом коллективного рабочего и выполняет одну из его функций; более того, нет даже «необходимости непосредственно прила-

¹⁶ «Капитал», т. I, изд. 1920, с. 157.

¹⁷ Там же, с. 109.

¹⁸ Там же, с. 110.

гать руки»¹⁹, т. е. указанная функция может быть проявлением умственной деятельности, а не физической. Словом, требование, чтобы труд производил изменение в предмете труда и создавал потребительную стоимость, предъявляется коллективному рабочему, а не отдельным работникам, являющимся членами последнего. От них требуется другое: чтобы они действительно были органами коллективного рабочего, выполняющими одну из его функций.

Во-вторых, чтобы труд был производительным, требуется еще одно условие: «Он должен производить прибавочную стоимость. Только тот рабочий производитель, который производит для капиталиста прибавочную стоимость или служит самовозрастанию капитала. Так, например, школьный учитель—если позволительно взять иллюстрацию вне сферы материального производства—является производительным рабочим, если он не только обрабатывает детские головы, но и обрабатывает себя для обогащения предпринимателя. Вложит ли этот последний свой капитал в фабрику для обучения или в колбасную фабрику, от этого рассматриваемое отношение несколько не изменяется». И общий вывод Маркса: «Поэтому понятие производительный труд не исчерпывается отношением между деятельностью и ее полезным эффектом, между рабочим и продуктом его труда: оно включает в себя такое специфически общественное, исторически возникшее производственное отношение, делающее рабочего непосредственным орудием возрастания капитала»²⁰.

Обращаем внимание читателя на два момента: 1) прежнее определение производительного труда Марксом не отменяется (особенно это подчеркнуто в заключительной цитате), а оно получает лишь дальнейшее развитие; 2) Маркс к определению производительного труда возвращается только в XIV главе, т. е. после всестороннего анализа капитала (в фазе производства), прибавочной стоимости, абсолютной и относительной. В V главе исследуется не только процесс труда, но и процесс увеличения стоимости; казалось бы, что в этой же главе Маркс мог определить и производительный труд не только с точки зрения процесса труда, но и с точки зрения процесса увеличения стоимости, т. е. как труд, производящий прибавочную стоимость.

Ответ на это недоумение мы находим в следующем заявлении Маркса: «Производительный труд—это лишь сокращенное выражение для обозначения той полноты, того отношения, в котором фигурирует рабочая сила в капиталистическом процессе производства»²¹. В V главе I тома «полнота» указанного отношения еще не дана: и процесс труда и процесс увеличения стоимости берутся в наиболее абстрактных определениях. Только в следующих главах и тот и другой получают свое дальнейшее развитие: процесс труда—как процесс коллективного труда, имеющего своей основой машинную технику; процесс увеличения стоимости—как процесс производства абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Производительный труд и есть единство процесса труда и процесса увеличения стоимости, взятых в их, так сказать, вполне развернутом виде.

Единство процесса труда и процесса увеличения стоимости есть в то же время и единство производства потребительной стоимости, стоимости и прибавочной стоимости. И по отношению к производительному

¹⁹ «Капитал», т. I, изд. 1920, с. 110.

²⁰ Там же.

²¹ «Теория прибавочной ценности», т. I, с. 270,

труду применимо все сказанное раньше в отношении производительного капитала. Необязательно, чтобы производительный труд создавал непосредственно потребительную стоимость, достаточно: 1) если им выполняются операции, необходимые для потребительной стоимости, 2) если производится полезный эффект и не имеющий самостоятельного существования в качестве вещи, отделенной от производительного процесса. Отсюда также ясно, что и производительный труд есть только труд, занятый в фазе производства; труд, занятый в фазе обращения, не является производительным. Это непосредственно вытекает из марксовой теории обращения; от того, что функции обращения выполняются наемным трудом, их характер не меняется, т. е. они вследствие этого не превращаются из непродуцируемых в продуцируемые. «Если же капиталисты, покупающие и продающие друг у друга, не создают этим актом ни продуктов, ни стоимости, то это нисколько не изменяется от того, что размеры их дела дают им возможность или принуждают их переносить на других функции купли-продажи»²².

Само собой разумеется, что и в отношении труда нельзя смешивать понятие «необходимый» с понятием «производительный» (мы уже об этом говорили раньше в отношении капитала); и труд в обращении необходим, даже полезен (при капиталистической системе), но он все-таки непродуцируемый. Это положение оспаривается А. Богдановым. У него именно отождествляется необходимый труд с производительным. «Его (производительного труда—*P.*) экономическая характеристика, — пишет Богданов, — вся сводится к тому, что удовлетворяет потребностям данной производственной системы, что он общественно полезен с точки зрения борьбы за существование»²³. Богданов обвиняет Маркса в том, что им недостаточно подвергнут критике взгляд старой политической экономии, «коренная методологическая ошибка которого состоит в том, что социально-научному исследованию он навязывает чуждую ему точку зрения «материальности» и «духовности явлений». Исходя из этого, Богданов не приемлет то деление Марксом издержек обращения, про которое мы говорили выше, он налагает, что нет никаких оснований причислить чистые издержки к *faux frais*, раз они необходимы и полезны для капиталистической системы.

Прежде всего необходимо отметить, что Богданов сваливает в одну кучу совершенно разные вопросы: вопрос о «материальности» и «духовности» явлений с вопросом о чистых издержках обращения и издержках обращения, связанных с производством, продолжающимся в обращении. О первом вопросе мы сейчас будем говорить, что же касается ответа на второй вопрос, то он, как показано раньше, непосредственно вытекает из учения Маркса о товаре, стоимости и обращении.

Прежде чем перейти к вопросу о так называемом нематериальном производстве, поставим предварительный вопрос о соотношении между категорией «производительный капитал» и категорией «производительный труд». Этот вопрос поставлен самим Марксом. Знаменитое «Приложение» к I тому «Теорий прибавочной ценности» Маркс начинает так: «Капитал производитель, во-первых, как сила, принуждающая к прибавочному труду, во-вторых, как поглотитель и присвоитель, а равно и как воплощение производительных сил общественного труда и общественных про-

²² «Капитал», т. II, с. 103.

²³ А. Богданов и И. Степанов, Курс политической экономии, т. II, вып. 4, с. 11.

изводительных сил вообще, как, например, наука. Спрашивается, как или почему труд, противопоставленный капиталу, производительен или является производительным трудом (разрядка Маркса — *P.*), хотя производительные силы труда перешли к капиталу и хотя эти производительные силы нельзя считать дважды: один раз как производительную силу труда, а другой раз как производительную силу капитала. Ответа на этот вопрос надо искать в предыдущем изложении»²⁴.

Производительный капитал и производительный труд выражают одну и ту же «полноту того отношения, в котором фигурирует рабочая сила в капиталистическом производстве», но выражают они их разно. Производительный капитал выражает это в вещной форме; он выражает: 1) что живая рабочая сила стала вещью, 2) что в соединении с другими вещами (с средствами производства) она самовозрастает, 3) что, следовательно, «производительные силы труда перешли к капиталу». Словом, производительный капитал есть вещное выражение производительного труда, в котором «сокращенно» выражено, что труд при капиталистической системе может быть производителен, если его функция становится функцией капитала, если его источник—рабочая сила—становится частью капитала.

Потребление рабочей силы становится производительным потреблением лишь после того, как она перешла в фазу производства через фазу $D - T < \frac{P}{C_n}$. В фазе производства, труд становится производительным и тем самым делает производительным капитал. Все же методологически—подчеркнем тут же—категория «производительный труд» предшествует, если можно так выразиться, категории «производительный капитал»: только после того, как выяснены отношения с их, так сказать, вещной стороны, получает и может получить свою специфическую характеристику производительный труд как труд в системе этих отношений. До анализа последних он выступает как труд, производящий потребительные стоимости (но п тогда его нельзя смешивать с необходимым и полезным трудом, так как не всякий полезный труд производит потребительные стоимости), а в начале анализа капиталистических отношений труд выступает лишь как наемный труд,—и только дальнейший анализ уже выделяет производительный труд из наемного труда (наемный труд в обращении непродуцителен, хотя эксплуатируется) как особую категорию.

Нам, кстати, совершенно непонятно, почему И. Рубин сомневается в правильности данного Марксом определения производительного труда.

«Мы не ставим вопроса о том, — пишет И. Рубин,—правильнее ли марксово определение производительного труда, построенное на анализе его общественной формы, или общепринятые в трактатах политической экономии определения, исходящие из «необходимости», «полезности», «материального» характера труда или роли его в личном или производственном потреблении. Мы не говорим что марксово деление, отвлекающееся от содержания трудовых затрат, правильнее общепринятых; мы только утверждаем, что оно иное и ими не покрывается»²⁵.

Мы же думаем, что, во-первых, именно потому, что в трактатах по политической экономии (буржуазных и ревизионистских) производительный труд определяется вне, как говорится, времени и пространства,

²⁴ «Теории прибавочной ценности», с. 268.

²⁵ И. Рубин, Очерки, изд. 3-е, с. 297—298.

ортодоксальные марксисты должны крепко держаться за марксово определение производительного труда, исходящее не из труда вообще, а включающее в него (в это определение) исторически обусловленную его форму, его капиталистическое клеймо. Во-вторых, Маркс совсем не отвлекается от содержания трудовых затрат; он только его берет с его исторически обусловленной формой, с его, повторяем, капиталистическим клеймом.

Теперь перейдем к вопросу о так называемом нематериальном производстве.

Приведенная выше цитата из I тома «Капитала», где Маркс «позволяет» себе взять «иллюстрацию вне сферы материального производства» и где он все-таки ставит, что называется, на одну доску «фабрику для обучения» и «колбасную фабрику», — уже эта цитата, говорим мы, свидетельствует, что к нематериальному производству, если только оно организовано капиталистически, Маркс применяет категорию производительный труд. Правда, здесь Маркс выражается еще осторожно («если позволительно...»), в «теориях» же он высказывается на этот счет довольно полно и довольно решительно. Там мы читаем: «Итак, производительный труд в системе капиталистического производства есть такой труд, который производит для лица, дающего ему применение, прибавочную ценность, или иначе тот, который превращает объективные условия труда в капитал, а их владельца — в капиталиста, — стало быть, труд, создающий свой собственный продукт в виде капитала»²⁶. Отсюда Марксом делается целый ряд очень важных выводов. Первый вывод: «Один и тот же вид труда может быть производительным и непроизводительным»²⁷. Труд портного, работающего на заказчика-потребителя, не является трудом производительным, но труд портного, работающего в капиталистически организованной мастерской или фабрике, — есть труд производительный. В первом случае он не производит прибавочной стоимости и не превращает условий труда в капитал. Во втором имеет место и та и другая. Второй вывод (относящийся уже к нематериальному производству): «Певица, продающая свое пенье на собственный риск, — непроизводительный работник. Но та же самая певица, приглашенная антрепренером, который заставляет ее петь для того, чтобы выручить деньги, — производительный работник, так как она производит капитал»²⁸. Третий вывод: самостоятельный ремесленник и крестьянин, хотя и доставляющие продукты своего труда на рынок, т. е. производящие товар, «не принадлежат ни к категории непроизводительных, ни к категории производительных рабочих... их производство не подчинено капиталистическому способу производства»²⁹.

Итак, Маркс считает производительным труд учителя, певицы, актера, если они наняты капиталистическими предпринимателями. В так называемом нематериальном производстве (нематериальном — в смысле удовлетворения нематериальных потребностей) Маркс различает два случая: во-первых, когда потребительные стоимости имеют «самостоятельный вид, отдельный как от производителя, так и от потребителя, т. е. такие предметы, которые могут существовать в промежутке между производством и потреблением»³⁰. К ним относятся книги, картины и т. п. Во-вторых, когда «производство не отделимо от акта производительного

²⁶ «Теория прибавочной ценности», т. I, с. 270.

²⁷ Там же, с. 272.

²⁸ Там же, с. 273.

²⁹ Там же, с. 275.

³⁰ Там же, с. 277.

акта, как это имеет место у всех художников-исполнителей, у актеров, у учителей»³¹.

Следовательно, первый случай с точки зрения процесса труда в приведенном выше смысле ничем не отличается от труда в материальном производстве. Но и во втором случае имеем материальный процесс труда, предполагающий материальные условия труда, которые подвергаются определенным изменениям, только производство не отделяется от потребления, между ними нет промежутков. В указанном втором случае имеем полезный эффект (точь-в-точь как на транспорте при перевозке людей), стоимость которого определяется стоимостью средств производства плюс новая стоимость, создающаяся живым трудом и распадающаяся на воспроизведенную стоимость рабочей силы и прибавочную стоимость. Словом, стоимость полезного эффекта и в нематериальных производствах, но капиталистически организованных, равняется $c + v + m$.

На такой точке зрения стоит и Рубин — и он считает труд в нематериальном производстве производительным, если оно организовано капиталистически. Но Рубин идет дальше: он взгляд Маркса на производительный труд формулирует таким образом: «Как видим, Маркс в определении производительного труда совершенно отвлекается от его содержания (разрядка автора—*P.*), от конкретного, полезного характера и результата труда. Он рассматривает труд только со стороны его общественной формы (разрядка автора). Было бы, поэтому, крайне неправильно приписать учению Маркса о производительном труде «материалистический» характер»³². Именно от «содержания, от конкретного полезного характера и результата труда» Маркс, как мы уже сказали, как раз и не отвлекается. Об этом в первую очередь свидетельствует трактовка этого вопроса в XIV главе I тома «Капитала», где Маркс от данного им в V главе определения производительного труда не отказывается, а лишь его дополняет. Маркс в этой (XIV—II) главе определенно говорит: «Понятие производительный труд не исчерпывается отношением между деятельностью и полезным эффектом.... оно включает в себя такое специфическое общественное, исторически возникшее производственное отношение». Подчеркнутые нами выражения: «не исчерпываются», «оно включает» ясно показывают, что именно Марксс понимает под производительным трудом. Конечно, совершенно безразличен род, сорт полезности потребительных стоимостей, которые труд производит, но производить их вообще он должен, пусть и в виде полезного эффекта. Маркс рассматривает труд и со стороны общественной формы и со стороны материального содержания.

Целый ряд марксистов возражает против применения категории производительный труд к капиталистически-организованному нематериальному производству. В последнее время вышла книжка, специально посвященная этому вопросу, — Б. Кофман, Производительный труд и метод Маркса. Автор по вопросу о нематериальном производстве стоит на противоположной (нашей) точке зрения. Разбору его аргументации мы посвятим специально статью.

³¹ «Теории прибавочной ценности», т. I, с. 227.

³² И. Рубин. «Очерки». с. 287.

М. Эскин

ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ МАРКСА

(По поводу книги т. В. Кофмана «Производительный труд и метод Маркса»).

Появление специальной работы о производительном труде факт сам по себе очень отрадный, тем более, что в течение последних двух лет эта проблема служила предметом широкой дискуссии на страницах журнала «Плановое хозяйство». Дискуссия, вызванная потребностями текущей экономической политики, свидетельствует о злободневности и важности избранной автором темы.

Насколько назрела потребность в подобной работе, свидетельствует еще и тот живейший интерес, который вызывает эта проблема у учащейся молодежи при ничтожном в тоже время внимании, которое уделяется этому вопросу в курсах политической экономии.

* * *

Автор поставил перед собой задачу не только установить точку зрения Маркса на производительный труд, не только восстановить правильное марксистское определение этой категории, но и выяснить «место и роль учения о производительном труде в политической экономии».

Постановка последней задачи и должна выделить автора рецензируемой работы из ряда всех его предшественников, «писавших о производительном труде», так как никто из них не останавливался на вопросе о месте учения о нем (о производительном труде—*М. Э.*) в марксовой теории капиталистического способа производства, никто не интересовался вопросом, для чего понадобилось Марксу уделять внимание этому вопросу, никто не отметил тех черт метода исследования Маркса, которые так отчетливо выделяются у него в процессе его разработки¹.

Как видим, методическую сторону проблемы автор усиленно выпячивает, и это составляет его несомненную заслугу. Но все эти благие намерения автора не мешают ему ограничиться весьма скудными выводами, совершенно недостаточно выясняющими действительную роль этой проблемы в системе марксистской политической экономии.

Весьма странно звучит в устах автора работы «Производительный труд и метод Маркса» заявление о том, что «для построения основ теории стоимости категория производительного труда Марксу не нужна», что «в I главе I тома, при изучении капиталистического способа производства только со стороны простых товарных отношений, вопрос о производительном труде Маркса не интересует»². Даже больше того,

¹ Кофман В., Производительный труд и метод Маркса, изд. «Прибой», 1929 г., с. 25—26.

² Там же, с. 30.

в XIV главе, где Маркс изучает непосредственные капиталистические отношения, «где Маркс развивает и усложняет понятие производительного труда» применительно к этим отношениям, мы имеем также еще «дело лишь с предварительными замечаниями», и здесь «категория производительного труда еще не служит прямым орудием исследования капиталистического хозяйства»³.

Но если категория производительного труда не играет никакой роли при анализе отношений простого товарного хозяйства и отношений капиталистического процесса производства в I томе «Капитала», то отсюда логически вытекает, что проблема производительного труда в V и XIV главах при переходе к анализу капиталистических отношений Марксом затронута совершенно случайно и что, пожалуй, с этой точки зрения замечания Маркса находятся не на месте. И Кофман совершенно последовательно пришел именно к такому выводу. Он откровенно признает, что «логически развитие учения о производительном труде» должно было следовать «за процессом производства капитала» («Капитал» т. I) и частично предшествовать «процессу обращения капитала» и «процессу капиталистического производства, взятого в целом» («Капитал», т. III, ч. 2), частично сливаться с ними⁴.

Кофман утверждает, что категория производительного труда получает практическое приложение у Маркса только при изучении проблем II и III томов «Капитала». Во II и III томах эта категория становится орудием исследования капиталистического хозяйства, потому что здесь производительный труд противопоставляется непроизводительному, доход производства капитала противопоставляется доходу от капитала в его непроизводительной функции⁵.

Нельзя отрицать, конечно, роль этой категории для разрешения проблем II и III томов «Капитала», по этим никоим образом не исчерпывается ее методологическое значение. Во II и III томах «Капитала» обнаруживается значение этой категории в приложении лишь к отдельным частным проблемам. Это производное значение вытекает из наиболее общей методологической роли, которую выполняет производительный труд уже в I томе «Капитала» и которую автор непростительно проглядел. Основной вопрос о методологической роли проблемы производительного труда и системе Маркса остался нашим автором почти нерешенным, и т. Кофман, как и «писавшие до него» по этому вопросу, не пролил достаточного света на эту проблему.

Автор подошел к этому вопросу слишком поверхностно. Вместо того, чтобы выяснить, какое отношение имеет все сказанное о производительном труде в «Теориях прибавочной ценности» (в этой своего рода феноменологии «Капитала») к теории стоимости, автор удовлетворился необдуманном заявлением, что для теории стоимости категория производительного труда Марксу не нужна. Вместо того, чтобы задуматься над вопросом, почему Маркс при переходе к анализу капиталистического способа производства нашел нужным заняться характеристикой производительного труда, автор опять-таки ограничился лишь поверхностным заявлением, что производительный труд не служит здесь «прямым орудием исследования капиталистического хозяйства» и т. д. и т. п.

* * *

³ Там же, с. 32.

⁴ Там же, с. 37.

⁵ Там же, с. 37.

Верно ли, что Маркс изучает проблему производительного труда только в условиях капитализма, причем на определенной ступени его анализа, как это полагает Кофман? Такое предположение ни на чем не основано. Что касается простых товарных отношений, утверждение Кофмана, что Маркса на этой ступени анализа не интересует вопрос о производительном труде, опровергается ими же приводимыми определениями Маркса производительного труда как труда, производящего товар, в противоположность понятию производительного труда как труда, производящего капитал. Но эта категория, как мы увидим, приобретает «практическую истинность» еще и в более ранних исторических формациях с натуральным укладом хозяйства.

Наиболее абстрактное определение производительного труда с точки зрения «производства вообще» мы встречаем у Маркса в V главе I тома «Капитала». Анализируя «весь процесс с точки зрения его результата, продукта», независимо от его общественной формы, Маркс приходит к социологическому определению производительного труда как труда, создающего материальную основу общества, или как труда, создающего определенный материальный результат — продукт. Кофман правильно отмечает, что Маркс этим определением устанавливает связь производительного труда с производительными силами как материально-техническим содержанием общественного процесса производства.

Правда, такое общее абстрактное определение производительного труда «с точки зрения простого процесса труда» не может служить орудием познания специфичности конкретной исторической ступени капиталистического производства, поэтому Маркс и счел необходимым отметить недостаточность этого определения «для капиталистического производства». Но абстрактное определение, будучи отвлеченным односторонним отношением для данного конкретного целого, само выступает как определенная конкретная категория в иных более ранних исторических условиях. Другими словами, это абстрактно-логическое определение само может представлять собой отражение определенного исторического этапа⁶.

Отсюда вывод, что абстрактное определение производительного труда, недостаточное для капиталистического общества, может оказаться вполне достаточным и конкретным определением для иной исторической формации.

И действительно, нетрудно обнаружить, что это абстрактное определение находит у Маркса свое практическое приложение в исторических условиях индийской общины, прекрасно описанной Марксом в I томе «Капитала» (с. 356). В этих условиях основной формой богатства является потребительная стоимость, материальные блага, созданные трудом, непосредственно участвующим в процессе материального производства, и производительным можно признать только этот вид труда, который только и создает материальную основу общины. Но в этой индийской общине мы находим сильное разделение труда, выделилась уже целая «дюжина лиц», не участвующих в производстве материальных продуктов. Здесь мы имеем «бухгалтера, ведущего счет земледельческим продуктам, пограничника, охраняющего границы общины от посягательств соседних общин; брамина, выполняющего функции религиозного культа; школьного учителя, обучающего детей общины читать и писать на песке». Все эти виды труда являются, с точки зрения данной общественной системы,

⁶ См. о соотношении логического и исторического в статье Энгельса о книге Маркса (приложение к новому переводу «К критике политической экономии»).

трудом непроизводительным, хотя многие из них являются весьма полезными видами труда. «Эта дюжина лиц — по словам Маркса — содержится за счет общины», т. е. за счет производительных рабочих, и только определенный уровень производительности их труда позволяет выделить в особые функции все виды полезного труда.

При таком разделении труда «всегда должны будут — как указывает Энгельс — выполняться необходимые, непроизводительные в экономическом смысле функции, а, следовательно, он (фонд, созданный производительным трудом — М. Э.) будет поддерживать существование исполняющих эти функции людей»⁷.

Отсюда следует, что проблема производительного труда приобретает смысл не только в условиях капитализма, но и в любом обществе, где разделение труда достигло таких размеров, что привело к обособлению ряда производительных функций. И вопреки утверждениям Кофмана, как мы видели, и Маркс и Энгельс касались этой проблемы не только применительно к условиям капиталистического производства, но и применительно к более ранним обществам, связывая эту проблему с процессом разделения труда.

* * *

Из всего сказанного об индийской общине не следует однако, как думают некоторые, что и в таком высоко-организованном обществе, как будущее коммунистическое общество, сохранится проблема производительного труда.

В таком обществе, «где исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда, когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда»⁸, в обществе, где, по яркой характеристике Маркса «каждому не отведен исключительный круг деятельности и каждый может развиваться в любой отрасли труда», «где общество регулирует все производство и именно поэтому создает возможность сегодня делать одно, а завтра другое, утром охотиться, после обеда ловить рыбу, а вечером заниматься скотоводством или же критиковать еду, как моей душе угодно, причем я не становлюсь от этого охотником, рыболовом, пастухом или критиком»⁹, — в таком обществе теряется всякий смысл деления труда на производительный и непроизводительный. В этом обществе по выражению Энгельса, «всеобщий производительный труд был бы обязателен», т. е. здесь каждый трудоспособный человек в одинаковой мере непосредственно участвует в процессе производства материальных благ, государственный аппарат растворяется в производственном аппарате, и каждый в одинаковой степени соответственно своим способностям непосредственно участвует в производстве и воспроизводстве материальной основы общества.

Тенденция сращивания «духовного» и «материального» производства, которую мы наблюдаем в условиях современного капитализма, получает свое завершение в будущем обществе, и тем самым уничтожается материальная основа противоположности физического и умственного труда, отмирают, следовательно, условия, породившие проблему производительного труда. И не случайно Маркс высказал свою интересную мысль, что в этом обществе «труд превратился в общественный труд».

⁷ Предисл. Энгельса к «Низшей философии», с. 17.

⁸ «Критика Готской программы», с. 18.

⁹ «Архив Маркса и Энгельса», т. I, с. 223.

* * *

Итак, мы выяснили условия, обуславливающие возникновение и исчезновение проблем производительного труда. Мы также установили, что Маркс и Энгельс касались этой проблемы на первом этапе исследования в связи с анализом производительного труда с точки зрения материально-технического содержания общественного процесса производства.

На втором этапе исследования Маркс изучает эту проблему в ее преломлении через призму более сложного типа общественных отношений — отношений простого товарного хозяйства. Анализ производительного труда в условиях простого товарного хозяйства подводит нас вплотную к решению вопроса о роли этой категории в I главе I тома «Капитала» и покажет нам всю ошибочность утверждений Коффмана, что Маркса интересует вопрос о производительном труде при изучении простых товарных отношений и что ему эта категория не нужна для теории стоимости.

Абстрактная формулировка производительного труда «с точки зрения простого процесса труда» претерпевает существенное изменение под влиянием новой системы общественных отношений. Определение производительного труда как труда, непосредственно участвующего в производстве материальных благ, оказывается совершенно недостаточным в условиях простого товарного хозяйства, где меновая стоимость является господствующей формой богатства. Это определение одновременно сохраняется и видоизменяется. В этих условиях не всякий труд, воплощающийся в материальный продукт, приобретает характеристику производительного труда; чтобы этот вид труда получил подобную характеристику, он должен быть включен в систему товарных отношений, т. е. должен быть организован на началах общественного разделения и частной собственности. Этот последний признак придает этой категории качественную определенность. Категория производительного труда является, следовательно, выражением противоречивого единства материально-технического содержания и общественной формы процесса производства, — противоречия, которое проявляется в товаре как в «экономической клеточке буржуазного общества».

Как видим, при исследовании производительного труда на этом этапе Марксом не только предполагается, но и включается первое определение, образуя абстрактно-всеобщий элемент второго исторического определения производительного труда. Но включается оно в существенно измененном виде, потому что, образуя одну сторону (материально-техническое содержание) производительного труда, оно находится в постоянном воздействии с другой стороной (социальной формой организации), которая устанавливает существенное различие между понятием производительного труда в меновом обществе и натуральном хозяйстве.

Исходя из структуры простого товарного хозяйства, Маркс исчерпывающе охарактеризовал производительный труд как труд, который производит товар¹⁰ (разрядка моя — М. Э.). Это наиболее полное и всестороннее определение, потому что оно, с одной стороны, выражает определенную историческую форму организации труда и, с другой стороны, подчеркивает «вещественное содержание труда», так как «понятие товара подразумевает, что труд воплощается, овеществляется, реализуется в своем продукте»¹¹.

¹⁰ Маркс, Теория прибавочной ценности, т. I, с. 181.

¹¹ Там же, с. 179.

Во избежание недоразумений должен указать, что те определения производительного труда, которые мы выше установили, не расходятся в основном с определениями, которые мы встречаем у Кофмана; по Кофману в то же время считает, как мы уже говорили, что для Маркса эти определения не играют никакой роли при исследовании простых товарных отношений и теории стоимости; поэтому эти правильные определения носят у Кофмана характер разбросанных и несвязанных замечаний, которые очевидно должны играть лишь вспомогательную роль при исследовании проблем II и III тома «Капитала», в то время как марксово определение производительного труда как труда, производящего товар, определяет значение этой категории в I главе I тома «Капитала».

Маркс начинает свое исследование с анализа товара как продукта производительного труда. При анализе товара исходным пунктом исследования является исключительно труд производительный. Сущность же этой категории Марксом разработана не в I томе «Капитала», а в «Теориях прибавочной ценности» на основе критического анализа своих предшественников. И не случайно, конечно, Маркс разработал данный вопрос именно в «Теориях» — в работе, которая по существу может считаться введением к «Капиталу».

Поэтому Маркс, начиная с первых страниц «Капитала», с полным основанием исходит из того, что вся совокупная масса труда, как объект изучения политической экономии, является исключительно массой производительного труда. При этом предположении категория производительного труда на этой ступени анализа играет чрезвычайно плодотворную роль. Производительный труд с самого начала фигурирует у Маркса в качестве категории, ограничивающей область исследования политической экономии как социальной науки; производительный труд устанавливает те социальные рамки, внутри которых труд, как исходный пункт исследований, может быть объектом политической экономии.

Эта постановка вопроса намечает путь и подводит нас вплотную к решению другого весьма существенного и интересного вопроса о взаимозависимости между категорией производительного труда, и характеристикой труда как абстрактного и конкретного и т. д. Тов. Кофман не задумался над этим вопросом, и эта проблема к сожалению не получила никакого отражения в специальной работе о «производительном труде и методе Маркса». А между тем вопрос этот несомненно стоит того, чтобы быть поставленным.

Если правильно наше первое утверждение, что исходным пунктом анализа Маркса является труд производительный, то отсюда логически вытекает, что дальнейшая качественная и количественная характеристика труда происходит внутри единого производительного труда. Характеристика труда, как абстрактного и конкретного, показывает нам разные стороны одного и того же единого производительного труда. В производительном труде проявляется реальное единство абстрактного и конкретного труда. Поэтому Маркс определяет товар, который сам обладает двойственной природой, не как продукт абстрактного труда (абстрактный труд образует стоимость, а не товар) и не как продукт конкретного труда (конкретный труд образует потребительную стоимость, а не товар), а как продукт производительного труда, как единство того и другого. В свете изложенного становится особенно ясным, почему вообще Маркс начинает свой анализ непосредственно с товара.

Из всего сказанного следует собственно, что было бы методологически правильнее начинать анализ труда, производящего товар, с ана-

лиза производительного труда, а затем уже переходить к изучению его различных сторон. Таков действительный путь исследования Маркса. У нас же почему-то стало традиционным в программах отводить ничтожное место этой проблеме (только в связи с издержками обращения), полагая очевидно, что у Маркса эта категория находит практическое приложение только во II томе «Капитала». А между тем такое представление противоречит действительному положению вещей и обнаруживает недооценку методологического значения производительного труда в системе Маркса. Эта недооценка в сильной мере обнаружилась и в работе т. Кофмана. Это обстоятельство тем менее простительно т. Кофману, что он проявил большую претенциозность по части выяснения методологии проблемы; несмотря на такие претензии т. Кофман недалеко ушел от своих предшественников, хотя он и выражает по их адресу сильное недовольство (именно тем, что они не выяснили места и роли проблемы производительного труда в системе Маркса). Работа т. Кофмана в очень слабой степени заполнила им же самим отмеченный пробел в литературе по этому вопросу¹².

* * *

На третьей стадии исследования Маркс изучает проблему с точки зрения системы капиталистического производства.

Определение производительного труда как труда, производящего продукт, оказалось недостаточным с точки зрения процесса производства товара, и производительный труд получил более узкое определение как труд, производящий продукт в форме товара. Это определение в свою очередь обнаруживает недостаточность и элементарность по мере перерастания товарной формы в форму капитала, стоимости — в прибавочную стоимость. Под влиянием капиталистической формы производства, которое «есть не только производство товара, но по самому своему существу есть производство прибавочной стоимости» (Маркс), понятие производительного труда суживается.

Кофман правильно определяет производительный труд в условиях капитализма, как «труд, создающий стоимость и прибавочную стоимость, реализуемые в товарах¹³, следовательно, не всякий труд, производящий товар, будет производительным с точки зрения капиталистического процесса производства; производительным будет только труд, производящий такой товар, в котором воплощается не только стоимость, но и прибавочная стоимость, т. е. только тот вид труда, который воплощается, с одной стороны, в реальных товарах и который, с другой стороны, организован на капиталистических началах. И здесь, следовательно, производительный труд характеризуется единством двух моментов — мате-

¹² Насколько велика роль этой категории, определяющей исторические рамки исследования и тем самым создающей базу для научного анализа, показывает крохоборческая попытка Туган-Барановского заменить проблему производительного труда делением труда на хозяйственный и нехозяйственный. В качестве примера хозяйственной деятельности он приводит приготовление пищи и обмен в отличие от процесса еды («Основы», с. 8—9 и 136). Растворив таким образом точную и ясную категорию производительного труда в расплывчатой формулировке хозяйственной и нехозяйственной деятельности, Туган-Барановский тем самым создал основу для доказательства полнейшей гармонии капиталистического общества. На самом деле, если домохозяйка, приготавливающая пищу, и торговец, промышленный капиталист и рабочий — все одинаково занимаются хозяйственной деятельностью, то к чему, спрашивается, классовая борьба, где почва для классовой вражды, когда все они занимают одинаковое положение в обществе? Эта апологетическая теория лишней раз показывает действительное значение и революционную сущность учения Маркса о производительном труде.

¹³ Кофман, Производительный труд и метод Маркса, с. 43.

риально-техническим содержанием общественного процесса производства, который проявляется в товаре как материальном продукте, и специфической общественной формой организации. Первый момент образует абстрактно-всеобщий элемент, характерный для категории производительного труда различных исторических формаций, и именно поэтому Маркс отмечал эту сторону как «побочную» и в то же время «характерную черту»; второй момент характеризует специфичность этой общей категории, придает ей историческую определенность.

Отметим мимоходом, что с этой точки зрения становится понятной ошибочность комментариев Рубина и Борхарда и по этому вопросу; эти комментарии представляют собою как бы два противоположные «уклона». Рубин исходит в определении труда только из одного признака—капиталистической формы организации, игнорируя материально-техническое содержание общественного процесса производства. Борхард, определяя производительный труд только по признаку его материального результата, игнорирует полностью общественные отношения производства¹⁴, игнорирует «главную характерную черту, не имеющую никакого отношения к содержанию труда и совершенно независимую от содержания»¹⁵. Марксово абстрактно-сконструированное определение производительного труда, которое является «продуктом определенных исторических условий и обладает полной значимостью только для этих условий и внутри их», Борхард механически переносит на совершенно иные исторические условия капиталистического производства.

Таким образом определение производительного труда как труда, создающего стоимость и прибавочную стоимость, реализуемые в товарах, представляет собой дальнейшее развитие и конкретизацию наиболее общих определений этой категории с точки зрения производства товара и простого процесса труда. Более сложное определение производительного труда в условиях капитализма не отрицает, а предполагает эти более элементарные и простые определения и на них непосредственно опирается.

Из всего сказанного о производительном труде в условиях капитализма становится понятной другая ошибка Кофмана, заключающаяся опять-таки в недооценке методологической роли проблемы при переходе к исследованию капиталистических отношений. Эта недооценка в данном случае проявилась в указанном нами утверждении Кофмана, что в XIV главе мы имеем дело лишь с предварительными и очевидно случайными замечаниями о производительном труде, которые «здесь еще не служат прямым орудием исследования капиталистического хозяйства».

В действительности же Маркс совсем не случайно остановился в данной связи на проблеме производительного труда. Это обстоятельство имеет свой глубокий смысл, который заключается в том, что Маркс при переходе от анализа отношений простых товаропроизводителей к более сложному типу капиталистических отношений так же, как и в V главе «Капитала», при помощи более суженного понятия производительного труда, соответствующего данной исторической форме производства, уста-

¹⁴ «Производительный труд сапожника,—говорит Борхард,—который производит сапоги» (Б о р х а р д, Основные положения политической экономии, с. 83). Это высказано «безотносительно» к форме организации труда, в то время как Маркс бичевал смешение производительного труда с точки зрения данной системы и «буржуазно-ограниченную» постановку вопроса о «производительном труде вообще». Маркс неоднократно подчеркивал, что когда говорим о производительном труде, мы должны «уговориться, в каком смысле».

¹⁵ «Теория прибавочной ценности», т. I, с. 277.

навливает новые рамки исследования на данной ступени анализа. Здесь так же, как и в I главе «Капитала», исходным пунктом анализа является труд, но не труд вообще, а труд, участвующий в производстве и воспроизводстве материальной основы данной конкретно-исторической ступени общественной жизни. Здесь так же, как и в I главе, Маркс исходит из того предположения, что вся совокупная масса труда как объект изучения является исключительно производительным трудом, и именно поэтому весь промышленный капитал выступает как единый производительный капитал.

Такова действительная роль этой категории в I томе «Капитала». Во II и III томах «Капитала» эта роль конкретизируется в связи с конкретизацией капитализма как объекта исследования. В частности во II томе «Капитала», где Маркс изучает капитал в его движении, а сферу производства — в связи со сферой обращения, категория производительного труда становится основой для расчленения ранее единого промышленного капитала, и сам производительный труд противопоставляется здесь известной массе непроизводительного труда¹⁶. Частная роль проблемы производительного труда на этой стадии исследования выяснена автором с достаточной подробностью. Однако т. Кофман совершенно неправильно сводит все методологическое значение проблемы к этой частной роли производного характера.

Тов. Кофман правильно отмечал, что исследование вопроса о производительном труде до сих пор неверно связывали только с вопросом об издержках обращения VI главы II тома «Капитала». Но т. Кофман не прав, думая, что категория производительного труда становится орудием исследования капиталистического хозяйства только во II томе «Капитала» (хотя и в I главе). Данная категория выполняет эту роль, как мы видели, уже в I томе «Капитала», и именно поэтому она Марксом впервые разработана не во II и не в I томе «Капитала», а в «Теориях прибавочной стоимости».

На этом закончим обзор проблем, которым посвящены три главы работы Кофмана.

* * *

В последних трех главах автор подвергает критике различных комментаторов Маркса о производительном труде. IV глава посвящена разбору вульгарной теории Базарова — Богданова.

Базаров — Богданов избрали критерием производительного труда общественную потребительскую ценность. В результате у них понятие производительного труда «сводится к тому, что он удовлетворяет потребности данной производственной системы, что он общественно-полезен с точки зрения борьбы за существование»¹⁷. Отсюда производительными для капиталистической системы являются «все функции, лежащие в области военного дела», потому что приносят прибыль (например, контрибуция во время войны), «представители рантье́ства» и «любители-спортсмены», потому что «они много сделали для техники автомобильного

¹⁶ Не прав, конечно, Рубин, когда он утверждает, что «производительный характер труда является отражением производительного характера капитала, как раз наоборот; производительный характер капитала является отражением производительного характера труда. В противном случае, как правильно отмечает т. Кофман, мы попадаем в заколдованный круг. У т. Рубина так и получается: производительный капитал — это капитал, занятый в фазе производства, а производительный труд — это труд, нанятый производительным капиталом.

¹⁷ Богданов и Степанов, вып. IV, с. 28.

и авиаторского дела»¹⁸. С этой точки зрения придется согласиться с Исаевым и признать производительным труд миссионера, «смягчающий нравы дикаря и ослабляющий наклонности к непрерывным войнам»¹⁹. Наконец «разрушительный труд» преступника, вопреки Богданову, должен попасть в категорию производительного труда, потому что он, по ядовитому замечанию Маркса, «производит не только преступление», но и «открывает целую перспективу полезных профессий»²⁰.

Базаров — Богданов приписывают Марксу «страшное противоречие» между II и III томами «Капитала». По их мнению Маркс во II томе «Капитала» «все без исключения издержки обращения, относит к *faux frais* производства, не образующим ценности»²¹, в то время как в III томе «Капитала» Маркс различает двоякого рода издержки — чистые издержки обращения, связанные с формальными метаморфозами товара (труд приказчика, бухгалтера, конторщика и т. п.), не участвующие в производстве стоимости, и реальные издержки обращения, связанные с реальными функциями обращения (труд по перевозке, упаковке, сортировке и т. д.), которые повышают стоимость продукта. Сам Базаров считает, что формальная метаморфоза «сама по себе не поглощает ни одного атома труда. Поскольку же функция купца требует приложения живого человеческого труда, она составляет не фазу обращения, а фазу производства, является производительной». Как видим, Базаров в отличие от Маркса относит все виды трудовых затрат в процессе обращения к трудовым затратам, образующим стоимость. Кроме того Базаров, сам фетишистски понимая «овеществление» труда, приписывает Марксу «точку зрения товарного фетишизма»²².

Концепция Базарова — Богданова с исключительной неадаптивностью анализируется т. Кофманом. По существу эта глава наиболее удачная в работе Кофмана. Но размеры этой главы ни в какой мере не оправдываются теоретической значимостью рассматриваемой концепции. Вульгарная теория Богданова — Базарова не стоила того, чтобы уделять ей почти половину книги (56 страниц из 130). Книга только выиграла бы от сокращения (хотя бы на половину) этой главы.

В VI главе подвергаются критике комментарии Рубина. Рубин вслед за Куновым доказывает, что «Маркс в определении производительного труда совершенно отвлекается от его содержания, от конкретного, полезного характера и результата труда», что «он рассматривает труд только со стороны его общественной формы» (разрядка автора)²³. Рубин пытается подкрепить свое понимание производительного труда рядом ссылок на Маркса, которые по существу говорят не в его пользу. Автор почему-то не нашел нужным остановиться на анализе приводимых выдержек из «Капитала», которые в корне подрывают позицию Рубина.

И Рубин и Кунов оперируют примерами актера и клоуна для доказательства того, что у Маркса «труд производительный охватывает и труд, не воплощающийся в материальных вещах». По мнению Рубина, все эти виды умственного труда, не воплощающиеся в реальных продуктах (актера, певицы, клоуна), причисляются Марксом к категории про-

¹⁸ Богданов и Степанов, вып. IV, с. 32.

¹⁹ Исаев, Начала политической экономии, 1910 г., с. 49.

²⁰ Маркс, Теория прибавочной ценности, т. I, с. 254.

²¹ Базаров, Производительный труд и ценность, с. 40.

²² Базаров, Производительный труд и ценность, с. 28.

²³ Рубин, Очерки, 3-е изд., с. 287; см. также Кунов, Изложения: IV части «Капитала», с. 36.

изводительного труда исключительно по признаку его капиталистической формы организации ²⁴.

Кофман справедливо не удовлетворяется такой трактовкой, как наиболее ярко выражающей тенденции к отрыву социальной формы от материально-технического содержания общественного процесса производства. Кофман пытается обосновать определения Марксом труда клоуна, актера и т. д. как производительного труда с точки зрения диалектики исследования Маркса. Он в довольно бледных красках рисует картину диалектического пути Маркса по триаде — тезис, антитезис и синтезис.

Маркс начинает исследование с «выделения материального содержания производительного труда, с определения его как труда, производящего материальный продукт». «Это — тезис диалектического развития категории производительного труда» ²⁵.

Второй этап исследования — «форма производительного труда рассматривается в чистом виде», «Маркс отвлекается от его содержания» (с. 145), «форма здесь отрицает содержание». «Это — антитезис диалектического развития категории производительного труда» (с. 147).

Третий этап исследования, — «синтетическое определение производительного труда» как «единства формы и содержания» (с. 149).

Таков, по мнению Кофмана, диалектический путь исследования категории производительного труда у Маркса. И оказывается, когда Маркс находился на втором этапе и исследовал «чистую форму», он причислил клоуна, актера и другие виды труда «нематериального производства» к производительному труду. Однако это определение производительного труда с точки зрения формы не является еще «окончательным определением», как думает Рубин. Здесь можно сделать такое замечание: Если Маркс на этой ступени исследует форму, абстрагированную от того же материально-технического процесса производства, то становится непонятным, зачем понадобилось Марксу для изучения этой категории со стороны формы брать примеры исключительно из нематериального производства. С точки зрения диалектики Кофмана этот вопрос остается нерешенным.

Что касается триады, которая завершается механическим соединением содержания и формы, то Кофман ошибочно назвал всю эту механистическую эклектику диалектикой. И еще более напрасно он проявил излишнюю скромность, приписав свои собственные заслуги Марксу. Триадический путь, нарисованный Кофманом, существует только в его собственном воображении и ничего общего не имеет с диалектикой Маркса. Маркс, как мы указывали, на первом этапе дал наиболее общее социологическое определение производительного труда с точки зрения его результата. Затем это определение конкретизируется. Конкретизация выражается не в том, что Маркс переходит к анализу чистой или, вернее, бессодержательной формы, как получается у Кофмана. Конкретизация заключается в том, что Маркс на последующих этапах рассматривает эту категорию в условиях социально-определенной конкретной формы

²⁴ «Актер например, — говорит Маркс, — п даже клоун является согласно этому производительным рабочим, если он работает по найму у капиталиста (антрепренера), которому он возвращает больше труда, чем сам получает от него в форме заработной платы» (Маркс, Теория прибавочной ценности, т. I, с. 167).

²⁵ Кофман, Производительный труд и метод Маркса, с. 145. Разрядка здесь и в дальнейшем, где не оговорено, принадлежит автору.

производства. При этом Маркс, рассматривая данную категорию со стороны формы, нигде не рассматривает «чистую форму», «отрицающую содержание», он не абстрагируется от содержания. Содержание при этом включается в форму, сохраняется в ней и в то же время модифицируется ею. В этом и заключается «переход формы в содержание», и «переход содержания в форму»²⁶ (Гегель).

Маркс изучает капиталистический способ производства как определенное противоречивое единство производительных сил и производственных отношений со стороны социальной формы, но нигде Маркс не изучает чистую бессодержательную форму. Он изучает эту сторону (форму) единства в ее постоянном взаимодействии и взаимообусловленности с другой стороной (содержанием). Триаду следовало бы Кофману искать не в трех этапах исследования, а в развитии самой категории на различных исторических ступенях.

Чтобы объяснить явления с клоуном, актером и т. п., нет никакой необходимости навязывать Марксу искусственную триаду и механическое противопоставление содержания и формы. Во всех этих случаях, когда Маркс говорит о производительном характере труда, актера, клоуна, лакея гостиницы и торговых служащих, он исследует вопрос исключительно с точки зрения индивидуального капиталиста. Когда, например, Маркс говорит, что повара и лакеи гостиницы являются «производительными рабочими», он как бы подчеркивает, что они являются производительными для владельца гостиницы, «поскольку их труд превращается в капитал»²⁷. Когда у Маркса идет речь о труде актера или клоуна, он как бы специально подчеркивает, что эти виды труда «производительны для их покупателя», «для театрального антрепренера», которому «он (производительный рабочий—М. Э.) возвращает больше труда, чем сам получает от него в форме заработной платы»²⁸, что «различие между производительным трудом устанавливается здесь только с точки зрения владельца денег»²⁹. Наконец, достаточно вспомнить, что и «торговый труд», который вообще-то Марксом несомненно относится к непроизводительному труду, в данном случае, с точки зрения индивидуального капиталиста, для купца признан «непосредственно производительным трудом», поскольку он создает для него «участие в прибавочной стоимости».

Приведенные выдержки устанавливают с полной несомненностью наличие двоякого критерия исследования производительного труда у Маркса: объективный — с точки зрения капиталистического общества в целом, и субъективный — с точки зрения индивидуального капиталиста. Эти выдержки не оставляют также сомнения в том, что при анализе указанных видов труда нематериального производства (актера, клоуна, лакея и т. д.) Маркс исходит исключительно от точки зрения индивидуального капиталиста. Для данного индивидуального капиталиста актеры, клоуны, торговые служащие являются несомненно производительными рабочими, поскольку они приносят ему прибыль. С точки зрения капиталистического общества в целом, они являются непроизводительными рабочими, поскольку их труд не воплощается в товарах, и следовательно не принимает участия в производстве стоимости и прибавочной стоимости.

²⁶ Гегель, Соч., т. I, с. 224. Разрядка автора.

²⁷ «Теория прибавочной ценности», т. I, с. 169. Курсив мой.

²⁸ Там же, с. 167, 181.

²⁹ Там же, с. 168. Разрядка моя — М. Э.

Таково единственно правильное решение вопроса по поводу указанных видов труда нематериального производства.

Кофман отрезал себе путь к правильному решению вопроса тем фактом, что он (хотя и в «известной степени») согласился с Рубиным, что у Маркса отсутствует «двойкий критерий производительного труда»³⁰.

Заканчивая анализ этой главы, нужно отметить, что в полемике с Рубиным Кофман сползает с правильных методологических рельсов как раз в злополучном вопросе о единстве содержания и формы, обнаружив весьма сильные механистические тенденции.

* * *

На этом мы можем закончить статью, не останавливаясь на последней главе, посвященной весьма краткому изложению точек зрения Струмилина, Петрова и Вайсберга, которые высказались по этому вопросу на страницах журнала «Плановое хозяйство».

Книжка Кофмана, как мы видели, обнаружила наиболее крупные недостатки в ее методологической части. Это обстоятельство сильно обесценивает и те правильные по существу положения, которые содержатся в работе т. Кофмана. Книжка носит на себе следы некоторой разбросанности и лоскутности мысли. К недостаткам нужно отнести также чрезмерную перегруженность цитатами и непропорциональное распределение материала по отдельным главам. При всех ее недостатках она может быть все же рекомендована как единственная работа, систематизирующая материал и освещающая различные точки зрения на производительный труд.

³⁰ См. Кофман, Производительный труд и метод Маркса, с. 149.

Производительный труд и нематериальное производство

За последние годы появилось немало работ, частично или целиком посвященных проблеме производительного труда. При более детальной разработке этой проблемы среди марксистов обнаружилось разногласия методологического порядка, которые в этом специальном вопросе целиком и полностью отражают те методологические споры, которые в настоящее время ведутся по основным проблемам политической экономии.

Ленинградский научно-исследовательский институт марксизма недавно выпустил книгу Б. Кофмана¹, в которой проблема производительного труда трактуется специально с точки зрения выяснения особенностей марксистского метода. Автор посвятил целую главу исследованию «метода Маркса и метода Рубина», взяв за исходный пункт рубинскую интерпретацию учения Маркса о производительном труде, и пришел к выводу, что Рубин в данном вопросе, как и в других, исходит из меновой концепции.

Поскольку споры о производительном труде касаются лишь определения характера отдельных профессий, они не могут вызвать серьезного теоретического интереса. Но так как при решении этого частного вопроса затрагиваются такие методологические проблемы, вокруг которых идет острая дискуссия, то становится абсолютно необходимым подвергнуть теорию производительного труда специальному разбору именно с точки зрения методологии². Мы ограничимся здесь критическим разбором основных положений автора только что названной работы, поскольку он пытается методологически обосновать определенную систему взглядов, которые уже неоднократно развивались в различных работах, затрагивающих проблему производительного труда.

Прежде всего следует отметить, что современные споры по трактуемой проблеме в конечном счете сводятся к установлению границ общественного производства, к установлению понятия системы общественного производства. Теперь в марксистской среде считается общепризнанным, что прибавочная стоимость создается только в капиталистическом производстве, что в процессе обращения происходит лишь превращение одной формы стоимости в другую и что с точки зрения капитала производительным является лишь труд, занятый в капиталистическом производстве. Разногласия начинаются при установлении границ самого производства. Ряд экономистов считает, что в систему произ-

¹ Б. Кофман, Производительный труд и метод Маркса, 1929 г., изд. «Пробой».

² Это чрезвычайно важно и для теории советского хозяйства. Проблема производительного труда тесно связана с установлением границ общественного производства, с установлением понятия общественного продукта, т. е. с вопросами, имеющими немаловажное значение в нашей экономике.

водства входит лишь труд, создающий определенный материальный продукт, труд же, который занят или воспроизводством квалифицированной рабочей силы, или производством так называемых «услуг» с этой точки зрения находится за пределами производства, даже за пределами хозяйственных явлений³, он не создает стоимости и прибавочной стоимости, он не производитель. Таким образом с первой точки зрения создание материального продукта, вещи, входит в качестве конститутивного признака в определение производства и производительного труда⁴.

И. Рубин в своих «Очерках» доказывает, что Маркс не ограничивает общественное производство одним лишь созданием материального продукта, что он признал производительным не только капитал, занятый в сфере материального производства, но и капитал, занятый в области так называемого нематериального производства, что Маркс признавал производительным капиталистически организованный труд, создающий определенную общественную потребительную стоимость, хотя бы эта потребительная стоимость не воплощалась в вещи, словом, что Маркс признавал производительным всякий капиталистический организованный труд, который «входит в систему капиталистического производства».

Итак, разногласия сводятся к установлению границ общественного производства, или, выражаясь еще конкретнее, к определению природы нематериального производства. В связи с характеристикой труда, занятого в нематериальном производстве, встает ряд вопросов, относящихся к различным областям теоретической экономики (потребительная стоимость, стоимость, товарный фетишизм и др.). Подвергая здесь природу нематериального производства более подробному анализу, мы вовсе не исходим из желания определить характер отдельных профессий, мы имеем в виду коснуться лишь тех методологических проблем, которые возникают при характеристике труда, создающего капитал.

Известно, что у Маркса имеются многочисленные указания насчет производительности так называемых «услуг», или труда, который он относит к области нематериального производства. Эти указания, взятые сами по себе, находятся в противоречии с первой (из приведенных выше двух) точкой зрения, вследствие чего их толкованию уделяется исключительное внимание. В. Кофман, Р. Вайсберг и другие объясняют факт признания услуг производительными особенностями метода Маркса. Маркс, с их точки зрения, рассматривает производительный труд в отдельности со стороны материального содержания и со стороны общественной формы. Со стороны содержания производительным является труд, создающий материальный продукт, со стороны общественной формы — всякий капиталистически организованный труд, т. е. труд, доставляющий предпринимателю прибыль.

³ «Видимо, Маркс согласен с тем, что материальные и нематериальные продукты подчиняются различным законам, т. е., другими словами, что нематериальные продукты и труд, их создающий, не относятся к области хозяйственных явлений». В. Кофман, цит. соч., с. 58.

⁴ «Таким образом, только труд, создающий богатство в вещественной форме, производителен, труд же нематериального производства, хотя бы он удовлетворял потребности человека, непроизводителен». В. Кофман, цит. соч., с. 50.

Но есть еще третье «синтетическое» определение производительного труда — это труд, создающий материальный продукт и подчиненный капиталу. «В процессе исследования производительного труда Маркс сначала останавливается на определении производительного труда с точки зрения его материального содержания, потом рассматривает производительный труд исключительно с точки зрения формы как таковой, независимо от содержания. Форма здесь отрицает содержание. Синтетическое определение производительного труда представляет единство формы, и содержания. Это — труд, участвующий в материальном производстве, подчиненный капиталу и создающий прибавочную стоимость. Расширенное определение производительного труда, рассматриваемого с точки зрения формы, и включившее поэтому в свой состав и нематериальное производство (клоунов, учителей и т. д.), вновь ограничивается пределами материального производства»⁵. Далее Б. Кофман указывает, что такой различный подход Маркса является необходимым для диалектического развития понятия производительного труда. Определение производительного труда с точки зрения социальной формы или, что по Кофману одно и то же, с точки зрения создаваемой им для капиталиста прибыли (а не прибавочной стоимости), является определением односторонним, неистинным, но оно составляет необходимый момент в диалектическом развитии понятия производительного труда. Там, где Маркс говорит о производительном труде в области нематериального производства, он исходит лишь из формы организации труда, и рассматривает труд не с точки зрения общественного капитала, а с точки зрения индивидуального капиталиста. Для действительной характеристики производительного труда требуется еще третье, «синтетическое» определение, которое ограничивает производительный труд лишь пределами материального производства. Таков метод Маркса в изображении Б. Кофмана. Посмотрим теперь, насколько это изложение марксова метода соответствует действительности.

Как известно, Маркс дает определение производительного труда уже в I томе «Капитала». В V главе, в I разделе, где рассматривается «процесс труда, или производство потребительной стоимости», Маркс определяет производительный труд как труд, создающий потребительную стоимость. Далее, в XIV главе Маркс указывает на недостаточность такого определения производительного труда: поскольку капиталистическое производство «по самому своему существу есть производство прибавочной стоимости», следовательно, производительным будет труд, который «производит для капиталиста прибавочную стоимость». И Маркс тут же для иллюстрации этого определения приводит пример школьного учителя, который может быть производительным работником, если «обрабатывает самого себя для обогащения предпринимателя». «Вложит ли этот последний свой капитал в фабрику для обучения или в колбасную фабрику, от этого рассматриваемое отношение не несколько не изменяется». Маркс, следовательно, говорит о каком-то отношении, которое не меняется от того, возьмем ли мы фабрику для обучения или колбасную фабрику. Что это за отношение, об этом он подробнее поясняет тут же: «Поэтому понятие производительного рабочего отнюдь не исчерпывается отношением между деятельностью и ее полезным эффектом, между рабочим и продуктом его труда: оно включит в себя такое специфически общественное, исторически возникшее производствен-

⁵ Б. Кофман, там же, с. 143.

ное отношение, делающее рабочего непосредственным орудием возрастания капитала».

Итак, Маркс говорит о производственном отношении, делающем рабочего орудием возрастания капитала, которое не меняется от того, возьмем ли мы «фабрику для обучения или колбасную фабрику». На этом Маркс заканчивает анализ производительного труда в I томе «Капитала». Его точку зрения можно выразить в следующих четырех положениях:

1. Понятие производительного труда включает в себя производственное отношение, делающее рабочего орудием возрастания капитала.

2. Это отношение меняется от того, вложит ли предприниматель свой капитал в «фабрику для обучения или в колбасную фабрику».

3. Понятие производительного труда не исчерпывается этим отношением так же, как оно не исчерпывается «отношением между рабочим и продуктом его труда», т. е. полезным характером труда. Последнее отношение включает в себе первое, оба признака должны диалектически сочетаться,—словом, производительный труд создает прибавочную стоимость, но в то же время он создает и потребительную стоимость.

4. Основным признаком труда, занятого в капиталистическом производстве, является создание прибавочной стоимости. Но необходимым условием для этого процесса является производство потребительной стоимости.

Если подойти к рассмотрению анализа Маркса, пользуясь методом, предлагаемым Б. Кофманом и выдаваемым им за метод Маркса, мы должны были бы прийти к следующему выводу. Маркс в I томе «Капитала» дает два различных определения производительного труда: определение с точки зрения содержания, согласно которому производитель будет всякий труд, создающий материальный продукт, и определение с точки зрения формы, согласно которому производитель будет всякий труд, создающий не только прибавочную стоимость, но просто прибыль для капиталиста, следовательно, может быть производителем труд школьного учителя, хотя последний прибавочной стоимости не создает. Что же касается третьего «синтетического» определения, то Маркс почему-то не успел его привести в I томе «Капитала», это определение Б. Кофман находит лишь в «Теориях прибавочной стоимости».

Мы утверждаем, что такое толкование не только абсолютно расходится с текстом Маркса, но оно в корне противоречит диалектическому методу Маркса. Маркс действительно указал на два признака производительного труда: 1) создание потребительной стоимости и 2) создание прибавочной стоимости, причем у Маркса оба эти признака диалектически соединяются, поскольку стоимость и прибавочная стоимость являются той общественной формой, в которой происходит производство потребительной стоимости; последняя есть не непосредственная цель, а условие для капиталистического производства. Если наемный труд производит прибавочную стоимость, капитал, то этим самым уже подразумевается что этот труд занят не в процессе обращения, а в процессе производства, что он производит какую-либо потребительную стоимость, хотя не последняя конституирует капиталистический характер производства. Обратное, если капиталистическое предприятие создает потребительную стоимость, то она может создаваться лишь в форме производства стоимости, прибавочной стоимости, капитала. Характеризуя производительный труд как труд, создающий прибавочную стоимость, Маркс тем

самым дал не одностороннюю, а полную, исчерпывающую характеристику производительного труда в капиталистическом обществе. Никакого третьего «синтетического» определения производительного труда у Маркса нет и не может быть.

Не так представляет дело Б. Кофман. Исходя из его точки зрения, нужно признать, что Маркс в I томе «Капитала» дал два определения производительности труда, причем оба эти определения не только не полны или односторонни, но они в известной мере исключают друг друга; согласно первому определению производительный труд есть труд, создающий материальный продукт (тезис), согласно второму—труд, создающий не прибавочную стоимость, а прибыль для капиталистов (анти-тезис), следовательно, требуется еще какое-то третье «синтетическое» определение, которое Кофман не нашел в I томе «Капитала», но которое он будто бы нашел в некоторых цитатах из «Теории прибавочной стоимости». Что же представляет собою этот «синтез» содержания и формы? Он заключается вовсе не в диалектическом соединении двух противоположных, или односторонних, или неполных определений, а в том, что первое определение объявляется относительно правильным, второе же определение может стать абсолютно ложным, так как те виды труда, которые оказались производительными по второму определению (со стороны формы), например труд, занятый в нематериальном производстве, оказываются вовсе не производительными по первому и третьему «синтетическому» определению, они просто исключаются из области производительного труда.

Таков «диалектический синтез» двух односторонних понятий, таково взаимоотношение между формой и содержанием в представлении Б. Кофмана: то, что правильно с точки зрения формы, оказывается неправильным с точки зрения содержания.

Основной грех представителей натуралистического толкования производительного труда заключается в том, что они приписывают Марксу вульгарное, ненаучное определение производительного труда. Они утверждают, что и в I томе «Капитала» и в тех многочисленных случаях, когда Маркс в полемике со Смитом считает услуги производителями, он якобы исходит из определения производительного труда как труда, создающего не прибавочную стоимость, а прибыль для индивидуального капиталиста. Между тем Маркс никогда не стоял на такой вульгарной, ненаучной точке зрения. Он указывал, что производительность или непроизводительность труда нужно устанавливать не с точки зрения индивидуального капиталиста, а с точки зрения капитала, с точки зрения создания прибавочной стоимости. Иного взгляда мы у Маркса не найдем. По поводу торговых служащих, «клятвопреступников», убийц, воров и прочих, доставляющих прибыль предпринимателям, Маркс указывает, что последним только кажется, будто труд, который они эксплуатируют, есть производительный труд: «Издержки обращения представляются для промышленного капитала и действительно являются дополнительными непроизводительными расходами. Для купца они представляются источником его прибыли, которая—предполагая общую норму прибыли—находится в соответствии с их величиной. Поэтому расход, который приходится производить на эти издержки обращения, представляется для торгового капитала производительной затратой. Следовательно, и торговый труд, который он покупает для него,—непосредственно производительный труд»⁶.

⁶ «Капитал», т. III, ч. 1, с. 286.

Эта цитата широко используется для того, чтобы доказать, будто Маркс «с точки зрения формы» считал производительным одинаково как труд, занятый в нематериальном производстве, так и труд торговых служащих. Однако здесь прямо указано, что только лишь купцу представляется, будто его затраты и занятый им труд—производительны, на самом же деле они—непроизводительны. Маркс тем и отличается от вульгарных экономистов, что он исследовал экономические явления не с точки зрения индивидуального капиталиста, а с точки зрения всего общественного капитала. Говоря про услуги, он уже не указывает, что только лишь предпринимателю кажется, что они производительны. В I томе «Капитала», где Маркс определяет производительный труд как труд, создающий прибавочную стоимость, он это положение как раз иллюстрирует примером школьного учителя, специально отмечая, что отношения не изменятся, если вместо фабрики для обучения мы возьмем колбасную фабрику. Подобный взгляд Маркс высказывает в нескольких местах. Сопоставляя труд наемного артиста или клоуна с трудом портного, работающего на дому, Маркс отмечает: «Первый производит прибавочную стоимость, при втором потребляется доход»⁷. В другом месте Маркс пишет: «Певица, продающая свое пение на свой собственный риск,—непроизводительный работник. Но та же самая певица, приглашенная антрепренером, который заставляет ее петь для того, чтобы выручить деньги,—производительный работник, так как она производит капитал»⁸.

Здесь уже имеются прямые указания Маркса, что услуги создают не просто прибыль для капиталиста, но они создают прибавочную стоимость, капитал, чего он никогда не говорит про рабочих, занятых в обращении. Но, может быть, эти замечания Маркса о том, что труд, занятый в нематериальном производстве, создает прибавочную стоимость и капитал, не соответствуют тем общим воззрениям, которые Маркс развивал по разбираемому вопросу? Стоит лишь внимательно проследить всю пространную полемику, которую Маркс ведет со Смитом на страницах I тома «Теорий», чтобы убедиться, что эти замечания полностью соответствуют всей совокупности его взглядов на производительный труд. Маркс неоднократно упрекает Смита в том, что последний ввел принципиальное различие между товарами «длительно существующими» и услугами, «моментально погибающими». Смит устанавливает такое же различие между товарами и услугами, какое монетарная система делала между золотом и серебром с одной стороны, и другими товарами с другой»⁹.

Маркс неоднократно напоминает, что услуги, которые Смит считал непроизводительными, исходя из своего второго определения производительного труда, на самом деле производительны с точки зрения его первого определения производительного труда как труда, создающего капитал (а не прибыль для капиталиста), хотя Маркс ни в коем случае не считал, что с этой же точки зрения производительен и труд торговых служащих, ибо последний прибавочной стоимости, капитала, не создает. Все эти обстоятельства понуждают Б. Кофмана и других признать марксово определение производительного труда как труда, создающего при-

⁷ «Теории», т. I, с. 167, 168.

⁸ «Теории», т. I, с. 273.

⁹ «Теории», т. I, с. 183.

бавочную стоимость, капитал, односторонним, формальным и включить в это определение вещественный, натуралистический момент.

Итак, с точки зрения простого процесса труда Маркс назвал производительным всякий труд, создающий потребительную стоимость. В капиталистическом производстве Маркс назвал производительным всякий труд, создающий прибавочную стоимость. Это последнее определение целиком и полностью характеризует производительный труд при капитализме, поскольку условием для создания прибавочной стоимости является производство потребительной стоимости. Никакого третьего «синтетического» определения производительного труда Маркс не давал, это определение есть голая выдумка экономистов, которые считают, будто сущность экономических категорий полностью еще не характеризуется теми производственными отношениями, которые они выражают.

Из сказанного следует, что если со стороны общественной формы производительный труд представляет «специфически общественное, исторически возникшее производственное отношение, делающее рабочего непосредственным орудием возрастания капитала» (Маркс), то со стороны материального содержания, со стороны простого процесса труда как потребления рабочей силы, он представляет лишь труд, создающий потребительную стоимость. Но только механист в области политической экономии может представить такое положение, когда труд производительен с точки зрения общественной формы, с точки зрения создаваемых им производственных отношений, и в то же время он непродизводительен с точки зрения материального содержания процесса труда¹⁰. Труд торговых служащих не относится к производительному не только с точки зрения материального содержания, но и с точки зрения общественной формы труда, ибо он как раз не создает отношения, «делающего рабочего непосредственным орудием возрастания капитала», а только способствует передаче уже созданного капитала от одной группы капиталистов к другой. В том-то и заключается механистичность Б. Кофмана, что он считает, будто труд может быть производителен со стороны общественной формы, т. е. с точки зрения создаваемых им общественных отношений, и в то же время непродизводительным со стороны материального содержания процесса труда.

В связи с анализом природы нематериального производства, правда, возникает целый ряд затруднений. Если Маркс в качестве признаков производительного труда устанавливает создание потребительной стоимости и прибавочной стоимости и в то же время относит труд, занятый в нематериальном производстве, к производительному, то спрашивается: 1) могут ли услуги создать потребительную стоимость, не соз-

¹⁰ Следует отметить, что у П. Рубина в его «Очерках» встречаются формулировки, которые могут дать повод для неясностей. Он указывает, что Маркс «рассматривает труд только со стороны его общественной формы», что он совершенно отвлекается от его содержания, от конкретного, полезного характера и результата труда.

Что Маркс при определении производительного труда исходит не из результата, из конкретного содержания труда—это верно, по верно и то, что производительный труд обзатель по должен иметь непосредственное отношение к созданию потребительных стоимостей, иначе он относится за пределы производства, и хотя бы он в этом случае был капиталистически организован, он будет непродизводительен. В I томе «Капитала» Маркс пишет, что отношение между деятельностью рабочего и ее полезным эффектом «включает в себя также специфическое, исторически возникшее производственное отношение», следовательно, определенное отношение рабочего к продукту его труда (создание потребительной стоимости) вовсе не исключается из понятия производительного труда. Наоборот, оно является необходимым условием для того, чтобы труд стал производительным.

давая вещи; 2) если допустить, что они создают стоимость и прибавочную стоимость, не создавая вещи, то не противоречит ли это теории товарного фетишизма, поскольку нет налицо вещи, в которой стоимость и прибавочная стоимость могли бы найти свое выражение? Именно вокруг этих вопросов вращаются современные споры о производительном труде, поэтому остановимся на них подробнее.

Прежде всего следует отметить, что всю систему капиталистического производства, где занят производительный капитал, Маркс разделил на две части—на материальное и нематериальное производство. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс дает подробную характеристику нематериального производства. Здесь «производство не отделимо от производительного акта, как это имеет место у всех художников, исполнителей, у актеров, учителей, врачей, попов и т. д. Капиталистический способ производства и здесь находит применение только в небольшом объеме и по самой природе вещей может применяться только в некоторых сферах. Например учителя могут быть в учебных заведениях простыми наемными рабочими для предпринимателя заведения; подобного рода образовательные фабрики и существуют в Англии»¹¹.

Мы видим, что Маркс здесь говорит о капиталистическом способе производства, проникающем в среду нематериального производства, как и в I томе «Капитала» он говорит об «образовательных фабриках», употребляя это необычное название, чтобы резко подчеркнуть, что речь идет о предпрятии, которое не находится за пределами хозяйственных явлений, и при этом о предпрятии, относящемся к области производства, а не к области обращения¹².

Мы уже отмечали, что условием для производства стоимости и прибавочной стоимости является производство потребительной стоимости, следовательно, для того, чтобы судить, относятся ли «услуги» к области производства или же к области обмена и потребления уже произведенных продуктов, мы должны между прочим установить, какое они имеют отношение к созданию потребительных стоимостей. Критикуемая нами теория исходит из того ошибочного положения, будто потребительная стоимость может выражаться лишь в вещи и будто услуга не может представлять потребительной стоимости. На самом же деле человеческие потребности могут удовлетворяться не только материальными продуктами. Правда, у Маркса встречаются выражения, что потребительные стоимости создаются путем приспособления природного вещества к человеческим потребностям и что потребительная стоимость выражается в вещи, но из этого ошибочно делается вывод, будто Маркс ограничил потребительные стоимости исключительно лишь материальным продуктом. Такой вывод мы могли бы сделать, если у Маркса не встречались бы прямые указания на то, что потребительная стоимость не должна быть обязательно осязаемой, что и услуги могут пред-

¹¹ «Теория», т. I, с. 277. Для того, чтобы опорочить это место из Маркса, указывают на то, что здесь среди других профессий нематериального производства указаны и попы. Но Маркс тут же прибавляет, что капиталистический способ производства «по самой природе вещей может применяться только в некоторых сферах», приводя пример с «образовательными фабриками».

¹² Тов. Р. Вайсберг пытается объяснить, что Маркс употребил слова «нематериальное производство» примерно в таком же смысле, как мы употребляем слова судопроизводство и делопроизводство. Эта «лингвистика» слишком наивна, чтобы на ней останавливаться (см. «Плановое хозяйство» № 11 за 1928 г.).

ставлять потребительную стоимость: «известного рода услуги или потребительные ценности, результаты известных видов деятельности или труда, воплощаются в товарах, другие же, напротив, не оставляют осязательных отдельных от их исполнителей результатов... Так, напр., услуга, оказываемая мне певцом, удовлетворяет мою эстетическую потребность; но предмет моего наслаждения существует в виде неотделимой от личности певца деятельности, и как только прекращается работа этого последнего, т. е. пение, прекращается и мое наслаждение; я наслаждаюсь самой деятельностью—ее отражением в моих ушах»¹³.

Выше мы привели место, где Маркс говорит, что певца «производит капитал»; теперь Маркс услугу певца называет потребительной ценностью, следовательно, он приписывает определенному роду услуг те оба признака, которые он в I томе «Капитала» установил для категории производительного труда. О том, что Маркс считал услуги способными создавать потребительные стоимости и относил их к области производства, чрезвычайно ярко свидетельствует также его характеристика пассажирского транспорта. Перевозка людей есть простая услуга, здесь вообще предприниматель не имеет дела с материальным продуктом: «По отношению к транспорту людей это (перемена места) является только услугой, выполняемой для них предпринимателем. Но отношение между покупателем и продавцом этой услуги имеет так же мало общего с отношением производительных рабочих к капиталу, как и отношение между продавцом и покупателем пряжи»¹⁴.

Пассажирский транспорт отличается от транспорта товаров тем, что он вообще не имеет дела с материальным продуктом, здесь «потребляется самый процесс производства», но все же транспортная услуга создает потребительную стоимость, пассажирский транспорт вовсе не относится за пределы хозяйственных явлений.

Против отнесения услуг к производительному труду может быть выдвинуто второе, более серьезное возражение. Если мы допускаем, что труд, занятый в нематериальном производстве, создает стоимость и капитал, то не допускаем ли мы вместе с этим, что отношения стоимости к прибавочной стоимости могут выступать без овеществления, «в чистом виде», не противоречит ли это теории товарного фетишизма?

В нематериальном производстве, действительно, не создаются материальные продукты, но следует ли из этого, что в подобных случаях производственные отношения между производителями не овеществляются? Стоит поглубже вникнуть в сущность отношений, порождаемых в области нематериального производства, и мы увидим, что отношения между производителями услуг и товаропроизводителями осуществляются вовсе не в чистом виде, не непосредственно, а через деньги. Без подобного овеществления производственных отношений не мыслима связь между производителями в капиталистическом обществе. Так как в нематериальном производстве продукт потребляется в процессе его производства, то и стоимость исчезает в это же время. Если бы в данном случае допустили существование стоимости после процесса производства, мы вступили бы в противоречие со всей теорией Маркса. Однако то, что продукт труда и стоимость не могут быть отделены от производства и не могут существовать длительно, еще не означает, что в нематериальном

¹³ «Теория», т. I, с. 275.

¹⁴ Там же, т. I, с. 278.

производстве вообще никакого продукта и стоимости не создается. Продукт потребляется в процессе производства, но все же он выполнил определенную общественную функцию; стоимость исчезает в процессе производства, но все же она выразила определенные общественные отношения между производителем услуги и другими производителями. Словом, прежде, чем исчезнуть, продукт и стоимость должны быть произведены.

То обстоятельство, что, например, певица не создает отделимого от нее продукта, имеет значение не для характера социального типа производства, а для характера потребления продукта ее труда; здесь потребляется, выражаясь словами Маркса, «самый процесс производства». Но характер потребления продукта не имеет значения для определения производительного труда, здесь имеют значение те производственные отношения, которые создаются в процессе производства продукта. Поэтому, вложит ли предприниматель свой капитал «в фабрику для обучения или в колбасную фабрику, от этого рассматриваемое отношение нисколько не изменяется» (Маркс). Словом, в рассматриваемом случае своеобразный характер принимают не отношения между капиталистом и производительным работником, а отношения между продавцом и покупателем (потребителем) продукта труда. Но тут можно лишь повторить слова Маркса, сказанные им по поводу услуг, оказываемых на пассажирском транспорте: «отношение между покупателем и продавцом этой услуги имеет так же мало общего с отношением производительных рабочих к капиталу, как и отношение между продавцом и покупателем пряжи»¹⁵.

Ошибочно предположение, будто Маркс здесь все еще стоит на точке зрения индивидуального капиталиста, т. е. на точке зрения вуль-

¹⁵ «Теория», т. 1, с. 278. Здесь важно отметить, что и потребительная стоимость в известном смысле является исторической категорией, а именно в том смысле, что сами человеческие потребности меняются в процессе исторического развития. В буржуазном обществе существуют потребности, которые исчезнут в организованном обществе, следовательно, исчезнут и соответствующие отрасли производства.

Общественная полезность потребительной стоимости не имеет непосредственного отношения к характеристике производительного труда. Так, например, производство церковной утвари или водки для общества является вредным, однако с точки зрения капитала труд, занятый в этих отраслях производства, производителен, ибо он создает стоимость и капитал.

Какова бы ни была нравственная сторона некоторых потребностей буржуазного общества,—все равно, раз эти потребности существуют, имеется налицо и предпосылка для приложения производительного капитала. И если Маркс отнес к категории производительных работников даже проституток, то этим как раз характеризуется величайшая последовательность его мышления. В связи с этим следует отметить, что в «Критике гегелевской философии права» Маркс, говоря об отношении к женщине, пишет: «В этом отношении обнаруживается также, насколько потребность человека стала человеческой потребностью, т. е. насколько другой человек стал для него, как человек, потребностью» (разрядка Маркса).

Маркс говорит, что наряду с различными вещами сам человек становится предметом удовлетворения человеческих потребностей, т. е. своеобразной «потребительной стоимостью», и что приравнивание естественной потребности в пище к естественной потребности в женщине свидетельствует о низком уровне человека. Но капитал не гнушается формальной стороны этой потребности, он идет туда, где можно получить прибыль. И в этом случае женщина не только продает себя как вещь, как потребительную стоимость, она еще становится орудием возрастания капитала, она, с точки зрения капитала, становится просто производительным работником. Цинизм буржуазной морали в данном случае заключается именно в том, что позор женщины является предпосылкой для возникновения обычного для капитализма экономического отношения, а именно, отношения, делающего человека орудием возрастания капитала.

гарных экономистов, Когда он берет не «фабрику для обучения» и не колбасную фабрику, а контору купца, то уже рассматриваемые производственные отношения резко меняются, здесь уже не создается прибавочной стоимости и капитала. В. Кофман лишь обнаружил свое собственное непонимание отношения между формой и содержанием, когда считал, что с точки зрения общественной формы труда, т. е. с точки зрения создаваемых им производственных отношений нет разницы между фабричным рабочим и приказчиком, что разница обнаруживается лишь со стороны материального содержания труда, вследствие чего он выдвигает свое «синтетическое» определение производительного труда. В. Кофман смешал внешнюю, поверхностную форму отношений между рабочим и капиталистом в торговом предприятии с общественной формой труда или теми производственными отношениями, которые создаются наемным трудом при капитализме. Если бы он понятие формы труда не ограничил этими внешними отношениями, он увидел бы, что для различной характеристики рабочих, занятых в производстве и в торговле, вовсе не нужен тот критерий, который он выдвигает, а именно, создание вещи, материального продукта. Мы ведь прекрасно знаем, что Маркс исходил не из этого критерия, когда доказывал непроизводительность торговых служащих.

Здесь важно понять, что сама услуга представляет тот продукт, стоимость которого выступает в качестве эквивалента за уплачиваемые деньги, тогда как в процессе обращения в качестве эквивалента выступает не стоимость продукта приказчика, бухгалтера, кассира и др., а стоимость, созданная в промышленности. За результат труда певицы уплачивается определенная, каким-то образом установленная сумма денег, определенное количество овеществленного абстрактного труда,—следовательно, этот результат приравнивается к результатам труда товаро-производителей; труд певицы выступает уже не только как конкретный, но и как абстрактный труд, как труд, создающий стоимость¹⁶.

Это положение может показаться бессодержательным лишь для тех, кто привык считать, будто стоимость, прибавочная стоимость и капитал суть не только производственные отношения, но и вещи. Подобная точка зрения не имеет ничего общего с марксизмом. Все эти категории представляют только производственные отношения людей, которые лишь проявляются, выражаются, обнаруживаются через продукты труда. Стоимость например есть то общественное отношение товарного производ-

¹⁶ Этим опровергается мнение тех, кто считает, будто капитал, занятый в нематериальном производстве, наравне с торговым капиталом «живет» за счет прибавочной стоимости, созданной в материальном производстве, так как он не создает более или менее длительно существующего продукта, тогда как капиталист на получаемую прибыль и работники на получаемое вознаграждение такими продуктами пользуются. Но с таким же успехом можно было бы сказать, что производитель, напр., скоропортящихся продуктов отчасти живет за счет прибавочной стоимости, произведенной в других отраслях хозяйства, поскольку он пользуется продуктами «длительно существующими», тогда как его продукт должен быть потреблен тут же после процесса производства, следовательно, результат его труда давно уже не существует, когда он потребляет продукты других товаропроизводителей. К такой, по существу точке зрения склонялся А. Смит, вводя понятия «длительно существующего» и «моментально погибающего» продукта, раскритикованные Марксом. С точки зрения Смита вышло, что наиболее производительен труд, который создает самые долговечные предметы. Между тем в продукте, который по своей природе существует совсем недолго, может быть воплощено несравненно больше стоимости и прибавочной стоимости, чем в продукте, который существует в течение десятилетий.

ства, благодаря которому продукт частного труда приобретает общественный характер, характер обмениваемости, благодаря которому индивидуальный частный труд выступает как часть совокупного общественного труда. То обстоятельство, что услуги могут обмениваться на продукты труда других производителей, показывает, что самая услуга выступает не просто как результат человеческого труда, но как результат общественного труда, т. е. как стоимость, ибо общественный характер труда при капитализме может проявиться только лишь через стоимость продукта труда. Эта стоимость не может быть сохранена, она погибает в самом процессе ее создания, так как стоимость вообще исчезает в процессе уничтожения потребительной стоимости, но все же прежде чем исчезнуть она должна быть создана. Создаваемая прибавочная стоимость также выражается в продукте, который потребляется в процессе производства, но все же и она выражается в каком-то продукте труда. В этом заключается принципиальное отличие капитала, занятого в обращении, — различие, которого не могут усвоить представители натуралистического толкования производительного труда.

Между материальным и нематериальным производством все же существует огромная, принципиальная разница. Услуги могут удовлетворять или индивидуальные потребности, или же могут способствовать воспроизводству квалифицированной рабочей силы; они могут быть реализованы, как и другие продукты, на заработную плату рабочих, но они не могут создавать средств производства, они не могут создавать вещественных элементов производительного капитала.

Для капиталистического производства несравненно важнее труд, создающий средства производства, ибо капитал может существовать только благодаря отделению продукта труда от его производителя. Это значит, что капиталистическая система покоится на определенной форме материального производства; нематериальное же производство является второстепенной сферой приложения производительного капитала. Отсюда следует, что характер «духовного» производства определяется характером материального производства. «Чтобы исследовать связь между духовным и материальным производством, — пишет Энгельс в «Анти-Дюринге» — прежде всего необходимо рассматривать это последнее не как общую категорию, а в его определенной исторической форме. Так например капитализму соответствует другая форма духовного производства, чем средневековому способу производства. Если само материальное производство берется не в его специфической форме, то нет возможности понять и специфические черты соответствующего ему духовного производства, а также их взаимоотношение».

Эту подчиненность нематериального производства материальному мы должны подчеркнуть, но мы в то же время должны возражать против попыток ограничения всей системы общественного производства одним лишь производством материального продукта.

Различие между материальным и нематериальным производством имеет значение также при теоретическом анализе капиталистического хозяйства. Поскольку в нематериальном производстве продукт и стоимость не существуют отдельно от процесса производства, они не могут быть приняты во внимание во всех тех случаях, когда мы рассматриваем товарную форму капитала. Однако ошибочно мнение, будто они

не могут найти отражения в схемах воспроизводства капитала. Известно, что для воспроизводства капитала требуется определенное соотношение между отраслями, производящими средства производства, и отраслями производящими средства потребления, что последних должно быть достаточно для реализации v и m (частично). Но ведь $v + m$ реализуются не только на продукты материального производства, а в значительной мере также на продукты нематериального производства. Поскольку на производство последних затрачивается труд и капитал, они должны в схеме воспроизводства капитала (во II подразделении) найти стоимостное выражение. В противном случае мы игнорируем целую отрасль производства, где занят производительный капитал, который ведь тоже воспроизводится. Маркс, как мы увидим ниже, обычно оставлял без внимания производительный капитал, занятый в нематериальном производстве вследствие его крайне незначительной роли в общем процессе капиталистического производства ¹⁷.

В связи с тем, что мы говорили о производительном труде, стоит вопрос о характеристике классов. Может показаться, что относя услуги к производительному труду, мы тем самым стираем классовые грани между фабричным пролетариатом и интеллигенцией, мы тем самым объединяем их в один класс ¹⁸. Такое предположение однако является ошибочным. В самом деле, если даже считать производительным только лишь труд, создающий материальный продукт, то и в этом случае принимается во внимание не только класс наемных пролетариев, но и вся техническая интеллигенция, весь административно-технический аппарат, который входит в систему производства материального продукта. Это вовсе не значит, что мы интеллигенцию, административно-технический персонал завода или треста объединяем в один класс с наемными рабочими. Мы объединяем весь наемный труд, занятый в капиталистическом производстве, как производительный труд по тому общему признаку, что он воспроизводит определенное общественное отношение, делающее его орудием возрастания капитала, но из всей массы производительных работников мы должны выделить особо класс пролетариев, рабочих физического труда, играющих особую социальную роль в обществе.

Мы видели, что согласно методологии Б. Кофмана выходит, будто Маркс в IV томе «Капитала» дал, в сущности, два определения производительного труда, которые, взятые сами по себе, оба односторонни, неправильны, что единственно правильным является так называемое «синтетическое» определение производительного труда, которое Кофман нашел в «Теориях прибавочной стоимости». Нет надобности критически разбирать все те операции, которые автор проделывает над текстом Маркса на протяжении всей своей книги, но мы считаем необходимым

¹⁷ Если мы возьмем абстрактный, гипотетический пример, когда человеческие потребности удовлетворяются только продуктами, потребляемыми в самом процессе производства, то капиталистический способ производства и в таком случае мог бы существовать, если для производства этих продуктов требовались бы крупные средства производства. Но неправильно полагать, что в этом случае капиталистическое производство ограничилось бы исключительно только производством средств производства. На самом же деле и в области производства средств потребления были бы заняты производительный капитал и производительный труд, хотя бы он не создавал продукта, отделяющегося от процесса производства. Но само господство капиталистической системы основывалось бы на процессе материального производства.

¹⁸ См. Б. Кофман, цит. соч., с. 59.

остановиться на одной решающей цитате из Маркса, в которой обычно усматривается это «синтетическое» определение производительного труда.

Говоря о нематериальном производстве, Маркс указывает, что «капиталистический способ производства и здесь находит применение только в небольшом объеме и может применяться только в некоторых сферах»¹⁹. «Все эти проявления капиталистического производства в этой области так незначительны по сравнению со всей совокупностью производства, что могут быть оставлены совершенно без внимания»²⁰. Совсем иную картину мы наблюдаем в материальном производстве. Здесь мы приближаемся к тому пределу (limit), когда «все рабочие, занятые в производстве товаров, являются наемными рабочими, а средства производства во всех отраслях противостоят им как капитал. А в таком случае можно признать характерным для производительных рабочих, т. е. для рабочих, производящих капитал, что их труд реализуется в товарах, в материальном богатстве»²¹. Таким образом Маркс опять со всей ясностью указывает, что и в нематериальное производство проникает производительный капитал, что и здесь находит применение «капиталистический способ производства». Маркс говорит о «проявлениях капиталистического производства в этой области» и этим еще резче подчеркивается истинный смысл его известного примера о производительности школьного учителя, приведенного в I томе «Капитала». Но в то же время Маркс отмечает тот общеизвестный факт, что экспансия производительного капитала в сфере нематериального производства ограничена, что здесь он находит применение только в небольшом объеме и что поэтому «эти проявления капиталистического производства ... могут быть оставлены совершенно без внимания».

В. Кофман приходит к совершенно иным выводам. Он утверждает, что Маркс оставляет без внимания услуги именно потому, что они относятся за пределы производства, и вообще за пределы хозяйственных явлений, что они непроизводительны по своей природе потому, что не создают вещей, что в нематериальном производстве вообще не может быть занят производительный капитал, а Р. Байсберг к этому еще добавляет, что, собственно, само выражение «нематериальное производство» употребляется в таком же примерно смысле, как слова дело производство, судопроизводство и т. д. Правильно, что побочной характерной чертой производительного труда при капитализме становится то обстоятельство, что труд воплощается в товарах, поскольку подавляющая масса производительного труда занята в сфере материального производства. Но совершенно очевидно, что тот метод, с которым В. Кофман подошел к этому положению, и те выводы, которые он из него сделал, коренным образом расходятся с методом и выводами Маркса.

Подведем итоги. Ошибки В. Кофмана при изложении марксовской теории производительного труда сводятся в основном к следующему.

1. В. Кофман считает, что необходимым моментом в диалектическом развитии понятия производительного труда является определение его как труда, создающего прибыль для индивидуального капиталиста. Мы показали, что Маркс никогда не исходил из такой, по существу, вульгарной точки зрения, он определял производительный труд (при капитализме) как труд, создающий прибавочную стоимость.

¹⁹ «Теория», т. I, с. 277.

²⁰ Там же, с. 277.

²¹ Там же.

2. Б. Кофман обнаружил непонимание соотношения между общественной формой и материальным содержанием труда, считая, что труд может быть производителен с точки зрения общественной формы, т. е. с точки зрения создаваемых им производственных отношений, и в то же время непроизводителен с точки зрения материального содержания процесса труда. В действительности же оба эти момента диалектически сочетаются в понятии производительного труда.

3. При анализе общественной формы труда Б. Кофман исходит из чисто внешних, формальных отношений между рабочим и капиталистом, вследствие чего он не видит с этой стороны разницы между рабочим, занятым в производстве и в обращении. Он полагает, что эта разница обнаруживается лишь при анализе вещественного результата труда (содержания). Мы показали, что труд в области производства и обращения различается не только с точки зрения материального содержания, но главным образом с точки зрения создаваемых им производственных отношений и что Маркс для доказательства непроизводительности труда, занятого в обращении, вовсе не исходил из анализа вещественного результата труда²².

4. Б. Кофман сводит понятие материального содержания труда к материальному продукту, им создаваемому. Мы показали, что Маркс видел содержание простого процесса труда в производимой им потребительной стоимости, отнюдь не считая, что последняя должна быть обязательно осязаема, т. е. должна выражаться в вещи. С этой точки зрения и нематериальное производство есть также материальный процесс, имеет определенное материальное содержание, хотя в нем не производятся вещи.

5. Ошибки Б. Кофмана вытекают из того методологически ошибочного исходного положения, будто сущность экономических категорий полностью еще не может быть охарактеризована анализом тех производственных отношений, которые ими выражаются. В этом заключается механистический, натуралистический характер его концепции.

²² И. Рубин в 1-ом издании своих «Очерков» допустил, в сущности, такую же ошибку. Установив сначала, что Маркс при определении производительного труда исходит из его общественной формы, он возражает против исключения торговых служащих из числа производительных рабочих. Рубин полагал (как это делает теперь Кофман и др.), что со стороны общественной формы, т. е. со стороны создаваемых общественных отношений, нет разницы между трудом, занятым в обращении и в производстве.

МОРИС ДОББ, ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Авторизированный перевод с английского под редакцией и с предисловием И. И. Рубина. Гиз. М.—Л. 1929. с. 238, ц. 1 р. 10 к.

Энгельс как-то однажды заметил, что экономическая история находится еще в пеленках. Само собой разумеется, Энгельс этим не думал сказать, что по истории экономического развития вообще мало сделано. Мысль Энгельса заключается в том, что сделано мало в научном смысле.

Марксистской мысли, вечно занятой вопросами текущей борьбы, не оставалось времени для разработки проблем экономической истории. Единственной работой в этой области была и остается пока только работа В. И. Ленина. Работы Зомбарта, хотя и представляют некоторый интерес и немного отличаются от обычных произведений буржуазных ученых, все же остаются в своей основе буржуазными, а не марксистскими работами. Совершенно понятен поэтому тот интерес, который должен вызвать у нашего читателя выход в свет марксистской работы по экономической истории. Очевидно, имея это в виду, Госиздат и выпустил перевод книжки Добба о возникновении и развитии капитализма. Рецензируемая работа представляет собою часть более обширного теоретического труда, опубликованного автором в 1925 г. в Лондоне под заглавием «Capitalistic enterprise and social progress». Работу эту Морис Добб написал для представления в качестве диссертации на предмет получения степени доктора философии в Лондонском университете. Для советского издания автор исправил лишь последнюю, десятую, главу, которая, по его мнению, особенно страдала недостатками с марксистской точки зрения вследствие того, что книга должна была удовлетворять «академическим» требованиям.

Работа Добба представляет собою не теоретическое исследование, — теоретический момент в ней совершенно отсутствует, — а историческое описание процесса возникновения и развития капитализма в Англии и континентальной Западной Европе. Большую часть своего внимания автор уделяет первым шагам капиталистического развития. В I—VIII главах Добб рассматривает период, предшествовавший промышленному перевороту, и только в последних двух главах — XIX и XX века.

Маркс указывает, что возникновение капитализма имеет две стороны. «Одна сторона того исторического процесса, который превращает производителя в наемного рабочего, заключается в освобождении производителя от феодального и цехового принуждения; и только эта одна сторона существует для на-

ших буржуазных историков. Но имеется и другая сторона, состоящая в том, что освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями. И история этой их экспроприации вписана в летописи человечества пламенеющим огнем меча и огня¹.

Добб именует себя марксистом, поэтому любопытно проследить, как он реализует идею Маркса в своей работе. Добб довольно подробно исследует возникновение городов, борьбу между купеческими гильдиями с одной стороны, и феодальными и церковными властями — с другой, за контроль над рынком, развитие городской монополии и еще многое другое. Добб даже написал специальную главу о возникновении наемного труда, но все же историю экспроприации производителей — эту важнейшую сторону возникновения капитализма — он фактически, подобно буржуазным историкам, оставил за бортом. Добб не только не освещает в должной мере процесс насильственного изгнания крестьян с их земель, но даже такие моменты, как методы первоначального накопления, он почти целиком оставляет в тени.

Маркс, как известно, дал совершенно исключительную по своей силе и яркости теорию возникновения капитализма. Добб по существу не придерживается марксовой теории. Но он ее и не опровергает. Теория Маркса для него как будто не существует. За исключением нескольких ссылок в примечаниях Маркс, как это ни странно, в его работе совсем не упоминается. Замалчивает Добб также работу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»; она не фигурирует даже в ссылках. Точно также, касаясь возникновения капитализма в России, Добб предпочитает цитировать и ссылаться на такие исследования как N. L. Stone, Margaret Miller, совершенно игнорируя Ленина. Зато наш автор бесконечно цитирует и ссылается на Маршалла, Шмоллера и других буржуазных ученых.

Очевидно, стремление получить «докторскую» степень в буржуазном университете для этого теоретически образованного марксиста имело большее значение, чем действительно марксистское освещение вопроса.

В своем предисловии Добб обращает внимание читателя на те пункты, которые, по его мнению, он выдвигает «впервые».

Эти пункты весьма характерны и на них стоит остановиться.

Первый пункт таков: «... до сих пор, — говорит Добб, — было общепринятым мнением, что переломным периодом буржуазной революции в Англии является XVII век; девятнадцатый же век лишь завершил эту революцию». «Эта формула, — по мнению Добба, — слишком упрощает дело. Одной из самых важных фаз борьбы против феодализма является борьба городов за местное самоуправление в XIV и XV вв.». «События, происшедшие в XVII в., представляют собой борьбу новых слоев буржуазии против тудоровской аристократии; ставшей к тому времени консервативной». А в начале XIX в. шла борьба ланкаширских «высочек» против виговской аристократии (см. с. 6—7).

Напрасно Добб не дал себе труда ознакомиться с тем, что Маркс говорит по этому поводу. Маркс, как известно, относит начало переворота к последней трети XV века и первым десятилетиям XVI века. Между тем расхождение в датах в данном случае выражает, несомненно, расхождение в принципе исследования.

Второй пункт: «Я, — говорит Добб, — подчеркнул значение монополий, приобретенных гильдиями и коммерческими компаниями, в качестве важной формы «первоначального накопления» (с. 7).

Надо быть не только не марксистом, но просто незнакомым с работами Маркса, чтобы выступить с подобным утверждением. «Gesellshaften-Monopolia

¹ Маркс, Капитал, т. I, изд. 1920 г., с. 737. Разрядка моя.—А. Х.

(«Общества монополии» — выражение Лютера), — писал Маркс, — были мощными рычагами и концентрации капитала»².

Третий пункт: «Я полагаю, — пишет Дobb, — что существует известная параллель между экономическим положением Англии в XIV в., ее отношением к Фландрии и Ганзе, с последующим усилением английского национализма в XV в., и между положением современных полукOLONиальных стран. Так, например, существует параллель между «Стальным двором» и современными договорными гаванями и капитуляциями, между отношением государства к иностранным ломбардским кредиторам или к Фрескобальди и отношением правительств современных аграрных стран к финансовым синдикатам Лондона и Нью-Йорка» (с. 7).

Какой смысл в этой параллели? Разве эта параллель способствует выяснению особенностей современной эпохи? Напротив, она бесспорно затушевывает специфичность монополистического капитализма. Дobbу, повидимому, все же знакомому с работами Ленина, не следовало хотя бы перед советским читателем это свое «открытие» выставлять напоказ.

Четвертый пункт: «Я, — говорит Дobb, — обратил особое внимание на положение капиталистического производства в домануфактурный период, когда отношения между работодателями и рабочими уже приняли в полне современную форму, за исключением того обстоятельства, что рабочие в производстве еще не составляли придатка к машине» (с. 7—8)³.

Самомнению автора нет границ. Как известно, В. И. Ленин в своих работах обратил сугубое внимание на положение капиталистического производства в домануфактурный период, а до него на эту форму производства с неподдающейся сомнению ясностью, указал Маркс.

Все же некоторые основания для своего утверждения Дobb имеет. Эти основания покажутся на его своеобразном понимании общественно-экономических систем.

Маркс, как известно, систему домашне-капиталистического производства считал ублюдочной формой, в которой «капитал еще не овладел непосредственно процессом труда»⁴. Исторически и логически исходным пунктом капиталистического способа производства, по мнению Маркса, был «совместный труд значительного числа рабочих, объединенных в одном и том же помещении для производства одного и того же сорта товаров, под руководством одного и того же капиталиста»⁵. Машинное производство является только стадией капитализма, но эта стадия отличается от других тем, что подчинение труда капиталу имеет уже не только формальный характер, но также и реальный.

Иначе представляет себе этот вопрос М. Дobb. По его мнению, домашняя промышленность или раздаточная система — это «полное развитие капиталистического производства с тем только отличием, что рабочих не собирали в одно фабричное помещение для работы под надзором надсмотрщика-предпринимателя» (с. 163. Разрядка моя—А. Х.)

Правда, Дobb все же проводит различие между домашней формой промышленности и машинной. Особенность домашнего производства он видит в том, что она «не позволяла разделению труда переходить за определенные границы», кроме того, она «вела также к введению посредника между предпринимателем и его рабочим в лице мелкого мастера» (с. 163).

² Маркс, Капитал, т. I, с. 777. Разрядка моя—А. Х.

³ Разрядка моя—А. Х.

⁴ «Капитал», т. I, с. 512.

⁵ «Капитал», с. 309. Разрядка моя—А. Х.

Маркс, Энгельс и Ленин неизменно подчеркивали громадное значение введения в производство машин. Последнее, по мнению Энгельса, имело своим результатом быстрый рост пролетариата, исчезновение у рабочего класса всякого имущества, всякой уверенности в заработке, деморализацию, политические волнения и т. п. Прялка Дженнп, утверждает Энгельс, вызвала «переворот в общественных отношениях низших классов». Одним из результатов употребления машин, по мысли Маркса, было усиленное применение женского и детского труда, увеличение экстенсивности и, особенно, интенсивности труда. Добб всего этого не видит, для него домашняя промышленность знаменует полное развитие капиталистического производства. У Маркса фабрика — это мастерская, построенная на машинном производстве, у Добба же фабрика — просто мастерская, которая отличается от домашнего производства лишь тем, что самое производство сосредоточено в одном месте, — не более.

Игнорирование материальной основы капиталистического производства проходит красной нитью по всему исследованию Добба. Взять хотя бы вопрос о промышленной революции. Казалось бы, что этот вопрос нельзя ставить без освещения технической революции. Добб однако и здесь последовательно выдерживает свой принцип. Во всей книге он ухитрился о промышленной революции сказать всего пару слов, и ничего не сказать о развитии машин, т. е. о самой основе промышленной революции, как таковой. Отсюда вытекает и его общее отрицание значения промышленной революции. «Она (промышленная революция — А. Х.), — говорит Добб, — отнюдь не была началом современного капитализма и не представляла собой небывалой перемены, какую еще недавно историки (!) склонны были считать ее» (с. 164).

Мы не имеем возможности здесь останавливаться на всех перлах книги М. Добба, которыми она чрезвычайно изобилует. Местами автор правильно подходит к пониманию явлений. Кое-где он заговаривает даже революционным языком, особенно в той главе, которая переработана для советского издания.

Несмотря на все это, работа в целом — не марксистская. Если это и «марксизм», то только с эпитетом «легальный».

История капитала в книжке Добба выглядит далеко не историей насилия и грабежа, крови и грязи, каковой она в действительности является. Развитие капитализма Добб рисует без всяких катаклизмов и переворотов. И если благодаря этим качествам книга вполне удовлетворяет требованиям Лондонского университета, то по тем же причинам (несмотря на переделку последней главы) она несколько не удовлетворяет требованиям советского читателя.

Учитывая крайнюю бедность нашего рынка в литературе по экономической истории, перевести и издать работу Добба, может быть, и следовало, но нужно было бы в таком случае препроводить ее подлинно марксистским предисловием. Предисловие же Рубина этому требованию не отвечает. Рубин, как это ни странно, рекомендует Добба как одного из немногочисленных в Англии теоретически образованных марксистов (с. 3), и достоинство книги он видит «в умелом применении марксистского метода исследования» (с. 4).

Читателю предоставляется судить, насколько правильна и полезна такая оценка.

А. Холмянский

ОТХОД СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ЗАРАБОТКИ В СССР в 1926/27 году

Народный комиссариат труда СССР, статотдел, изд. «Вопросы труда», 1929, с. 167, ц. 3 р.

СССР—единственная страна, планирующая движение рабочей силы. Вместе с тем СССР—единственная страна, планомерно изучающая движение и воспроизводство рабочей силы, без знания чего немислимо планирование. Поэтому надо приветствовать всякую работу, повышающую наше знание о воспроизводстве, источниках и движении рабочей силы, в частности об одном из источников рабочей силы—об отхожих промыслах крестьянства.

Отхожие промысла—явление, издавна известное старой России,—вместе с ростом народного хозяйства СССР переживали свой «восстановительный период» и получили широкое распространение по всему Союзу: в 1925/26 г. было 2 285 193, а в 1926/27 г.—3 145 137 отходников. Многие из уходящих остаются в городе на продолжительное время. Значительная часть из них вовсе не возвращается обратно в деревню. Такой массовый отход на заработки ни в коем случае не мог быть случайным для дореволюционных российских, а теперь не может быть случайным для советских условий: априорно можно утверждать, что экономические условия крестьянского хозяйства толкают часть сельского населения в город на приработок. Поэтому отхожий промысел нельзя изучать без изучения его социально-экономической обусловленности. Без такого изучения немислимо рациональное планирование рабочей силы, крупной составной частью которой являются крестьянские отходники.

Рецензируемая работа публикуется как результат разработки обследования, проведенного Наркомтрудом СССР об отходе на промысла за пределы каждой во-лости за время с 1 октября 1926 г. до 1 октября 1927 г. С периода обследования прошло уже два года с лишним. Напряженность отходов могла измениться (и безусловно изменилась) в связи с процессами, происходящими в деревне. На основании публикуемых материалов соответствующие правительственные и профессиональные организации будут планировать рабочую силу лишь на будущий период и в будущем году, т. е. через 2—3—4 года после описанного Наркомтрудом периода. Каково будет это планирование, если оно будет базироваться на публикуемых данных, не освещающих ни одной закономерности, не дающих действительного представления о природе явления? Какие внутренние зависимости имеются в исследуемом явлении, от чего зависит отход и какие хозяйства отпускают отходников?—вот вопросы, на которые ищешь и не находишь ответа в данной работе. Однако без знания закономерностей нельзя делать никаких ответственных исчислений. А такие исчисления обязательны перед составлением плана на год вперед, так как нет прямых подсчетов за предшествующий год.

Из других источников известно, что кулацкое хозяйство отпускает в отхожий промысел значительное количество своих членов, а в некоторых случаях относительно не меньше и даже больше, чем середняцкое или даже бедняцкое хозяйство. Такие факты диктуют еще более настоятельно необходимость исследования внутренней природы явления. Можно конечно, выпустив в течение ряда лет работы, подобные разбираемой, вытянуть динамический ряд и «установить» статистическую закономерность. Но эта «закономерность» может в один прекрасный день полететь в тартагары под влиянием усиленного социалистического трансформационного процесса в деревне.

Работа, подобная разбираемой, может иметь известную ценность лишь в том случае, когда она публикуется максимум через 5—6 месяцев по окончании отчетного года, так как в такой работе главное значение имеет свежесть данных. Только в том случае биржи труда и Наркомтруд могут их использовать для текущей работы.

Для длительного же планирования движения рабочей силы необходимы совершенно иное исследование и иная публикация. Советскому государству нужно знать не только число ушедших на промыслы в 1926/27 г. в Грайворонской вол., Грайворонского уезда и их процентное отношение к каждой тысяче жителей уезда! Советскому государству нужно знать, почему Дорогожанская вол. дала в отход 257 чел. на тысячу жителей, а Борисовская—только 32 чел., какие производственные, социально-экономические и экономико-географические условия влияют на различную интенсивность отхода в отдельных местностях, в различных по мощности хозяйствах и социально-экономических группах. Только такое знание может создать базу действительного планирования.

В таком случае не обязательно (хотя и желательно) публиковать результаты разработки через 5—6 мес. после обследования; эти сведения допустимо публиковать и через 1—1½ года, так как, зная интенсивность влияния отдельных явлений на отходничество отдельных социально-экономических групп в разных экономико-географических районах, можно—на основе конъюнктурных донесений о качественных процессах,—быстро в месячный или двухмесячный срок переложить их на цифры конкретного непосредственного плана регулирования рабочей силы.

Разбираемая работа—работа сугубо «беспартийная», академическая. В ней не чувствуется пульса жизни. Отход—явление сложных социальных процессов. А в книге опубликовано, что Мохченская вол., Ижмо-Печорского уезда, автономной области Коми отпускает на сторону 37 строителей, 32 плотника и 64 человека на заготовку леса и . . . точка. Нет слов—это важно: на какой-либо стройке будут знать, что у них могут быть строители из области Коми и что, в случае нужды, оттуда их можно ждать. Здесь возникает только одно малосенское «но»:—а вдруг Мохченская вол. в 1929/30 г. или в 1930/31 г. откажется дать лесозаготовителей, плотников и строителей по причине того, что в этой области появились свои коллективы или свои сыроварни, молочные заводы, картофеле-терочные и крахмало-паточные заводы и многие другие и «т. д.» Что тогда станет со знанием «философской» абсолютной истины, что в Мохченской волости в 1926/27 г. были строители, плотники и даже лесозаготовители?

Авторы работы могут нас обвинить в утрировке, в доведении до абсурда вполне правильных положений и т. д. Они были бы правы, если бы строительная профессия и отход на заработки по этой профессии были прирожденным свойством гражданина Мохченской вол.

Все учебники говорят об отходе, как о социально-экономическом явлении. Авторы же критикуемой работы превратили социально-экономическую проблему отхода в плоскую «проблему»: «откуда есть—пошла данная профессия», т. е. в проблему «места».

Низкий материальный и культурный уровень и «идиотизм» деревенской жизни толкают в город «на лучшие хлеба». Повышение с помощью колхозов, машинно-тракторных станций и др. материального и культурного уровня бедняцко-средняцкой части деревни до среднего уровня городского рабочего было бы решающим фактором в приостановке (или в серьезном заторможении) отхода в город. Нельзя еще сейчас точно указать время наступления этого момента уравнения. Безусловно оно совершится на протяжении выполнения генерального плана строительства социализма. Генеральный план целиком разрешит эту проблему.

Если нельзя заранее предсказать момент наступления социалистического равенства между городом и деревней, то, во всяком случае, можно утверждать,—на основании результатов коллективизации,—что мы к нему приближаемся и приближаемся неуклонным и решительным, быстрым темпом. В одном месте момент этот наступит раньше, в другом—немного позже. Но самый процесс движения

к нему говорит о социалистическом преобразовательном процессе, непосредственно воздействующем на такое явление, как отхожие промыслы крестьянства. Не интересоваться этим — значит не интересоваться основным, значит не понимать основного в проблеме, не понимать самой проблемы.

Рецензируемая работа интересуется социально-экономическими проблемами в той же мере, как и прошлогодним снегом, она следовательно не отвечает на объективно существующий вопрос. Наши планирующие органы после опубликования этой работы не далеко уйдут от того «знания» социально-экономического явления отхода, какое было у них до нее.

Разрешает ли разбираемая работа какую-либо жизненно-важную проблему?

Статотдел Наркомтруда СССР, конечно, будет защищать основную установку своей работы и этой целевой установкой объяснять результаты разработки и данную форму ее публикации. Мы считаем, что ни целевая установка работы, ни разработка и публикация не решают какой-либо проблемы, являются поэтому узко-делаческими и не имеют внутреннего оправдания.

С. Гиммельфарб

Н. В. ЗДОБНОВ, ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ КНИГИ

Русское библиографическое о-во при Московском ун-те. М. 1929 г., 31 с.

М. Н. БОЧАРЕР, ГАЗЕТНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Гиз 1929 г., 214 с.

Целый ряд важнейших отраслей промышленности ждет своих исследователей, которые бы дали систематизированное учение об основах их хозяйства. И всякая книга, хотя бы только намечающая пути к осуществлению этой задачи, заслуживает внимания как хозяйственников-практиков, так и экономистов-теоретиков, занимающихся методологическими проблемами конкретных экономических наук.

Книга М. Н. Бочарера несомненно представляет некоторый интерес для хозяйственников нашей прессы. Для них она содержит ряд хорошо изложенных практических указаний, советов, норм и «рецептов», которые могут быть усвоены не без пользы для практической работы. Но эта книга далека от того, чтобы дать научный анализ экономики газетного дела, или, точнее выражаясь, газетной промышленности.

М. Бочарер ограничивается по существу тем, что дает на основе изучения хозяйственного опыта некоторых наших провинциальных газет некую систему практически важных и ценных хозяйственных норм. Среди них преобладают, главным образом, указания технического, организационного и бухгалтерского порядка. Именно такой характер имеют главы, посвященные вопросам организации газетной экспедиции, конторы, отчетности и т. п. Автор, в своем нормативном устремлении, не жалеет даже нескольких страниц для примерных штатов редакции газеты. Такой же характер носят главы, трактующие о калькуляции и финансах газеты (глава VIII) и о производственной базе издательства.

Лишь в немногих частях книги можно найти слабые намеки на научно-экономическую постановку некоторых проблем и вопросов газетного хозяйства. Сюда можно отнести попытку дать в I главе книги классификацию типов издательских предприятий. Затем во II главе «Газетная сеть и тираж» слегка затрагивается проблема концентрации газетной промышленности и географического размещения последней. Есть намеки на экономический подход в главе III «Вопросы распространения», где показываются условия реализации такого своеобразного товара, как газета — розничная продажа, подписка, соотношение между ними,

значение приложений, методы распространения и т. п. В главе IV «Реклама» хорошо показано экономическое значение рекламы в газетном деле.

Несмотря на эти попытки автор в своей книге не смог дать научного экономического исследования газетного хозяйства, как системы известных социальных и производственных отношений. Его книга, повторяем, по существу посвящена технико-нормативному учению о газетном предприятии. Недаром автор в качестве отправного методологического пункта избирает данное проф. Н. Ф. Чарновским определение сущности организации предприятия. Приведем это определение: «Под именем организации предприятия подразумевается сочетание административных, финансовых, руководящих, технических и контролирующих сил, которое представляет постоянно действующую систему взаимно связанных между собою органов с точно определенными функциями, строго разграниченными обязанностями и ответственностью, объединенных общей целью выполнения намеченной программы производства и достижения при этом наивысшего хозяйственного успеха». Учение об организации предприятия в этом понимании еще далеко от научного систематического экономического исследования экономики той или другой отрасли промышленности. Последнее требует иной постановки, трактовки и разрешения экономических проблем.

Известным примером научно-экономического подхода может служить другая работа — брошюра Н. В. Здобнова «Проблемы экономики книги». Сопоставление данных работ М. Бочарера и Н. Здобнова дает нам возможность проследить методологическое различие между учением об организации предприятия и учением об экономике той или другой отрасли народного хозяйства или промышленности.

Мы видели, что Бочарер избрал темой своей книги «Газетное хозяйство» — газетное предприятие, его организацию и структуру. Наоборот, Здобнов мыслит под экономикой книги «совокупность всех экономических вопросов, относящихся к производству и распространению книги как товара; это — система знаний народно-хозяйственных отношений, которые складываются в процессе производства, и распространения одного из крайне важных продуктов и факторов культуры — книжного товара».

Это определение показывает, что автор поставил себе задачей постановку экономических проблем книгоиздательской промышленности. Поэтому вряд ли является правильным употребление Здобновым здесь выражения «экономика книги» и вряд ли является правильным, как это думает автор, считать эту дисциплину книговедческой по своему существу. Судя по вышеприведенному определению, предметом «экономики книги» является не книга, как таковая, а те производственные отношения, которые возникают в процессе производства, обмена и распределения книги как товара. Поэтому правильнее говорить не об экономике книги, а об экономике книгоиздательской промышленности как чисто экономической науке по своему предмету и методу. Это, понятно, не исключает того, что эта экономическая наука входит в систему дисциплин, относящихся к книговедению.

Проведем сравнение дальше. В то время как Бочарер вот не ставит проблемы связи экономики газетной промышленности с другими отраслями народного хозяйства, Здобнов считает, что «экономику книги нельзя изучать обособленно и вне связи с общеэкономическими условиями»... «Необходимо выяснить, какие народнохозяйственные факторы, при каких условиях, на какие элементы книжного дела и в какой степени оказывают влияние». Автор усматривает особенность книгоиздательской промышленности в том, что она более, чем какая-либо другая отрасль народного хозяйства, испытывает влияние политических факторов. Кстати заметим, что эта особенность присуща и газетному хозяйству.

Весьма интересна постановка автором вопроса о специфических свойствах книги как товара и вытекающих отсюда особенностях производства и обмена в этой

отрасли промышленности. Автор показывает особенности потребительной ценности книги, в которой, в отличие от большинства других товаров, следует различать материальное и идеологическое содержание. Недолговечный, неустойчивый и индивидуальный характер потребительной ценности книги накладывает также известный отпечаток на образование ее меновой стоимости и рыночной цены. Эти специфические свойства книги, как потребительной стоимости, определяют особый характер потребления этого товара, благодаря чему возникает целый ряд особых проблем книжного рынка. Постановка проблемы об экономических свойствах книги, как товара, является большой методологической заслугой автора. Эта проблема особых свойств данного товара, по нашему мнению, должна занять место во всех экономических исследованиях, посвященных экономике отдельных отраслей народного хозяйства или промышленности.

Следующей проблемой автор выдвигает вопросы труда, которые между прочим в книге Бочарера затронуты только там, где речь идет о нормальных штатах редакции. Здобнов намечает примерно такой круг вопросов, составляющих проблему труда в книгоиздательской промышленности: «Каково содержание этого труда, как он складывается, как проявляется, как организуется, каковы отношения процессов этого труда к трудовым процессам в других отраслях народного хозяйства, как преломляются законы образования прибавочного труда». Специфические особенности этой проблемы в книжном деле Здобновым показаны достаточно ярко. На первый план он выдвигает «проблему автора». (Здобнов считает автора «реальной основой книжного дела» «рабочей силой», создающей в форме сырья конкретные экономические ценности). Здесь возникают вопросы рабочего дня, средств производства, интенсивности и производительности труда автора. Затем выплывает проблема труда редакционно-издательского аппарата, перерабатывающего сырье в полуфабрикат. Далее рассматривается проблема труда полиграфистов, обрабатывающих полуфабрикат в окончательный продукт и, наконец, — вопросы труда в книжной торговле.

Третий цикл вопросов, выдвигаемых Здобновым, — это вопросы, связанные с капиталом: «Строение капитала, затраты его, оборотоспособность, виды и процессы воспроизводства и накопления его при различных условиях, а также другие свойства капитала, обусловленные специфичностью книжного товара» (и особенностями его производства и обмена, — добавим мы). К этой же проблеме автор относит вопросы кредита, а также экспорта и импорта капитала в книжном деле разных стран.

Большой интерес для экономического исследования представляет затронутый в брошюре вопрос о сырье в книгоиздательской промышленности. Что считать здесь сырьем — рукопись или бумагу? Автор по целому ряду соображений, на которых мы не будем останавливаться, считает сырьем и то и другое.

Далее автор выдвигает проблему ценообразующих факторов. Совершенно справедливо автор находит, что «это одна из наиболее сложных и актуальных проблем экономики книги не только в теоретическом, но и в практическом отношении». Чрезвычайно сложный характер ценообразующих факторов в книгоиздательской промышленности находит свое объяснение в чрезвычайно разнообразии спецификации, многочисленности и непрерывной текучести номенклатуры и отсутствия массовости производства. Сюда же присоединяются длительность процесса производства, высокая квалификация типографского труда и т. п. Большую роль среди ценообразующих факторов играют также торговые издержки, вызванные неликвидностью некоторой части продукции, хранением готового продукта на складах, издательской рекламой.

Следующим разделом следует «Рынок и кризисы». Здесь автор выдвигает такие моменты: особенности книжного рынка, особенности спроса и предложения книги, характер книжных кризисов и их причины, покупательная способность населения, ее показатели.

В заключение Эдобнов ставит проблему географического размещения книжной промышленности. И здесь он выдвигает целый ряд весьма интересных и важных вопросов. Автор считает, что «в отличие от других отраслей промышленности в издательском деле не замечается непосредственного влияния естественно-исторических условий на географическое размещение предприятий и капиталов. Ни сырье, ни обработка его не имеют связи с этими условиями». Автор находит, что решающее влияние на географическое размещение книжной промышленности оказывают факторы культурно-исторического порядка.

Таков круг проблем, намеченных автором в качестве предмета экономики книгоиздательского хозяйства. Этот круг проблем, а главное, их постановка и намеченные контуры их разрешения вполне отвечают назначению и характеру прикладной экономической дисциплины, посвященной отдельной отрасли промышленности. С этой стороны брошюра Н. В. Эдобнова представляет значительный интерес для каждого экономиста, интересующегося вопросами предмета, метода и содержания прикладных экономических дисциплин.

Значение брошюры состоит еще и в том, что она, несомненно, послужит руководящей нитью в дальнейшей разработке экономических проблем книгоиздательского дела. В этом заключается научная ценность небольшой брошюры Н. Эдобнова, в то время как научная ценность не малой по объему книги М. Бочарера весьма не высока.

Е. Бочаров

БИБЛИОГРАФИЯ ДИСКУССИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

І. ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

- ДАВЫДОВ И., Абстрактный труд в учении Маркса о стоимости, «Пробой», 1929, с. 173, ц. 1 р. 60 к., тпр. 3 000.
- КОН А., Курс политической экономии, ч. I, изд. 1, Гиз, М.-Л. 1928, с. 225, ц. 1 р. 60 к., тпр. 10 000.
- КОН А., то же, пзд. 2, переработанное, Гиз, М.-Л. 1928, с. 272, ц. 1 р. 40 к., тпр. 15 000.
- КОН А., то же, пзд. 3, исправленное, Гиз, М.-Л. 1929, с. 272, ц. 1 р., тпр. 25 000.
- КОФМАН Б., Производительный труд и метод Маркса (с предисл. презид. Экон. секции Лен. п.-песл. п-та марксизма), пзд. Леп. п.-песл. ин-та марксизма, «Пробой», Л. 1929, с. 152, ц. 1 р. 50 к., тпр. 3 000.
- КУШИН И., Диалектическое строение «Капитала» Маркса. Под редакцией и с предисловием И. И. Рубина, Гиз, М.-Л. 1929, с. 180, ц. 1 р. 40 к., тпр. 4 000.
- РУБИН И., Вступит. статья к книге И. Розенберга, Теория стоимости у Рикардо и Маркса (пер. с нем. И. Сегалович), «Моск. рабоч.», 1924, с. 190, тпр. 10 000.
- РУБИН И., Вводная статья к книге В. Либкнехта, История теории стоимости в Англии и учению Маркса (пер. с нем. В. Феофанова под ред. и с пред. И. Рубина), «Моск. рабоч.», 1924, с. 165, ц. 1 р., тпр. 5 000.
- РУБИН И., Очерки по теории стоимости Маркса, изд. 1, Гиз, М. 1923, с. 125, тпр. 8 000.
- РУБИН И., То же, пзд. 2, переработанное, Гиз, М. 1924, с. 212, ц. 1 р., тпр. 10 000.
- РУБИН И., То же, изд. 3, переработанное и дополненное с приложен. статьи—«Ответ критикам», Гиз, М.-Л. 1928., с. 371, ц. 2 р. 75 к., тпр. 5 000.
- РУБИН И., То же, пзд. 4 с дополнением к статье «Ответ критикам», Гиз., М.-Л. 1929, с. 376, ц. 2 р. 50 к., тпр. 7 000.
- Сборник «Против механистических тенденций в политической экономии», под ред. Б. Борплина и А. Леонтьева. (Статьи: А. Леонтьева, А. Греблица, М. Коровая, И. Степанова, Е. Ланде, Б. Борилина, Г. Деборина, А. Малукина и С. Дейча), Гиз, М.-Л. 1929, с. 187, ц. 1 р. 30 к., тпр. 7 000.
- Сборник «Рубинщина или марксизм?» под ред. С. Бессонова и А. Кона (статьи С. Бессонова, А. Кона, С. Батцьева, И. Лаптева, Э. Гурвич, М. Сайгушкина, Х. Баскаева, Б. Казанского, З. Вернер). Гиз, 1930, с. 232, ц. 1 р. 70 к., тпр. 7 000.
- ШАВС С. С., Проблема общественного труда в экономической системе Маркса, Гиз, М.-Л. 1928, с. 176, ц. 1 р. 65 к., тпр. 4 000.

II. СТАТЬИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

- АБЕЗГАУЗ Г., ДУКОР Г., НОТКИН А., *Некоторые вопросы политической экономии и освещении т. А. Ф. Копа.* (По поводу его новой книги «Курс политической экономии», ч. 1, «Вестник Комкадемп», 1928, № 25(1).
- АБЕЗГАУЗ Г., ДУКОР Г., НОТКИН А., Свет марксовой теории в кривом зеркале («Вестник Комкадемп», 1928, № 27(3).
- АБЕЗГАУЗ Г., ДУКОР Г., НОТКИН А., Вместо ответа (письмо в редакцию), «Вестник Комкадемп», 1929, № 32(2). См. также поправку в № 33(3).
- АЙЗЕНБЕРГ М., К пониманию теории трудовой стоимости, «Социалистическое хозяйство», 1927, № 4.
- БАСКАЕВ Х., О вопросах, которые для марксистов должны быть бесспорными, «Большевик», 1929, № 9—10.
- БАТИЩЕВ С., «Диалектика» Рубина, «Под знаменем марксизма», 1929, № 10—11.
- БЕССОНОВ С., Против выхолащивания марксизма, «Проблемы экономики», 1929, № 1 и 2.
- БЕССОНОВ С., О нашей борьбе с «рубинщиной», «Молодая гвардия», 1929, № 16.
- БЕРЕЗИН Н., К вопросу о предмете политической экономии. Заочные курсы марксизма. Курс I. Гиз, 1929, № 3.
- БЛЮМИН И., К вопросу о труде, образующем стоимость, «Проблемы экономики», 1929, № 10—11.
- БОРИЛИН Б., К дискуссии в политической экономии, «Коммунистическая революция», 1929, № 2.
- БОРИЛИН Б., Механистическое течение в политической экономии, «Революция и культура», 1929, № 9—10.
- БОРИЛИН Б., Наши разногласия с механистами в политической экономии, «Под знаменем марксизма», 1929, № 12.
- БРУДНЫЙ М., Критические заметки (Против толкования И. Рубиным теории стоимости Маркса), «Вестник Комкадемп», 1927, № 21.
- ВОЗНЕСЕНСКИЙ А., К вопросу о понимании категории абстрактного труда, «Под знаменем марксизма», 1925, № 12.
- ГРЕБЛИС А., КОРОВАЙ М., СТЕПАНОВ И., К спорным вопросам теории стоимости, «Большевик», 1929 г., № 3.
- ГРЕБЛИС А., КОРОВАЙ М., СТЕПАНОВ И., О спорном и бесспорном (ответ Х. Баскаеву), «Проблемы экономики», 1929, № 10—11.
- ГУРВИЧ Э., К критике основных методологических положений концепции И. Рубина, «Проблемы экономики», 1929, № 6.
- ДАВЫДОВ И., К учению о стоимости Маркса (критика технологического варианта), «Записки научного общества марксистов» № 4 (12), 1928, Главная, Гиз, М.-Л.
- ДАВЫДОВ И., Проблема абстрактного труда (к методологии марксова учения о стоимости), Статья 1 и 2, «Записки научного общества марксистов» № 2/10 и № 3/11), 1928, Главная, Гиз, М.-Л.
- ДАШКОВСКИЙ И., Абстрактный труд и экономические категории Маркса, «Под знаменем марксизма», 1926, № 6.
- ДЕБОРИН Г., Предмет политической экономии в современных спорах, «Под знаменем марксизма», 1929, № 4.
- ДЕБОРИН Г., К спорным вопросам товарного фетишизма, «Под знаменем марксизма», 1929, № 10—11.
- ДУКОР Г. и НОТКИН А., Как нельзя бороться против механистических тенденций в политической экономии, «Большевик», 1929, № 18.
- ДУНАЕВСКИЙ В., Закон трудовой стоимости при капитализме в «Очерках» И. Рубина, «Под знаменем марксизма», 1929, № 2—3.
- ИЛЬЮХОВ Н., Актуальные проблемы теоретической экономии, «Бюллетень Заочноконсультационного отделения ИКП», 1930, № 2.
- КАЖАНОВ Н., Материальный показатель трудовой стоимости у Маркса, «Проблемы марксизма», изд. Лип, 1928, кн. 1.
- КАЗАНСКИЙ Б., Творческая критика или творчество критики, «Вестник Комкадемп», 1929, № 31(1).
- КАРЕВ Н., К вопросу о предмете политической экономии, «Под знаменем марксизма», 1929, № 5.
- КОН А., Некоторые замечания моих критиков в свете марксовой теории, «Вестник Комкадемп», 1928, № 25(1).
- КРИВИЦКИЙ М., Об экономической дискуссии. «Правда» от 22/XII 1929 г., № 302.
- КУЗНЕЦОВ Б., Механистическая концепция политической экономии, «Под знаменем марксизма», 1929, № 10—11.

- КУКС М., К проблеме абстрактного труда, «Записки научного общества марксистов» 1928, № 3(11). Главнаяука, Гиз, М.-Л.
- ЛАНДЕ Е., Механистический взгляд и обоснование теории стоимости, «Под знаменем марксизма», 1929, № 5.
- ЛАПИДУС И., Механистическая концепция в гегельянском наряде, «Проблемы экономики», 1929, № 10 — 11.
- ЛАПТЕВ И., Марксистские традиции в понимании предмета политической экономии, «Проблемы экономики», 1929, № 7 — 8.
- ЛЕОНТЬЕВ А., Борьба на два фронта, «Книга и революция», 1930, № 1.
- ЛЕОНТЬЕВ А., Об одной теоретической дискуссии и ее уроках, «Большевик», 1929, № 9 — 10.
- ЛИФ Ш., К спорам о характере сложного труда, «Под знаменем марксизма», 1928, № 7 — 8.
- НАДЕЖДИН Л., Объект политической экономии у А. Амониа. «Социалистическое хозяйство», 1929, № 1.
- ПАШУКАНИС Е., Экономика и правовое регулирование, «Революция права», 1929, № 4.
- РЕУЭЛЬ А., «Социальное направление» политической экономии в наших современных спорах, «Под знаменем марксизма», 1929, № 7 — 8.
- РОЗЕНБЕРГ Д., Производительные силы и производственные отношения в марксистской политической экономии, «Проблемы экономики», 1929, № 7 — 8.
- РУБИН И., Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса, «Под знаменем марксизма», 1927, № 6.
- РУБИН И., Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса, «Под знаменем марксизма», 1929, № 4.
- РУБИН И., Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса, «Под знаменем марксизма», 1929, № 5.
- РУБИН И., К вопросу об общественном абстрактном труде (ответ на критику С. Шабса), «Под знаменем марксизма», 1928, № 3.
- РУБИН И., О современных спорах в политэкономии, «Молодая гвардия», 1929, № 13.
- РУБИН И., Производственные отношения и вещные категории, «Под знаменем марксизма», 1924, № 10 — 11.
- РУБИН И., Против вульгаризации марксизма, «Проблемы экономики», 1929, № 3 п 4 — 5.
- САГАЦКИЙ А., Цена производства как производственное отношение (к критике методологии И. Рубина) «Под знаменем марксизма», 1927, № 12.
- САЙГУШКИН М., Абстрактный труд как материалистическая категория, «Проблемы экономики», 1929, № 4 — 5.
- САЛИТАН С., Общественно-необходимый труд в учении Маркса о стоимости. «Записки научного общества марксистов», 1928, № 4/12, Главнаяука, Гиз, М.-Л.
- СЕРЕБРЯКОВ, В., Неокантовская теория абстрактного труда, «Проблемы экономики» 1929, № 10 — 11.
- СТЕФАНОВ Н., Механисты в политической экономии (обзор литературы), «Книга и революция», 1929, № 12.
- ФИНН-ЕНОТАЕВСКИЙ, К критике политической экономии, «Социалистическое хозяйство», 1929, кн. III и IV.
- ЧЕРНИН М., К современным спорам в политической экономии, «Известия ВЦИК и ЦИК СССР», 4 окт. 1929 г., № 22 (3765).
- ШАБС С., Еще раз о проблеме общественного труда в экономической системе Маркса, «Под знаменем марксизма», 1928, № 7 — 8.

III. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ДИСКУССИОННЫМ ПРОБЛЕМАМ

- БОГДАНОВ А. и СТЕПАНОВ И., Курс политической экономии, т. II., вып. IV, Гиз, изд. 3-е, М. 1925, с. 306, ц. 1 р. 50 к., тир. 10 000 (п др. издания).
- ПЕТРИ ФРАНЦ, Социальное содержание теории ценности Маркса (пер. с нем. Г. Дукора и А. Ноткина, под ред. и с пред. В. Познякова, с прилож. перев. статьи Р. Гильфердинга), «Московский рабочий», М.-Л. 1928, с. 116, ц. 1 р., тир. 3 000.
- Политическая экономия. Основные проблемы в избранных отрывках. Предмет и метод. Сост. проф. С. И. Солнцев. Изд. «Путь к знанию», Л. 1925, с. 325, тир. 5 000.
- РЕННЕР К., Теория капиталистического хозяйства. Марксизм и проблема социализирования (перев. Г. Б. Гермаидзе, пред. Спектатора). Гиз, М.-Л. 1926, с. XVII + 336, ц. 3 р., тир. 3 000.
- РУБИН И., История экономической мысли, изд. 1, Гиз, М.-Л. 1926, с. 360, ц. 2 р. 75 к., тир. 4 000.

РУБИН И., Классики политической экономии от XVII столетия до середины XIX века. (Сборн. пзвлеч. из соч. экономистов с пояснительными статьями), Гиз, М.-Л. 1926, с. 516, ц. 2 р. 75 к., тир. 7000.

РУБИН И. И., Современные экономисты Запада (Оппенгеймер, Штольцман, Амонн, Петри, Лифман), критические очерки, Гиз, М.-Л. 1927, с. 324, ц. 3 р. 50 к., тир. 4 000.

РУБИН И. И., Физиократы (очерк из истории экономической мысли), «Книга», Л.-М. 1926, 151, ц. 1 р. 30 к., тир. 3 100.

СТРУВЕ П., Предисл. редактора русского перевода I тома «Капитала» К. Маркса, см. Маркс «Капитал», т. I, изд. О. Н. Поповой, СПБ 1899.

Что такое политическая экономия? Стенограмма доклада И. Степанова-Скворцова в Комакадемии 31/I 1925 г., выступления Н. Бухарина, Ш. Дволайцкого, А. Богданова, Е. Преображенского, В. Осипского, М. Покровского, Д. Марецкого, Слепкова, Розина, А. Кона, Я. Стэпа, Саложникова, Л. Крицмана, В. Смирнова, И. Степанова-Скворцова (вкл. слово) «Вестник Комакадемии», 1925 г., № 11.

IV. СТЕНОГРАММЫ ДИСПУТОВ И ИНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ДИСКУССИИ

ДИСПУТ в Институте экономики Ранпона в 1928 г. (стенограмма); см. ниже И. Рубин, Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса.

ДИСПУТ в Институте красной профессуры в 1927 г. Предмет и метод политической экономии. Доклад С. Бессонова, содоклад И. Рубина, выступления гг. Чулкова и Коровая. (Стенограмма).

ДИСПУТ в Институте красной профессуры в марте — мае 1929 г. Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. Доклады И. Рубина и С. Бессонова и выступления гг. Гребляса А., Рапопорта Я., Коровая М., Кона А., Борилина Б., Шумского И., Марецкого Д., Мендельсона Л., Розенберга Д., Леонтьева А., Лаптева И., Манукина А., Мотылева В., Ланде Е., Бутаева И., Карева Н., Абезгауза Г., Островитянова К., Шибанова М., Реуэля А.; заключительные слова Бессонова С. и Рубина И. Изложение см. «Проблемы экономики», 1929 № 4—5.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ к дискуссии по теоретической экономике: постановление редакции «Правда», заявления 10 и 12 экономистов; письма гг. Бессонова С. и Кона А., резолюция экономистов ИКП, резолюция экономистов Ранпона, резолюция кафедры пол. эк. Ком. ун-в. им. Свердлова, «Проблемы экономики», 1929, № 10—11.

МАТЕРИАЛЫ к дискуссии: Письмо гг. Б. Борилина и А. Леонтьева. «Проблем экономики», 1929, № 12.

МАТЕРИАЛЫ к дискуссии в теоретической экономике: Заявление 10 и 12 экономистов, резолюция экономистов Института красной профессуры. «Под знаменем марксизма», 1929, № 10—11.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ редакции «Правды» о дискуссии по вопросам теоретической экономики, «Правда» от 10 окт. 1929 г., № 234.

РЕШЕНИЕ учебного бюро отделения и бюро ячейки экономистов Института Красной профессуры об И. И. Рубине, «Правда» от 1/II 1930 г. № 31(4476).

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ теории стоимости Маркса (стеногр. диспута в Институте нар. хозяйства им. Плеханова, 8 и 15 апреля 1928 г.). Доклад И. Рубина, доклад А. Кона, выступления гг. Калачева, Баскаева Х., Бессонова С., Коровая М., Абезгауза Г., Вейдемюллера К., Розенберга Д.; заключит. слово докладчиков и председателя г. Разумовского И.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ теории стоимости Маркса (1. Стеногр. засед. эк. секц. ЛИМа от 16/XII 1928 г.: доклад И. Рубина; выступления М. Крижанского, И. Плотникова, А. Сагацкого, И. Слуцкина, Б. Кофмана, Н. Кажанова; заключ. слово. 2. Стеногр. засед. эк. секции ЛИМа от 18/XII 1928 г.: доклад И. Плотникова; выступления А. Сагацкого, А. Вознесенского, М. Крижанского, И. Рубина; заключ. слово). «Проблемы марксизма», сб. 2, изд. Леп. науч.-иссл. ин-та марксизма, «Прибой», 1930, с. 320, ц. 3 р., тир. 1 200.

И. И. РУБИН, Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса. (Стеногр. докл. И. И. Рубина в засед. 31 мая и 7 июня 1927 г., выступления—А. А. Богданова, Г. И. Дукора, А. Ф. Кона, Б. С. Лифшица, Г. М. Абезгауза, Э. Я. Брегель, А. С. Цаголова, А. С. Мендельсона; заключ. слово И. И. Рубина), изд. ин-та экономики Ранпона 1928, с. 94, ц. 1 р. 25 к., тир. 3 000.

V. ГЛАВНЕЙШИЕ РЕЦЕНЗИИ

АБЕЗГАУЗ Г.,—Кона А., Курс политической экономии, вып. I, изд. 3-е, «Правда» 4 января 1930 г., № 4/4449.

БАТИЩЕВ С.—Давыдов И., Абстрактный труд в учении Маркса о стоимости, «Правда» от 23 декабря 1929 г., № 303/4437.

БЕССОНОВ С.—Петри Ф., Социальное содержание теории ценности Маркса, «Правда» от 21 июля 1929 г., № 165/4299.

- БУТАЕВ К. — Сборник, Против механистических тенденций в полпт. эконпомпи, «Правда» от 4 августа 1929 г. № (177/4311).
- ВЕЙДЕМЮЛЛЕР К. — Р у б п и И., Очерки по теории стоимости Маркса пзд. 3, «Красная новь» 1929, № 3.
- ДЕБОРИН Г. — Р у б п и И., Очерки по теории стоимости Маркса, «Под знаменем марксизма», 1928, № 11.
- ДОЛЖИНСКИЙ И. — Сборник «Против механистических тенденций в политической эконпомпи», «Книга и революция», 1929, № 15—16.
- ЗЕЛИКМАН М. — Ш а б с С., Проблема общественного труда в экономической системе Маркса, «Печать и революция», 1928, № 5.
- КАЗАРИН Ал. — Сборник «Против механистических тенденций в политической эконпомпи», «Молодая гвардия» 1929, № 20.
- КОН А. — Р у б п и И., Очерки по теории стоимости Маркса пзд. 1-е, «Печать и революция», 1923, № 6.
- КОН А. — Р у б п и И., Очерки по теории стоимости, пзд. 3-е, «Правда» 25 янв. 1929 г., № 20/4154.
- КОН А. — Ш а б с С., Проблема общественного труда в экономической системе Маркса, «Правда» от 27 апреля 1928 г., № 98/3930.
- КРИВИЦКИЙ М. — К у ш п и И., Диалектическое строение «Капитала» Маркса, «Правда» от 23 декабря 1929, № 303/4437.
- КРИВИЦКИЙ М. — К у ш п и И., Диалектическое строение «Капитала» Маркса, «Проблемы эконпомпи», 1929, № 10—11.
- КРУГЛИКОВ С. — Д а в ы д о в И., Абстрактный труд в учении Маркса о стоимости, «Большевик» 1929, № 21.
- ЛАПИДУС И. — В борьбе с формалистическими тенденциями в политической эконпомпи, (по поводу книги И. К у ш п а «Диалектическое строение «Капитала» Маркса», «Под знаменем марксизма», 1929, № 10—11).
- ЛЕВИН М. — Р у б п и И., Очерки по теории стоимости Маркса, пзд. 3-е, «Книга и революция», 1929, № 3.
- МАРТЫНОВСКАЯ В. — Р у б п и И., Очерки по теории стоимости Маркса, пзд. 3-е, «Социалистическое хозяйство», 1929, № 1.
- МОТЫЛЕВ В. — Р у б п и И., Очерки по теории стоимости Маркса, пзд. 1-е, «Под знаменем марксизма», 1923, № 4—5.
- Н. С. — Обзор дискуссионной литературы по вопросам теоретической эконпомпи, «Бюллетень заочно-консультационного отделения ИККИ» 1930, № 2.
- НАДЕЖДИН Л. — П е т р и Ф., Социальное содержание теории ценности Маркса, «Проблемы эконпомпи», 1929, № 2.
- ПЕРИМОВ И. — Д а в ы д о в И., Абстрактный труд в учении Маркса о стоимости, «Под знаменем марксизма», 1929, № 12.
- ПОЗНЯКОВ В. — Р у б п и И., Современные эконпомисты на Западе, «Вестник Комкадемп», 1927, № 21.
- ПОЗНЯКОВ В. — Р у б п и И., История экономической мысли, «Под знаменем марксизма» 1926, № 12.
- РЕУЭЛЬ А. — Р у б п и И., Современные эконпомисты на Западе, «Под знаменем марксизма» 1928, № 3.
- РОНИН С. — Против идеалистического извращения марксизма (И. Р у б п и И., Очерки по теории стоимости, пзд. 4). «Правда» от 6 января 1930, № 6/4451.
- СТЕФАНОВ Н. — Сборник «Против механистических тенденций в политической эконпомпи», «Под знаменем марксизма», 1929, № 9.
- ШТЕНДЕР З. — Сборник «Против механистических тенденций в политической эконпомпи», «Пропагандист». 1929 № 19—20.

А. Лерман и Б. К.

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ ГОСПЛАНЕ СССР

В самом общем виде необходимость организации Института экономических исследований при Госплане СССР была определена в резолюции XVI партконференции по докладу т. Яковлева «Об итогах и ближайших задачах борьбы с бюрократизмом».

Там эти задачи были сформулированы так:

«Учитывая сложность, трудности и парастающую ответственность плановой работы в реконструктивный период, необходимо добиваться всемерного усиления научного характера и всесторонней научной обоснованности нашего хозяйственного планирования. В соответствии с этим Госплан должен опираться в своей работе над составлением народнохозяйственных планов на широкое ознакомление с новейшими достижениями мировой науки и техники и на всю систему научно-исследовательских учреждений и организаций СССР, работа которых как по характеру, так и по срокам должна быть увязана с задачей планирования».

Плановая мысль, научно-исследовательская работа в области экономики весьма значительно отстают от огромного поступательного движения всей нашей экономики на новой технической базе социалистической общественной формы. Решительные структурные сдвиги народного хозяйства СССР, «новый исторический этап в деле строительства социализма в нашей стране», делают абсолютно необходимой рационализацию постановки научного экономико-исследовательского дела, приближение его к нуждам планирования. Разрозненности и параллелизму в постановке экономических проблем в различных научно-исследовательских институтах и бюро при паркоматах и различных учреждениях должен быть положен конец. Совершенно недопустимо положение, когда одна и та же проблема ставится одновременно в различных местах без учета действительных нужд общеплановых органов. Например: одна и та же проблема эффективности капитальных вложений, по проверке Госплана (летом 1929 г.), разрабатывалась одновременно в ВСНХ СССР, Ленинградском политехническом институте, в Институте экономики РАНИОН, в научно-исследовательском институте БССР и т. д. Больше десяти исследовательских учреждений ставили эту тему, и каждое из них ставило эту проблему «вообще» — эффективность капитальных вложений вообще. Между тем из самого наименования темы и из краткого перечня научно-исследовательских учреждений, ставивших эту тему, видно, что разделено труда в этой большой сложной проблеме возможно и необходимо как в отношении отраслевого — районного разреза, так и в отношении пределов синтезирования проработки проблем.

Созданный при Госплане СССР Институт экономических исследований и должен решить эту задачу координации научно-исследовательской работы институтов и бюро при союзных наркоматах, учреждениях общесоюзного значения и госпланах союзных республик. Мысль о необходимости координации этой работы давно назрела и неоднократно высказывалась как на съездах плановых работников, так и в печати. Как далеко будут идти эта координация и разделение труда, сейчас еще трудно сказать, но что институту Госплана необходимо за это дело взяться немедленно и вплотную — не подлежит сомнению. В частности, лишь недавно в «Правде» от 29 ноября была помещена заметка т. Боголеповой, которая предлагает строить эту координацию научно-исследовательской работы в несколько этапов: 1) планирование научно-исследовательской работы на местах в зависимости от эко-

номки края, области, округа или района; увязка здесь должна произойти между научно-исследовательским учреждением, местным планирующим органом, совнархозом и объединенном профсоюзом; 2) согласование и планирование работы между всеми учреждениями данного типа по линии своего ведомства (например: НКЗдрав, НКТруд и т. д.); 3) увязка и планирование работ со стороны Госплана.

Тов. Ефимов-Молтопар в журнале «Господарство Украины» № 7—8 за 1929 г. также развивает мысль о необходимости координации научно-исследовательской работы в области экономики на территории Украины, вокруг Госплана УССР и сосредоточение ее внимания, по преимуществу на местных проблемах теории и практики планирования.

Не считая возможным более подробно останавливаться на других схемах организации и структуры форм связи между различными научно-исследовательскими (в области экономики) институтами и учреждениями, перейдем к другой характерной особенности функций Института экономических исследований при Госплане СССР.

Институт экономических исследований находится при Госплане, т. е. он должен ставить и разрабатывать только те экономические и технические проблемы, которые имеют непосредственное отношение к теории и практике планирования, к методологии перспективного и текущего планирования. Такая увязка научно-исследовательской работы с плановой работой несомненно будет чрезвычайно эффективна. Абстрактно-теоретические проблемы не могут и не должны быть оторванными от конкретно-плановой действительности и ее запросов. В основу научно-исследовательской работы Института должен быть положен «учет объективной действительности той экономической политики, которая должна обеспечить превращение плана в реальность». Этим будет обеспечен наиболее действенный и решительный результат научно-исследовательской работы, на которую сможет опереться Госплан в своей работе над пятилеткой и генпланом.

Из этой генеральной установки вытекают и основные задачи Института экономических исследований, которому, согласно положению, утвержденному СТО 14 ноября с. г., поручены следующие задачи:

- 1) разработка вопросов методологии построения народнохозяйственных планов и планирования;
- 2) систематическое изучение процессов воспроизводства народного хозяйства СССР в разрезе социально-классовой, экономической и технической реконструкции в связи с мировым хозяйством;
- 3) разработка проблем планирования народного хозяйства в связи с интересами обороны;
- 4) разработка отдельных проблем, возникающих в процессе работы секций и секторов Госплана; в частности проблем, возникающих в процессе построения пятилетнего и генерального плана;
- 5) разработка техно-экономических проблем реконструктивного периода;
- 6) изучение процессов мирового хозяйства в целях использования опыта капиталистических стран и осуществления директивы «догнать и перегнать»;
- 7) координация работ всех исследовательских организаций при хозяйственных наркоматах и организациях с тем, чтобы планы работ всех ведомственных институтов и исследовательских бюро утверждались президентом Института экономических исследований и входили составной частью в план работ Института;
- 8) подготовка высококвалифицированных кадров для плановой работы.

Уже предварительные проекты программ работ отдельных секций Института позволяют надеяться на то, что в этом году Институт сможет дать значительную научную продукцию. Правда, широкое и немедленное развертывание всей программы работ Института требует много сил и энергии, но можно надеяться, что уже первый год работы Института будет настолько плодотворным, что потраченные силы окупят себя сторицей и послужат мощным толчком к дальнейшему развертыванию научно-исследовательской работы на местах.

Программа работ подсекции методологии планирования ставит своей центральной задачей изучение методологии планирования в реконструктивный период и методологии генплана, методологии планирования в отраслевом и районном разрезе.

В программу работ подсекции проблем планирования включены: 1) проблема эффективности капитальных вложений в народном хозяйстве СССР и в отдельных отраслях его; 2) проблемы, связанные с изучением народного дохода и процессов перераспределения его в СССР; 3) анализ потребления населения СССР, влияния планового регулирования и стихийного рынка на потребление отдельных классов и т. д.

Секция анализа воспроизводства ставит себе задачу на конкретном материале: 1) вскрыть механизм процесса воспроизводства СССР (усиление планового начала и т. д.) и особенности его в отличие от механизма воспроизводства в капиталистических странах; 2) на основе результатов предыдущего исследования определить схему воспроизводства в СССР для генплана.

По линии секции теории советского хозяйства выделены основные проблемы, связанные с дефетнизацией производственных отношений в СССР (сущность категории денег, пути отмирания категорий «прибавочная стоимость», «капитал», «прибыль», «процент», «рента»), проблема бескризисного развития советского хозяйства, теории «социализации» народного хозяйства и т. д.

По линии технико-экономической секции ставится пока только проблема «Потери в народном хозяйстве и методы их устранения».

В секциях мирового хозяйства и проблем, связанных с экономикой войны, работа также ставится в соответствии с общими задачами Института.

Из краткого перечня проекта программы работ Института, которая уже конкретизирована и распределена между работниками Института, видно, что эти работы ставят ряд важнейших проблем.

Большую роль несомненно сыграет и совет Института, состоящий из представителей научно-исследовательских институтов и учреждений, деятельность которых координируется Институтом; он обсудит и рассмотрит планы работ этих институтов и ИЭИ в целях взаимной координации планов и ускорения работ всех научно-исследовательских институтов в области экономики.

Институт не будет замыкаться в рамках кабинетной работы. Ряд исследований, научных командировок, намеченных в его программе, должен будет способствовать привлечению к научной работе по теории и практике планирования огромных материалов, которые до сих пор лежат под спудом или из-за отсутствия на местах работников или из-за отсутствия достаточного опыта в постановке научно-исследовательской работы по советской экономике. Эти научные командировки, таким образом, будут преследовать двойного рода задачи: ознакомление с материалами на местах (в трестах, совхозах, колхозах, наркоматах и т. д.) и постановку местными силами работы по научному освоению этих материалов.

В программе Института намечены также и заграничные командировки, ставящие себе двойную задачу: 1) изучение структурных изменений в капиталистических странах за последние десятилетие и 2) установление связи с крупнейшими научно-исследовательскими институтами за границей (Кильский Институт мирового хозяйства, Франкфуртский на Майне Институт социальной политики, Говардский Конъюнктурный институт и т. д.), изучение опыта попыток планирования в капиталистических странах.

Накопец, в плане работ Института экономических исследований значится созыв в ближайшее время съезда научно-исследовательских институтов, наркоматов и республиканских госпланов, где будет заложено основание для единой научно-экономической исследовательской системы учреждений в СССР.

М. Г.

АМЕРИКАНСКИЙ БИРЖЕВОЙ КРАХ И ОБЩИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Институт мирового хозяйства и мировой политики Комкадемии посвятил данной проблеме два заседания, 17 и 29 декабря 1929 г. Ниже мы даем краткое изложение доклада т. Е. Варга и прений по этому докладу.

ДОКЛАД т. Е. ВАРГА

Уже полгода тому назад для марксистов было ясно, что процветание в Америке идет к концу и что 1930 г. будет годом кризиса в США и годом мирового кризиса.

Все попытки капиталистов предсказать ход промышленного цикла потерпели неудачу. Предвидеть и изучать события в капиталистическом строе без применения метода Маркса невозможно. Капиталисты же не могут принять марксистского метода, так как это означало бы признание капитализма исторически преходящим явлением — признание, что за капитализмом следует пролетарская революция и социализм. Теория реформистов о подопотреблении, теория о том, что если бы капиталист повысил зарплату рабочим, кризис был бы предотвращен, — оказалась несостоятельной. Ее несостоятельность выступает особенно ярко, так как имеющийся палец кризиса произошел несмотря на то, что некоторые категории рабочих в Америке получали высокую зарплату. Несостоятельной оказалась и другая теория, утверждающая, что подъем при капитализме возможен лишь тогда, когда происходит повышение цен; однако последний подъем в Америке как раз характеризуется тем, что почти никакого повышения цен не было. Несостоятельной оказалась также и теория Касселя: из его теории вытекает, что при стабильности цен кризис невозможен вовсе или возможен только кризис малой силы. Действительность же опровергает и это положение. Кассель в частности утверждает, что подъем кончается тогда, когда исчерпывается ссудный капитал. На самом же деле эмиссия капиталов была наивысшей как раз до кризиса.

Ближе всех подходили к марксистскому объяснению подъема и кризиса американские предприниматели Раскоб и Форд. Раскоб в одной из своих статей пишет, что американские предприниматели не могут безгранично развивать все имеющиеся технические возможности, потому что покупательский спрос ограничен. Они пытаются переложить тяжесть кризиса на торговый капитал. Конечно, такой путь ни в коей мере не приведет к разрешению кризиса.

Дискуссия по американскому кризису вызвала спор о том, имеем ли мы здесь кризис или депрессию. Теоретически можно сказать, что кризис может наступить только после подъема; однако мы привыкли думать, что кризис — это сильная депрессия.

Некоторые товарищи утверждают, что американский кризис не приведет к мировому кризису. Но мы не можем забывать того, что гражданская война в Китае и хроническая депрессия в Англии уже усилили общий мировой кризис.

Нужно сказать, что биржевой крах, биржевая спекуляция не являются причинами кризиса в Америке. Если проследить развитие отдельных отраслей американского производства, то мы увидим, что падение производства началось раньше, чем начался биржевой кризис. Теоретически биржевая спекуляция создает переальную покупательную способность; хотя биржевая спекуляция не дает никакого добавочного производства ценностей, она все-таки создает увеличение покупательной способности. Собственники акций, продавая их, становятся как отдельные лица богаче; это создает увеличение покупательной способности общества, хотя и переальное. С другой стороны, многие обладатели акций потеряли часть

состояния из-за биржевого краха и перестали быть покупателями. Это значит, что кризис стал острее.

Усиление биржевой игры было не случайно; его экономическая причина заключается в том, что развитие американского капитализма, перерастание его на высшую ступень монополизации создало почву для биржевой спекуляции; мелкие предприятия, не имеющие возможности противостоять монополистическим организациям, вынуждены отдавать свой капитал в сберегательные кассы или отдавать его как ссудный капитал, или наконец должны играть на бирже.

Американский кризис представляет собой тип настоящего кризиса, по монополистический характер американского капитализма и наличие больших излишков золота меняют характер кризиса.

Мы не имеем здесь денежного кризиса, так как в Америке имеется большой золотой запас, большой запас сертификатов, обеспеченных золотом. Современный кризис разгорается сильнее в сфере производства, чем в сфере обращения.

Перойдем далее к вопросу ценообразования во время кризиса. По теории Маркса цены зависят от ценностей. Следовательно цены в свободном капитализме должны были бы в связи с техническим прогрессом падать, если стоимость золота, в котором выражается цена товаров, остается на том же самом уровне. Если предположить, что ценность золота, издержки производства на единицу золота не меняются, тогда цена, выраженная в золоте, должна была бы падать параллельно с повышением производительности труда. Фактически же мы видим, что хотя издержки производства в золоте стабильны, а производительность труда увеличивается, уровень цен после кризиса 1920 г. почти стабилен и на 40% превышает довоенный. Я считаю, что полной ликвидации инфляционных цен в 1920 г. не произошло, и этот новый кризис должен ликвидировать часть остатков инфляции. Поэтому я считаю, что кризис не даст большого падения цен.

Что касается возможностей капиталистов пэжить кризис, то можно сказать, что предложение Гувера швестировать большие суммы в железные дороги, в сооружение фабрик, каналов, флота, жилищное строительство — ни к чему не приведет. Если кризис есть следствие противоречия между ограниченной покупательной способностью общества и стремлением развить производительные силы без соотношения к покупательной способности, то метод Гувера может только обострить это противоречие. Кроме того пэживание кризиса, несмотря на проект вложения 8 млрд. долл. на разное строительство, препятствуют противоречия внутри отдельных групп капиталистов.

Что касается вопроса о длительности промышленного цикла и кризиса, то гораздо легче предсказать наступление кризиса, чем начало подъема и время выхода из депрессии. Здесь есть две возможности — перепроизводство, которое является причиной кризиса, пэживается таким образом, что цена лишних товаров падает в сумме до уровня общественной необходимости; после этого падения, происходящего во время кризиса, создается новое временное равновесие в период депрессии и начинается новый подъем. Есть другая постановка вопроса: причина периодичности кризисов заключается в основном капитале, который фактически и морально пэживается и его приходится возобновлять с целью понизить издержки производства. Тогда начинается подъем. Вопрос пэживания кризиса еще недостаточно выяснен. Между тем от разрешения этого вопроса зависит разрешение вопроса — как долго длится вообще депрессия и когда можно пэжить кризис.

Кризис в Америке уже влияет на состояние капитализма в других странах. Несмотря на то, что мы имеем в Европе временное облегчение на денежном рынке, благодаря экспорту золота из Америки в Европу, тем не менее через несколько месяцев американский кризис окажет влияние на мировой кризис по двум линиям: во-первых, Америка перестанет покупать разные предметы роскоши, и, во-вторых, усилится конкуренция американской промышленности в вывозе товаров на мировой рынок. Это означает усиление борьбы за рынки, усиленно экономических противоречий. Борьба между буржуазией и рабочим классом также усилится, увеличится безработица. Все это несомненно приблизит момент социальной рево-

люди. Я считаю, что одна из самых важных задач коммунистической партии будет заключаться в том, чтобы добиться руководства огромной массой безработных.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. В. КАПЛАНА

Планы, составляемые Гувером для борьбы с законами эпохи, имеют политическое значение. Исход кризиса будет иметь решающее значение для республиканской партии вообще и для Гувера в частности при выборах в 1933 г. В своей предвыборной речи Гувер обещал провести программу водного строительства, съезд губернаторов в Новом Орлеане, обсуждал вопрос об организации специального, трехмиллиардного фонда для строительных работ в случае наступления промышленной депрессии. Проектировалась программа прорытия новых каналов длиной в тысячу миль, продолжение новых авто-дорог и т. д.

Между тем нагрянул кризис; Гувер выступил с восьмьюмиллиардным проектом для расширения строительной программы. Но не весь этот проект является реальным. Реальные ассигновки составляют 3,5 млрд. долл. Частью программа Гувера состоит из проекта ассигновки на общественное строительство в течение ближайшего года около 2.300 млн. долл. и около 2 млрд. на 1 млн. новых домов. Наконец последним предложением плана Гувера является пятидневная рабочая неделя. В связи с переходом на пятидневку, по его мнению, увеличится, во-первых, спрос на автомобили, так как с введением отдыха в течение 2 дней автомобили будут, как это показала статистика, преодолевать большие расстояния и усилится необходимость в постройке новой сети автомобильных путей. Кроме того, рабочий будет носить новый костюм не 1 раз в неделю, а два раза и тогда улучшится положение текстильной промышленности; увеличатся также расходы на театр, клубы, журналы и проч.

Ясно, что такая постановка в неорганизованном хозяйстве пересальпа. Капиталисты не могут решить вопроса о том, лучше ли терпеть издержки кризисов или ассигновать миллиарды на выполнение плана Гувера. Последнее немыслимо хотя бы потому, что не все капиталисты одинаково страдают от кризиса. Гувер настаивает на том, чтобы программа водного строительства производилась путем частной инициативы, но эта же частная инициатива всячески мешает выполнению плана Гувера. Вернее всего мероприятия Гувера приведут к тому, что кризис будет менее глубоким, но зато более затяжным. Но если даже допустить, что капиталисты США добьются перелома в развитии кризиса, что менее всего вероятно, то кризис все же вспыхнет в ближайшие годы с еще большей силой, ибо пропасть между ростом производственной способности и покупательной способностью еще более углубится, еще более увеличатся резервы безработных (массовой процесс выбрасывания фермеров из деревни в США в настоящее время только начинается). Какой бы оборот ни принял кризис, США будет увеличивать экспорт, что неминуемо приведет к обострению существующих противоречий между империалистическими государствами. Задачи СССР — догнать и перегнать капиталистический мир — сейчас во многом облегчаются.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. А. ГЕРЦЕНШТЕЙНА

Для выработки принципиального теоретического подхода к проблеме послевоенных кризисов вообще и наступающего американского кризиса в частности следует установить связь между эволюцией капитализма и капиталистическими кризисами.

История капиталистических кризисов может быть разделена на 3 основные периода, соответственно трем ступеням эволюции капитализма. Кризисы первого периода, охватывающего позднюю эпоху господства торгового капитала и начальную стадию перерастания его в промышленный, носят эпизодический, локальный характер, и динамика хозяйственного процесса не выливается еще в специфическую форму цикла. Кризисы второго периода, охватывающего эпоху расцвета промышленного капитализма, становятся закономерно повторяющимися явлениями и выступают как составное звено цикловых оборотов капиталистического процесса. В эпоху третьего периода, охватывающего монополистический капитализм, циклический ритм сохраняется, но трансформируется в направлении все более и более отчетливого усвоения кризисно-депрессивной акцентировки.

Трехфазный цикл в своей классической форме имеет место лишь в период расцвета промышленного капитализма. Для понимания механизма циклового оборота необходимо всегда иметь в виду три особенности капиталистического процесса в их взаимоотношении: 1) анархию капиталистического хозяйства, 2) структурное противоречие между производством и потреблением и 3) своеобразие кругооборота основного капитала.

Буржуазные экономисты подчеркивают обычно, что капитализм есть качественно однозначный процесс, обнаруживающий лишь периодические количественные вариации своих элементов, оставляя в стороне момент изменения. Но конкретная совокупность условий хозяйственной системы, в которой происходит цикл, иногда более не возвращается. Тождественны лишь формальные комбинации фактов, их конъюнктурный ритм. Необходимо подчеркнуть, что за периодическим воспроизведением аналогичных конъюнктурных ситуаций стоит разрыв ритма капитализма, обуславливающее изменение ступня капиталистического цикла и в количественном и в качественном отношениях.

Развитие капитализма, перерастание его на высшую монополистическую ступень есть вместе с тем развитие в некоторую определенную сторону тех факторов, которые образуют внутренний механизм циклового оборота. Структура капиталистического цикла модифицируется в эпоху монополистического капитализма и особенно в ее послевоенный период в 4 направлениях: во-первых, кризисы учащаются, во-вторых, частично изменяется форма их обнаружения, в третьих, — развивается тенденция преобладания депрессивных процессов над подъемными и, в четвертых, усиливается несоответствие в движении фаз капиталистических циклов разных стран.

Учащение кризисных переломов конъюнктуры в эпоху монополистического капитализма объясняется тем, что период созревания противоречия между производством и потреблением сокращается. Острота этого противоречия усиливается по трем причинам: во-первых, под влиянием рационализации резко уменьшается доля рабочего в национальном доходе; во-вторых, общий уровень товарных цен не повышается соответственно повышению производительности труда, что при прочих равных условиях сокращает емкость внутреннего рынка; в-третьих, так как монополии охватывают преимущественно отрасли производства средств производства, то здесь особенно проявляется в подъемной фазе цикла расхождение уровней цен средств производства и средств потребления, вызывающее давление на норму прибыли II подразделения и подготавливающее кризисный перелом конъюнктуры. В силу этого промежутки между кризисами сокращаются.

Второе изменение, которое вносится в структуру капиталистического цикла монополистической эпохи, идет по линии упрощения форм обнаружения кризиса, которое сводится к следующему:

Во-первых, несмотря на то, что с наступлением господства финансового капитала биржа утратила прежнее значение, биржевые кризисы сохранили свой размах; во-вторых, перерастание кредитного кризиса в банковский кризис значительно парализовано (по не исключено) в эпоху монополистического капитализма, когда концентрация банковского дела достигает огромных размеров; в-третьих, разворачивание денежного кризиса в силу ряда особых обстоятельств также затрудняется при монополистическом капитализме. Наконец, в-четвертых, в эпоху монополистического капитализма уменьшается интенсивность послекризисного падения цен. В самом начале кредитного поворота конъюнктуры монополистические организации стремятся стабилизировать или затормозить падение цен путем быстрого сокращения производства. И если в ходе современного американского кризиса наступит все же резкое снижение, то это объясняется тем, что конъюнктурная тенденция понижения перекрывается общей повыкательной линией цен, в которой отражается ликвидация остаточных элементов инфляции.

Третье изменение структуры капиталистического цикла заключается в перемене соотношений удельного веса фаз подъема и депрессии. В послевоенный период монополистического капитализма подъемы становятся скоротечными, а депрессии более затяжными и углубленными.

Четвертая особенность конъюнктурного ритма в нашу эпоху заключается в резком усилении несоответствия динамики цикла в различных частях мирового хозяйства.

Эта трансформация конъюнктурного ритма с особой ясностью выступила в эпоху послевоенной полосы монополистического капитализма. Следует указать и на добавочные факторы, заостряющие проявление указанных тенденций. Это — передвижка центра тяжести мирового хозяйства из Европы в Америку, обнищание широких масс населения, прогрессирующий размах индустриализации некапиталистических районов и стран и наконец образование новой хозяйственной системы в лице СССР.

Совершенно очевидно, что объяснения изменения характера конъюнктуры, которые дают буржуазные экономисты и которые сводятся к теории больших циклов конъюнктуры, к теории малых циклов и наконец к теории отмирания циклического развития капитализма, несостоятельны. Нам, марксистам, необходимо уточнить ряд теоретических проблем динамики послевоенных конъюнктур.

ВЫСТУПЛЕНИЕ г. Ю. ГОЛЬДШТЕЙНА

В настоящей дискуссии намечаются разногласия как по линии оценки того, что произошло в САСШ, так и по линии оценки того, какие последствия это явление повлечет за собой. Вопрос о том, имеется ли в настоящее время депрессия или кризис, заключается не столько в количественных показателях, сколько в качественной разнице между депрессией и кризисом. Депрессия является переходным звеном в развитии цикла от кризиса к подъему. Откуда же у г. Павлова могла взяться депрессия, если кризис еще не наступил? Тов. Эвентов говорил, что имеются излишки основного капитала, но нет перепроизводства капиталов. Маркс неоднократно указывал на то, что нельзя отрицать перепроизводства товаров и признавать перепроизводство капиталов.

По вопросу о последствиях американского кризиса г. Эвентов говорит, что последствием его не может быть мировой кризис, ибо в европейских странах не было подъема. Что же мы имеем в европейских странах? — Депрессию? Тов. Эвентов говорит о том, что американский кризис мог бы оказать влияние на европейские страны только через внешнюю торговлю. Экспорт и импорт из европейских стран в Америку и наоборот конечно недостаточен для того, чтобы американский кризис мог оказать влияние на европейские страны. Для правомерности утверждения о мировом кризисе действительно нужно выявить, что внутренние противоречия в европейских странах настолько созрели, что приводят к такому взрыву, с другой стороны — судить о мирохозяйственных связях лишь на основании внешней торговли также наверно. Если говорить о цикле, то приходится констатировать, что в европейских капиталистических странах мы имеем достаточно много элементов для того, чтобы утверждать, что кризис там нагрянет.

Что касается политических последствий американского кризиса, то обострение противоречий, обострение борьбы за рынки повлечет не только осложнения во внешнеполитических отношениях между странами, но одновременно с этим вызовет и усиление военной опасности для СССР. С другой стороны, это повлечет за собой повышение рабочего класса, революционизирование его, поставит может быть вопрос об образовании рабочей партии в Америке. Наконец, многие товарищи, ожидающие, что отношения капиталистических стран к СССР улучшатся в связи с необходимостью для них искать рынок сбыта, не замечают того, что мы вместе с тем пострадаем от сужения кредитов. Выпрыгивая от повышения цен в нашем импорте, мы будем страдающей стороной в отношении нашего экспорта. Поэтому надо еще подвести общий баланс тех плюсов и минусов, которые могут дать американский и всеобщий кризисы.

Этот кризис происходит на фоне всеобщего кризиса капитализма, и поэтому те противоречия, которые были в послевоенном всеобщем кризисе капитализма, еще сильнее обостряются этим американским и последующим за ним всеобщим промышленным кризисом.

ВЫСТУПЛЕНИЕ г. Л. ЭВЕНТОВА

Темп падения производства в Америке, крах на бирже, связь биржи с промышленностью и т. д. свидетельствуют о том, что в данный момент мы имеем в Америке всеобщий

кризис, а не депрессию, как то предполагают некоторые товарищи, не имеющие ясного представления о цикличности американской экономики и соотношении фаз внутри цикла. Мы имеем в Америке регулярный кризис, который представляет одну из фаз в трех-четырёх-летнем цикле американского хозяйства.

Следует остановиться на той обстановке, в которой разворачивается современный американский кризис, ибо американское хозяйство тесно переплетено со всем мировым хозяйством. Следующие моменты характерны как для американского капитализма, так и для капитализма мирового: во-первых, говоря о форме и характере американского кризиса, следует учитывать, что еще до кризиса мы имели в САСШ неиспользованный производственный аппарат. Второй момент — это длительная безработица и высокий ее уровень. Третий момент — длительная понижательная тенденция цен, присущая как американскому, так и мировому хозяйству. Наконец надо иметь в виду наличие ряда отраслей, страдающих от перепроизводства даже при наличии подъема. К ним относятся: угольная, текстильная промышленность, сельское хозяйство. Все эти явления нарушают классическую форму кризиса.

Вопрос о диспропорции между производством и платежеспособным спросом назрел уже давно в американском хозяйстве. В работе Кетчинса и Фостера можно найти теорию, указывающую на опасность, вытекающую из аккумуляции сбережений широких масс для инвестирования в длительные капитальные вложения, так как это сужает платежеспособный спрос. Но эта диспропорция между накоплением и платежеспособным спросом еще не объясняет кризиса. Кроме того надо указать моменты, которые объясняют периодичность кризиса. Момент диспропорциональности не объясняет периодичности, но он приближает нас к более конкретному пониманию американского кризиса, ибо наряду с несоответствием между производством и платежеспособным спросом, мы имеем в САСШ диспропорцию между добывающими отраслями и обрабатывающими, диспропорцию внутри обрабатывающей промышленности между легкой и тяжелой промышленностью, между развитием новых отраслей (химической, электрической) и отраслей, идущих на удовлетворение такого спроса, который не является безусловно необходимым. Для понимания периодичности надо учесть также периодическую смену основного капитала. В САСШ мы наблюдаем ускоренную моральную амортизацию капитала, что дает базу для сокращения продолжительности циклов.

Мы не можем ожидать резкого снижения цен в связи с американским кризисом, ибо кризису предшествовала с 1921 г. длительная стадия понижения цен, как в Америке, так и во всем мировом хозяйстве. Тов. Варга считает, что цены сохранили некоторый инфляционный остаток с 1921 г. и что якобы в процессе нынешнего кризиса этот остаток должен расстаться. Такое понимание вряд ли можно назвать диалектическим, потому что уже с 1921 г. мы имели разворачивание двух циклов, — за это время цены приспособились друг к другу, создалась некоторая система цен.

Для динамики цен имеет значение то, что современный кризис характеризуется не тем, что имеется заметное перепроизводство товаров, а больше тем, что имеется перепроизводство основного капитала. Выход из депрессии для использования незанятого основного капитала может быть только в резком обесценении существующего капитала, а не в насильной ликвидации товарных запасов. Поэтому это не может отразиться на ценах в смысле их резкого снижения. Я считаю, что произойдет плавное снижение общего индекса цен, хотя цены на отдельные товары могут резко упасть.

Что касается вопроса о влиянии американского кризиса на мировой, то я утверждаю, что последствием американского кризиса не может быть мировой кризис в марксистском смысле, т. е. взрыв противоречий, накопившихся в предыдущую фазу подъема. Американский кризис сейчас ведет к тому, что создается единство мировой конъюнктуры на депрессивной основе. В результате произойдет снижение уровня мирового производства, рост безработицы, снижение цен и т. д. На этой базе будет нарастать революционное движение, но это не значит, что это мировой циклический кризис, что ему предшествовала фаза подъема, которая сорвана теперь кризисом.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. И. ПАВЛОВА

Тов. Варга, говоря об американском кризисе, заострил внимание и на всеобщем кризисе мирового хозяйства. Этот тезис был недостаточно им обоснован. Он указывал на сокращение часового производства в Швейцарии, грабельных мастерских в Аптвергене, на сокращение числа туристов на французской Ривьере. Но часовое производство, граблинные драгоценных камней не являются основными отраслями, определяющими конъюнктуру мирового хозяйства. Такое обоснование тезиса о мировом кризисе недостаточно убедительно.

Есть точка зрения, сторонники которой утверждают, что отправной пункт пыпешего сжатия хозяйственной деятельности Америки—автомобильная промышленность—недостаточно широк для того, чтобы, отправляясь от него, сжатие хозяйственной активности распространилось на все народное хозяйство. Точно так же биржевой крах и сокращение покупательной способности внутреннего рынка недостаточно широки для создания дальнейших хозяйственных затруднений. Это неправильная точка зрения. Последствия биржевого краха уже распространились на американское хозяйство. Весь вопрос заключается в том, какой силы нанесен удар. Я считаю, что сила удара подлежит еще определению. Для определения этой силы удара необходимо установить процент сезонного колебания по годам и по отдельным отраслям промышленности и из пыпешего процентного сокращения вычесть обычное сезонное колебание, и тогда мы получим, что сокращение автомобильного производства в этом году составляет около 20%. Я считаю, что такое сокращение не даст еще очопь сильного удара. В стальной промышленности сокращение в этом году превышает обычно сезонное на 13%. В строительной промышленности первые 3 квартала не дают никакого отклонения, 4 квартал дает небольшое отклонение, а в последнюю неделю (по 3 декабря) сумма строительных контрактов даже увеличилась на 35 млн. долл. (правда благодаря одному крупному заказу). Таким образом степень сокращения производства не дает картины тяжелого кризиса.

Самым важным показателем кризиса является то, в какой степени и с какой быстротой он влечет за собой обострение классовых противоречий. Маркс, говоря о кризисе 1847 г., говорил о сокращении производства на одну треть. Такое сокращение, поскольку оно связано с большим сокращением числа занятых рабочих и покупательной способности внутреннего рынка, создаст обстановку, еще усиливающую тот толчок, который вся система капиталистического хозяйства получила вначале в производстве. Если исходить из этого критерия, мы такого сокращения производства в настоящий момент не имеем.

Всякий кризис сопровождается высоким учетным процентом, между тем настоящий кризис сопровождается низким учетным процентом 4,5% и даже 4%. Здесь могут быть два объяснения: первое—данное явление по представляет собой кризиса; второе—данное явление вызвано регулирующим действием федеральной резервной системы. Если это так, то во всей нашей оценке послевоенного капитализма что-то существенным образом должно быть изменено.

Кроме того мы не имеем резкого роста безработицы. Если в течение трех кризисных месяцев число занятых рабочих сокращается на незначительный процент, то такой взрыв социальных противоречий не укладывается в рамки нашего представления о капиталистическом кризисе. Мы не имеем также понижения уровня заработной платы, пот банкротств, коммерческие банкротства не выходят из обычных рамок. Это объясняется недостаточной силой удара.

Неизбежным явлением при кризисе является большое увеличение товарных запасов, чего мы не наблюдаем в настоящем кризисе. Таким образом те явления, которые мы имеем в настоящий момент, не могут быть подведены под кризис.

Если исходить из того, что продолжительность промышленного цикла—10 лет, что за кризисом следует депрессия, затем подъем, то история американского хозяйства как-то должна быть объяснена. В 1921 г. был кризис, в 1923/24 г.—сокращение хозяйственной деятельности, в 1925/26 г.—подъем, в 1927 г.—сокращение, которому по предшествовал кризис. То же самое происходит теперь. В разрешении наших споров о пыпешем положении американского хозяйства не следует исходить из продолжительности цикла. Конкретные показатели: зарплата, безработица, банкротства, степень сокращения производства не дают полной картины кризиса.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. Л. МАДЬЯРА

Тов. Павлов явно искажает факты в отношении оценки американского империализма. Например, о снижении учетной ставки. Маркс говорит, что во время кризиса, когда в процессе производства высвобождаются огромные массы капитала, учетная ставка снижается. Это есть одно из закономерных явлений кризиса. Что касается безработицы, то сокращение занятых рабочих или рост безработицы учитывается американской статистикой только в собственной промышленности. И здесь мы имеем, даже по данным официальной американской статистики, сокращение на 16%. Утверждение т. Павлова о том, что заработная плата не снижается, неверно. «Annalist» признает снижение на 7%; причем это снижение заработной платы всего рабочего класса, а в то же время число занятых рабочих снизилось до конца ноября на 3%. Это значит, что реальная заработная плата занятых рабочих сократилась. Неверно также утверждение о том, что нет товарных запасов. Тов. Эвентов говорил, что мы имеем в Америке перепроизводство капиталов без перепроизводства товаров. Между тем перекапливания капиталов не может быть без перепроизводства товаров, — об этом говорил Маркс в споре с Рикардо. Даже Гувер признает наличие кризиса. Сила удара достаточно велика и имеется тенденция к ее увеличению.

Будучи в общем согласен с анализом американского кризиса, данным т. Варгой, я не совсем согласен с тем, что денежный и банковый кризис не могут иметь места. Мне кажется, что биржевой кризис будет оказывать глубокое влияние в этом смысле на всю американскую денежную систему. Биржевой кризис нельзя понимать так, что из снижения курса акций одна сторона выиграла, а другая проиграла, потому что фиктивный капитал составляет и часть денежного имущества не только частных лиц, но и крупных банков, промышленных предприятий. Обесценение этого фиктивного капитала обесценивает также значительную часть денежного имущества банков и акционерных обществ. В этом отношении стремление Гувера, несмотря на то, что кризис сопровождается сокращением производства, вести дело дальше, помогать банкротствам, может повлечь денежный и банковый кризис.

Тов. Эвентов отрицает возможность мирового кризиса, объясняя это тем, что в связи с американским кризисом не может быть резкого снижения цен. Между тем факты говорят за то, что мы имеем падение цен во всех решающих капиталистических странах. Это значит, что кризис США перерастет в мировой кризис. Кроме того мы говорим о том, что САСШ принимает ряд мер, чтобы переложить тяжесть кризиса не только на американских рабочих и фермеров, но и на хозяйство Европы и колоний. Несомненно, что произойдет усиление американского экспорта, что конкуренция усилится; падение цен на сельскохозяйственные продукты означает разорение ряда колониальных рынков. Мне кажется бесспорным, что мы имеем кризис в Америке и что путем усиления американской конкуренции, падения цен, разорения колониальных рынков, обострения сельскохозяйственного кризиса и т. д., этот кризис перерастет в мировой кризис.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. Е. ГОРФИНКЕЛЯ

Последние данные «Annalist» свидетельствуют о том, что мы имеем подлинный всеобщий кризис перепроизводства, но мы это же утверждали, исходя из первых незначительных показателей падения хозяйственной активности. У нас здесь идет чисто научный спор о том, можно ли на основе тех показателей, которые мы имеем, и на основе общего теоретического анализа всего периода с 1920/21 г. сказать, что американское хозяйство приблизилось к той грани, дальше которой идет кризис. Тов. Павлов опирается силу этих показателей говоря, что перед нами сезонное колебание. Но падение в автомобильной промышленности составляет 65%, в ноябре мы имеем сокращение продукции автомобилей по сравнению с апрелем в 3 раза — это не сезонное колебание! В области строительных контрактов по жилищному строительству мы не имели, начиная с 1923 г., такого низкого уровня, как

в конце ноября. Правда, для углубления нашего познания в теории капиталистического цикла, нам нужно было бы иметь тщательно разработанную теорию конъюнктуры и теорию конкуренций; теория кредита должна была бы быть более разработанной. Этого у нас еще нет. Поэтому мы пока не можем точно установить каждую фазу капиталистического цикла и определить стадию в развитии данной фазы, но нельзя утверждать, что мы вообще не в состоянии подвергнуть научному анализу общую динамику капиталистического цикла.

Одним из самых интересных вопросов является оценка всего периода с 1920/21 г. по 1929 г. В 1920—21 г. мировое капиталистическое хозяйство переживало глубокий кризис. Начиная с 1921 г., промышленный цикл в США прерывался несколькими временными зампами 1924 г. и 1927 г., но они по были настоящими кризисами, которые могли бы разрешить накопившиеся во время подъема противоречия. В период подъема могут происходить зампы, когда капиталистическое хозяйство временно останавливается в своем развитии при переходе от одной фазы к другой. Я считаю, что в 1924 и 1927 гг. мы имели дело с рядом накопившихся диспропорций частного порядка, возникших в ходе развертывания одного и того же цикла 1921/29 гг. Такие диспропорции могут повлиять в определенный период на ход капиталистического цикла в смысле замедления его развития, но это еще не означает настоящего кризиса, не означает ликвидации накопившихся в период подъема противоречий. Эти последние временно ликвидируются только тогда, когда разражается кризис всеобщего перепроизводства.

Большинство марксистов считает, что всякий конъюнктурный подъем непременно должен быть связан с ростом товарных цен, причем в период подъема наблюдается одновременно внутреннее расхождение между ценами в разных секторах народного хозяйства, которое и вызывает ряд внутренних диспропорций. Это неверно. Это — теория буржуазных конъюнктуристов. В США мы наблюдаем, что развитие происходит на фоне стабильных и даже несколько понизившихся цен, потому что этот период характеризуется исключительным подъемом производительности труда в промышленности. Тот факт, что цены оставались стабильными, означает, что с развертыванием процесса рационализации норма прибыли промышленных предприятий непрерывно повышалась. Поэтому кризис может сопровождаться сплывом падением цен, хотя в течение предыдущего периода подъема роста цен не было. Внутри капиталистического хозяйства созданы уже те условия, при которых крупные предприятия смогут уничтожить технически отсталые мелкие и средние, и это произойдет на базе сплывающихся цен.

Я хочу еще остановиться на вопросе о влиянии структурных и конъюнктурных факторов на развитие цикла? Цикл — это конъюнктурное понятие. Ход развития капиталистического хозяйства имеет определенную циклическую форму, которая в общих чертах укладывается в следующую схему: депрессия, подъем, оживление, стадия высшего напряжения, кризис и т. д. Но это только внешняя форма движения, она не говорит нам о внутреннем его содержании. Как в США, так и в Англии, например, развитие хозяйства происходит в циклической форме, однако в США мы имеем сильный размах, высокое напряжение хозяйственной активности, чего нельзя сказать об Англии. Тут надо принять во внимание ряд внутренних диспропорций и противоречий, которые являются результатом не конъюнктурного развития хозяйства, а чисто структурных сдвигов, связанных с специфической природой данного периода мирового капиталистического хозяйства.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО т. Е. ВАРГА

В процессе дискуссии выявились две точки зрения — т. Павлова и т. Эвептова, — расходящиеся с моей точкой зрения.

Тов. Павлов отрицает факт наличия кризиса в Америке, исходя из того, что нет еще достаточного падения производства. Он говорит, что портфель заказов в стальном тресте увеличился в течение ноября на 200 тыс. т; однако в том же ноябре производство стали упало по сравнению с октябрем на один млн. т. Несомненно факт падения производства на 1 млн. т, значительно более важен, чем увеличение заказов на 200 тыс. т. Таким образом

мы имеем падение производства, что характерно для кризиса. Индекс «Annalist» показывает, что от августа до ноября производство упало на 15%—это уже настоящий кризис.

Тт. Павлов и Эвентов отрицают, что мы будем иметь мировой кризис. Тов. Эвентов доказывает это чисто теоретически. Он говорит, что в ряде европейских стран подъема не было, следовательно не может быть и кризиса. Но т. Эвентов забывает, что мы живем в период всеобщего кризиса капитализма, как социального строя, что в Европе возможен кризис без того, чтобы заранее был подъем. Тов. Павлов указывает на то, будто я считаю, что последствием американского кризиса является кризис в ювелирном деле и т. д.; он меня не понял. Я говорил, что есть два пути перехода кризиса из одной страны в другую. Один путь—сокращение импорта, т. е. уничтожение заказов, и в связи с этим я привел данный пример. Второй путь—экспорт товаров по низким ценам, что давит на те страны, где кризиса еще нет.

Несомненно, мы имеем подлинный кризис в Америке. Я не стану конечно утверждать, что из этого кризиса получится социальный кризис американского капитализма, что там будет острая революционная ситуация, но надо сказать, что теперешнее состояние европейского капитализма есть картина ближайшего будущего американского капитализма.

Я хочу затронуть несколько теоретических вопросов. Первый вопрос—это периодичность кризисов. Специальных причин периодичности кризисов искать, по-моему, не надо потому что это означало бы отрицание циклического развития, это означало бы, что есть возможность, что в какой-то фазе цикла капитализм может приостановиться и периодичность надо будет создавать снова. Нельзя искать специальных причин периодичности кризиса, наоборот надо искать конкретные причины, влияющие на длительность отдельных циклов.

Тов. Эвентов говорил, что диспропорция между производством, накоплением и платежеспособным спросом является хроническим явлением при капитализме. Если он говорит, что элементы такой-то диспропорции всегда создаются, то он прав, но если он говорит, что диспропорция является хроническим явлением, то он не диалектически подходит к этой проблеме. Ведь в ходе промышленного цикла как раз есть такие фазы, когда кризис на время уничтожает эту диспропорцию. Это—фаза перехода от кризиса к подъему во время начала депрессии, когда покупательная способность общества превышает производство. Если бы депрессия была хронической, тогда не было бы промышленного цикла.

Что касается вопроса о связи между промышленным циклом и возобновлением основного капитала, то Маркс говорит, что возобновление основного капитала есть один из важных элементов промышленного цикла. Вопрос заключается в том, является ли необходимость возобновления основного капитала причиной циклическости или наоборот—факт циклического развития капитализма ведет к необходимости периодического возобновления основного капитала. Я думаю, что правильное второе. Кризис создает необходимость возобновления основного капитала, необходимость для капиталиста идти на рационализацию, возобновление основного капитала для удешевления издержек производства.

Какие будут последствия кризиса для капитализма? Способ разрешения каждого кризиса ведет к тому, что возможность дальнейшего процветания уменьшается. Стремление капиталистов понизить издержки производства с целью изжития кризиса означает, что доля рабочего класса будет еще ниже, что число мелких капиталистов уменьшается, что происходит автоматическая экспроприация крестьянина. Моменты, ведущие к кризису, после каждого цикла развиваются все легче и легче. Социальные противоречия развиваются быстрее, и поэтому необходимо быстрее возобновлять основной капитал; очевидно, дело может пойти до того, что капитализм больше не сможет создать процветание. Депрессия будет продолжительнее, кризисы больше и длиннее, подъем короче. Это ускорит закат капитализма, а ввиду того, что экономический базис детерминирует социальное положение, мы можем в недалеком будущем ожидать в некоторых странах острую революционную ситуацию. Отрицать вероятность таких событий не приходится.

А. Лерман.

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ»

Просим не отказать напечатать вслед за письмами гг. Бессонова и Кона нижеследующие строки ¹.

Перед партийной экономической мыслью в настоящее время стоят огромные задачи как в смысле положительной разработки ряда проблем, выдвигаемых современной действительностью, так и в отношении беспощадного отпора всем и всяческим попыткам извращения и ревизии марксизма-ленинизма. Для этих целей сейчас более, чем когда-либо, требуется то «объединение всех сил научной экономической мысли партии», о котором писала «Правда».

Это объединение, как подчеркивает «Правда», возможно лишь «на основе последовательно проводимого марксизма-ленинизма и его революционно-диалектического метода». Резолюция коллектива коммунистов-экономистов Института красной профессуры ², целиком солидаризируясь с решением «Правды», совершенно правильно указывает, что «механистические тенденции, обнаружившиеся в области политической экономии, могут в дальнейшем их развитии сомкнуться с теми немарксистскими, непалектическими, механистическими установками, которые характеризуют Бухарина и его «школку». Поэтому необходимо особо заострить теоретическую борьбу против механистического направления в политической экономии».

Принятие этой резолюции, последовавшее после продолжительного периода борьбы диалектиков-экономистов против механистического направления, имело своим непосредственным следствием печатаемые выше заявления гг. Бессонова и Кона. Само собою разумеется, что признание ошибок со стороны товарищей, повинных в грубейших механистических извращениях марксизма, следует всячески приветствовать.

Широкий фронт борьбы против механистических богдановских тенденций был открыт весной нынешнего года коллективом коммунистов, выступавших в дискуссии в ИКП и выступивших вслед за тем сборник «Против механистических тенденций в политической экономии». В предисловии к этому сборнику мы писали: «Важнейшим итогом и уроком дискуссии в ее нынешней стадии мы считаем то обстоятельство, что в процессе спора довольно отчетливо обрисовались механистические тенденции, состоящие в попытках сознательного или бессознательного перенесения в область экономической теории основных ошибок механистов-философов... Даже со стороны внешней формы своей аргументации механисты в экономике сплошь и рядом повторяют своих единомышленников в области философии. Те же уверения, будто механистическое извращение марксизма не является основной опасностью в современной обстановке... Механисты-экономисты пытаются отвлечь вли-

¹ Настоящее письмо было направлено в редакцию для помещения вслед за письмами гг. Бессонова и Кона в № 10—11 «Проблем экономики» — Авторы.

² В настоящее время к этой резолюции присоединился в основном и коллектив экономистов-коммунистов Ранпопа. Обе эти резолюции напечатаны в № 10—11 «Проблем экономики».

вание от своих ошибок уверениями, что основная опасность грозит в настоящее время со стороны буржуазного социального идеалистического направления. Не отказываясь ни на минуту от борьбы с социальным идеалистическим направлением... мы все же полагаем, что основным условием успешной борьбы с буржуазными теориями во всех видах является прежде всего преодоление ошибок механистического течения, имеющего глубокие исторические корни в политической экономии (Богданов, Степанов, Каутский и др.) и особенно опасного в современной сложной обстановке, в условиях противоречивого характера нашего развития.

Особенно серьезную опасность — подчеркивали мы в этом предисловии — представляет собой механистическое извращение марксизма при анализе переходного хозяйства СССР, а также экономической структуры современного империализма. Механистические ошибки могут служить базой для подкрашивания полной противоречий империалистической экономики под цвет организованного капитализма. Механистическая концепция при ее последовательном проведении ведет к некритическому перенесению якобы неизменных абсолютных «железных» экономических законов на экономику переходного периода, на хозяйство строящегося социализма.

Читатель, таким образом, видит, что мы еще до появления печально-знаменитых статей т. Бухарина насчет «организованной бесхозяйственности» подчеркивали связь между механистической концепцией и теорией организованного капитализма. Под «незыблемыми, абсолютными, железными законами» мы подразумевали, как читателю, без сомнения, ясно, прежде всего богдановско-бухаринский закон трудовых затрат, закон равновесия и т. д.

В этом заключались основной смысл и основное политическое и теоретическое значение нашего выступления. Кардинальный вопрос о том, где находится основная опасность для данного периода, следует тщательно освободить от всякого наносного сора и хлама, которым пытаются замазать дело механисты. Основное значение нынешних заявлений тт. Бессонова и Кона заключается в том, что под ударами жестокой критики и уроков политической действительности они оказались в конце концов вынужденными признать, что нужно «сосредоточить главные удары против механистического материализма» (письмо т. Бессонова), что «на настоящем этапе основной задачей является преодоление механистической концепции т. Бухарина» и «что это обязывает сосредоточить удар и на всем механистическом направлении» (письмо т. Кона). К сожалению, Бессонов и Кон не указывают, начинается ли «настоящий этап» с ноября или к нему относится также и весна нынешнего года. Вынужденное признание правильности нашей основной установки борьбы против механистического ревизионизма в качестве главной опасности — таков первый и главный урок нынешних заявлений Кона и Бессонова. В этом мы видим полный крах всех делавшихся попыток механистов и эклектиков отвлечь всеми правдами и неправдами внимание от главной механистической опасности. Этот основной урок нельзя замазать ни при помощи чисто словесных выпадов, ни путем попыток смешения карт и прочих высоко-«идейных» приемов.

К подробному разбору заявлений тт. Бессонова и Кона мы еще вернемся в другом месте. Нам придется тогда разобрать ряд новых ошибок, которые делаются этими товарищами, когда они признают свои старые ошибки. Нам придется раскрыть внутреннюю противоречивость и непоследовательность их заявлений по ряду существеннейших пунктов.

В данной связи мы должны ограничиться лишь немногими замечаниями, совершенно необходимыми в целях восстановления истины. Нельзя не признать шагом вперед со стороны тт. Кона и Бессонова отказ в опубликованных письмах от ряда критикованных нами грубо-ошибочных немарксистских положений, защищавшихся ими до последних дней. Сюда следует отнести отказ т. Кона от следующих ошибок т. Бессонова: а) отождествление производительных сил и техники, б) «равноправие» в изучении в политической экономии производительных сил

и производственных отношений, в) «неясность» (sic!—Б. Б. и А. Л.) взаимоотношения процессов развития общественного и технического разделения труда, г) «не вполне (sic!) верное» изображение связи и роли учения классиков и Маркса.

Сюда следует отнести собственный отказ т. Бессонова от некоторых своих ошибок. Тов. Бессонов признает теперь, в результате продолжительной нашей критики, что политическая экономия изучает производительные силы лишь в связи, взаимодействии и противоречии с производственными отношениями; что политическая экономия интересуется «прежде всего и в первую очередь» формой производства; что самостоятельное и непосредственное изучение внутривзаводских отношений не входит в объект политической экономии, но последние рассматриваются лишь в связи с антагонистической природой капитализма в целом; что свои прежние формулировки о развитии общественного характера труда при капитализме он считает ошибочными.

Нельзя не приветствовать признание т. Коном своих ошибок в вопросах физиологической трактовки абстрактного труда, об историчности категории абстрактного труда, о неправильном механистическом представлении о соотношении содержания и формы, об энергетическом балансе, о своем отзыве на книгу Шабса, помещенном в свое время в «Правде».

Однако несмотря на эти положительные моменты в заявлениях тт. Кона и Бессонова, глубокий порок этих заявлений заключается в том, что по ряду важнейших пунктов их рассуждения развиваются по следующему шаблону: во-первых, мы признаем свои ошибки; во-вторых, у нас никаких ошибок не было, а были лишь отдельные неправильные формулировки; в-третьих, мы от этих неправильных формулировок уже давно отказались. Рассуждения по этой «триаде» должны произвести на читателя самое гнетущее впечатление своей неискренностью.

Несостоятельность подобного маневра можно показать на примере вопроса об абстрактном труде. Что т. Кон в этом вопросе (по которому он только и выступал до самого недавнего времени) во всем повторял механистов Дашковского и Шабса,— в настоящее время всем известно. Зато т. Бессонов пытается еще сейчас отрицать это обстоятельство. Он пишет: «Я не мог разделять и не разделял производных ошибок Шабса и Дашковского по вопросу о неисторичности абстрактного труда». Это утверждение далеко от действительности, как небо от земли. В этом нетрудно убедиться.

В настоящее время в своем заявлении т. Бессонов пишет: «Абстрактный труд не есть логическое и физиологическое понятие». Но еще в начале этого года т. Бессонов писал нечто прямо противоположное, дословно повторяя механистическую концепцию Шабса, Дашковского и Кона: «Маркс говорил об абстрактном труде, что это тот же самый конкретный труд, но взятый в его, как выражается Маркс, «абстрактном виде», т. е. со стороны его общих черт. Стоит ли говорить, что этими общими чертами для Маркса были именно черты физиологической затраты»³. И далее он писал, сваливая, по своему обыкновению, все на Маркса: «Стоимость была для него (т. е. якобы для Маркса—авторы) определенным общественным способом выражения абстрактного, т. е. физиологически равного труда, в то время как для Рубина, наоборот, абстрактный труд, как мы видели, есть выражение определенной общественной организации производства»⁴. Таким образом в вопросе об абстрактном труде т. Бессонов развивал механистическую систему взглядов, которая ничем существенным не отличается от механистического ревизионизма Шабса и Дашковского.

Но так же, как с вопросом об абстрактном труде, обстоит дело и в отношении ряда других важнейших ошибок механистов в политической экономии.

³ «Проблемы экономики» № 2, с. 103, первая разрядка—автора, вторая—наша.

⁴ Там же, разрядка наша.

Тов. Бессонов сознательно вводит в заблуждение общественное мнение, когда наряду со словесным признанием своих ошибок говорит о том, что он «никогда» не придерживался «механистического отождествления формы и содержания», «производительных сил и производственных отношений», «утверждения о надъисторичности закона трудовых затрат» и т. д. Все эти ошибки т. Бессонова широко известны, и вряд ли большую пользу приносит подобный «отказ» т. Бессонова от ошибок.

Тов. Бессонов и до сих пор не понимает своей ошибки в вопросах общественного и технического разделения труда, считая, что «нелепо» связывать ее с теорией организованного капитализма.

Тов. Бессонов и до сих пор думает, что говорить о социальных формах вещей—значит говорить о «бессмысленных (sic!) формах вещей», и до сих пор стоит на позиции отрицания того положения Энгельса, что отношения между классами в капиталистическом обществе обязательно овеществляются. Эта позиция прямехонько ведет к самым оппортунистическим выводам об отношении между рабочими и капиталистами.

Не соответствует действительности утверждение тт. Бессонова и Кона о том, будто их союз (а также их объединение с 12 экономистами, подписавшими печатаемую выше контрдекларацию⁵) произошел на почве признания ими своих ошибок, а не замазывания грубейших механистических ошибок последних. Верно как раз обратное. Взаимное замазывание грубейших ошибок—вот база этого союза. Это совершенно очевидно, хотя бы из того бесспорного факта, что нигде и никогда, до своих нынешних заявлений, тт. Кон и Бессонов о своих ошибках не заявляли. Наоборот, они всячески покрывали ошибки каждый у себя самого и друг у друга. Еще несколько месяцев тому назад они оба всемерно настаивали на помещении в «Проблемах экономики» не в дискуссионном, а в редакционном порядке насквозь механистической статьи «Против выхолащивания марксизма», которую ее автор т. Бессонов в настоящее время не решаетя перепечатывать даже в выпускаемом им сборнике. Лишь несколько недель тому назад т. Кон нашел в себе печальное мужество заявить в печати (см. «Вечернюю Москву» № 275, от 29 ноября), что после 1924 г. он никаких ошибок не делал. Это утверждение представляет собой прямое издевательство над заявлением «Правды», в котором совершенно ясно и недвусмысленно говорилось об «ошибках тт. Кона и Бессонова». Это утверждение получает особый смысл в свете нынешнего заявления т. Кона, в котором он вынужден наконец ряд ошибок признать. Далее, в выпущенном нынешней осенью третьем издании своего «Курса» т. Кон также утверждал, что никаких ошибок он не делал, а во всем виноваты лишь его критики, приписывающие ему мысли, которых он никогда не разделял. Тов. Кон должен теперь честно и открыто отказаться от этих своих утверждений, которые вводят в заблуждение общественное мнение.

Когда мы в нашем сборнике дали установку—основной огонь по механистическому ревизионизму,—т. Бутаев прямо писал: «Главную ревизионистскую опасность авторы видят в рецидивах и остатках богдановщины. Это значит на наш взгляд не иметь политического чутья в смысле определения главной опасности ревизионизма в политэкономии на данном этапе». Эта главная опасность, по его мнению, заключается в идеализме. Буквально ту же излюбленную у механистов версию насчет главной опасности идеализма повторяет и декларация 12 экономистов. Эта декларация дает в корне ошибочную ориентировку, замазывая тот бесспорный ныне факт, что механистическая опасность является основной. Этот исключительный по своей развязности и политической безответственности документ объявляет «недостойным приемом» всякое указание на то, что механистические извращения неизбежно смыкаются с теоретической базой правого уклона. Именно

⁵ См. «Проблемы экономики» № 10—11.

это обстоятельство подчеркнула резолюция экономистов - коммунистов Института красной профессуры, Рациона и др.

Если гг. Кон и Бессонов искренне признают свои ошибки, они должны немедленно снять свои подписи с декларации 12 — документа, сознательно рассчитанного на внесение дезориентации в этом основном и решающем вопросе.

Не соответствует действительности таким образом утверждение г. Кона и аналогичное заявление г. Бессопова, будто «все перечисленные ошибки были осознаны еще до начала ожесточенной литературной полемики, развернувшейся в последние месяцы». Если бы это было так, то совершенно непонятно, зачем понадобилось гг. Бессонову и Кону выступать с их заявлениями в настоящее время. Не подлежит ни малейшему сомнению, что дело происходило как раз наоборот. Лишь под жестокими ударами решительной критики, лишь в результате разоблачения механистических устоев бухаринской концепции гг. Бессонов и Кон оказались, наконец, вынужденными начать отступление с механистических позиций, которые они до самых последних дней продолжали защищать с упорством, достойным лучшего применения.

Как в коллективном заявлении 12, так и в письмах гг. Кона и Бессопова делается абсолютно недопустимая попытка изобразить всю борьбу по разоблачению и развенчанию механистической концепции в политической экономии как... защиту Рубина. Эта безнадежная попытка свидетельствует о совершенно исключительном теоретическом и политическом легкомыслии. Это есть попытка криками о работах Рубина, имеющих безусловно ряд ошибок, дискредитировать борьбу за разоблачение теоретических корней правого уклона. Против подобного ослепления, против такой близорукости нужно решительно выступить. Необходимо подчинить теоретические разногласия задачам борьбы с правым уклоном. Эту директиву механистам придется волей-неволей выполнить. В настоящее время они еще очень далеки от сознания этой необходимости. Признавая на словах механистическую опасность основной, они сопровождают это признание такими маневрами и, главное, поступками, которые не говорят о полной искренности признания ими своих тяжелых ошибок. На нынешней стадии дискуссии одних слов окажется мало, потребуются более убедительные доказательства. Между тем, судя по некоторым местам в заявлениях, механисты собираются и впредь, признав лишь на словах механистическую опасность главной и основной, продолжать свою старую тактику, вносящую дезориентацию в нашу научную жизнь. Всякие попытки замазать основную механистическую опасность путем приклеивания клички «рубинца» каждому большевику-ленинцу, который не на словах, а на деле проводит работу по разоблачению механистических устоев правого уклона, — встретит жесточайший отпор.

Нет ничего более далекого от истины, чем утверждение механистов, будто мы каждого критика Рубина объявляем механистом. Бесспорные факты опровергают это утверждение, как и все остальные измышления механистов. В журнале «Книга и революция», где экономическим отделом заведует один из нижеподписавшихся, была помещена подробная критическая рецензия на 3-е издание «Очерков» Рубина, хотя мы не со всеми положениями ее согласны (см. № 3 за 1929 г.). В журнале «Под знаменем марксизма», органе воинствующего диалектического материализма, на почве которого мы стоим, в течение ряда последних лет помещалась обильнейшая критика рубинских произведений. Мы всегда подчеркивали, что во многочисленных работах Рубина имеется ряд неправильных положений⁶, которые следует

⁶ См. Б. Борилин. Механистическое течение в политической экономии («Революция и культура», № 9—10, 1929, с. 7); А. Леоптьев. Об одной теоретической дискуссии и ее уроках (Сб. «Против механистических тенденций», с. 17, 34 и др.); Б. Борилин. Наши разногласия с механистами в политической экономии («Под знаменем марксизма» № 12 1929 г. с. 94—95, 102—103, 110—113) и др.

внимательнейшим образом разобрать с точки зрения материалистической диалектики, не делая в то же время ни малейших уступок плееде его критиков-механистов.

Мы безоговорочно разделяем указание редакции «Правды» о том, что «явно неправильна установка на защиту стопроцентной марксистской ортодоксальности дискутируемых работ Рубина, что фактически ведет к замазыванию ряда его немарксистских положений».

Совершенно не соответствует действительности утверждение Кона, будто все перечисленные им ныне ошибки Рубина он критиковал неоднократно в своих работах. Всякий, кто знаком с писаниями Кона, знает, что он (как и все механисты) сражался как раз, главным образом, против бесспорных и элементарных марксистских положений, которые он встречал у Рубина, оказываясь в то же время не в состоянии раскрыть действительные ошибки последнего. Все атаки Кона были направлены против исторической и социальной характеристики категории абстрактного труда, которая в представлении Кона превращалась в категорию внеисторическую, натуралистическую, физиологическую.

Ряд ошибочных положений И. Рубина должен быть подвергнут последовательно-марксистской (а не механистической) критике.

Не задаваясь целью развернуть в настоящем письме полную критику ошибок Рубина, укажем на некоторые из них. У Рубина и сейчас иногда имеется неправильная постановка вопроса об обмене, которая имела место и в предыдущих изданиях «Очерков». Рубин совершенно прав, всячески подчеркивая существенное значение меновой формы, в которой протекает производственный процесс в товарно-капиталистическом обществе. Он это делает в противовес механистам, которые постоянно норовят отбросить меновую форму (а с ней и стихийность, анархичность, характерную для капиталистической формы производства), как несущественную, как маловажную подробность, от которой можно легко отвлечься, вследствие чего капиталистический строй наделяется в их изображении совершенно несвойственными ему гармоническими чертами. Но И. Рубин в то же время допускает ряд неверных положений, из которых можно сделать неправильный вывод об отождествлении акта купли-продажи с основным производственным отношением товарно-капиталистического общества. Такого рода формулировки должны быть решительно отвергнуты нами.

К таким же ошибкам должны быть отнесены неправильные положения Рубина о производительном труде. Так, на с. 149 «Очерков» мы встречаем упоминание о «стоимости продуктов труда торговых служащих», между тем как совершенно очевидно, что труд торговых служащих стоимости не создает. Эта ошибка непосредственно связана у Рубина с его ошибкой в трактовании категории производительного труда.

В третьем издании своих «Очерков» Рубин отказался от своей трактовки проблемы производительного труда, признав ее ошибочной. В главе, посвященной производительному труду, И. Рубин пытается дать лишь простое изложение взглядов Маркса по этому поводу, оставляя в стороне вопрос о том, прав ли здесь Маркс или нет (с. 235). Совершенно ясно, что подобная постановка вопроса недопустима. Для марксиста совершенно обязательным и бесспорным является именно то решение проблемы, которое дается Марксом. Следует заметить, что в главе о производительном труде И. Рубину как раз далеко не удалось справиться с поставленной им перед собой задачей: «восстановить точный смысл марксова учения» (с. 235).

В центральном пункте марксовой теории стоимости, в вопросе о двойственном характере труда, производящего товары, Рубин совершенно правильно подчеркивает исторически-преходящий и специфически-общественный характер категории абстрактного труда. Вопреки уверениям всех механистов, начиная от открытых ревизионистов и кончая стыдливими эклектиками, абстрактный

труд не представляет собою категории внеисторической, натуралистической, физиологической. Но вместе с тем физиологические затраты труда, вопреки ряду утверждений Рубина, входят в категорию абстрактного труда в их, так сказать, «снятом» виде. Существенная ошибка получается у Рубина, когда он чрезвычайно резко противопоставляет в учении об абстрактном труде аналитический и синтетический методы исследования (с. 128).

Одной из самых существенных, если не самой существенной ошибкой И. Рубина является, на наш взгляд, его трактовка проблемы взаимоотношений между логическим и историческим развитием экономических категорий. Чрезвычайно характерно, что механистическая (и примыкающая к ней эклектическая) критика не только не в состоянии вскрыть до конца эту ошибку Рубина, но почти не замечает ее. Обычно механисты упрекают Рубина в том, что он отрицает то обстоятельство, что простое товарное хозяйство исторически предшествует капитализму, а стоимость — цене производства. Однако ошибка Рубина состоит в другом, и этого оказывается не в состоянии вскрыть вульгарно-механистическая критика. Признавая историческое существование простого товарного хозяйства и стоимости, Рубин в то же время утверждает, что это обстоятельство в высокой степени безразлично для логического развития категорий. Рубин считает безразличным для теоретической постановки вопроса о стоимости исторический вопрос о том, обменивались ли товары до возникновения капитализма пропорционально трудовым затратам (с. 220). Это противоречит совершенно ясному указанию Энгельса о том, что «логический метод исследования .. есть тот же исторический метод, только освобожденный от его формы и от нарушающих стройность изложения исторических случайностей». Односторонне противопоставляя логический метод исследования историческому ходу развития реальной действительности, Рубин делает ошибку, которая повторяет наизнанку ошибку механистов, желающих совершенно слить логический метод с историческим, не видящим своеобразия и относительной самостоятельности первого. Рубин совершает некоторые ошибки и в вопросе об отношении между производительными силами и производственными отношениями и даже в теории товарного фетишизма, являющейся, несомненно, лучшей частью его работы⁷. Серьезная критика ошибок Рубина, являющихся по преимуществу ошибками идеалистического типа, обнаружит в работах И. Рубина ряд существенных недостатков. Задачей диалектиков-экономистов является развернуть такую критику, т. к. она была до сих пор безусловно недостаточной.

Мы всегда считали и считаем само собою разумеющимся, что И. И. Рубин, не будучи коммунистом по своим политическим убеждениям, не в состоянии дать развернутую разработку всех проблем политической экономии — этой сугубо партийной науки — последовательно и до конца защищая марксистско-ленинские позиции. Это обстоятельство не должно закрывать от наших глаз того положительного, что мы находим у Рубина в смысле разработки ряда вопросов марксовой теории стоимости. В то же время необходимо подчеркнуть, что как раз тт. Кон и Бессонов в течение долгого времени совершенно некритически воспринимали и повторяли — как они отчасти вынуждены теперь и сами признать — целый ряд теоретических открытий С. Шабса, И. Дашковского и др. Мы всячески поддерживали и будем поддерживать всякую действительно марксистскую (а не механистическую) критику ошибок Рубина, наличие которых мы неоднократно отмечали. Следует со всей силой подчеркнуть, что механистическая критика не только не способствовала дальнейшему исправлению и переработке ряда ошибочных и недостаточно четких положений в работах И. Рубина, но только не облегчила задачи углубленной коллективной разработки проблем марксистской теоретической экономии, но, наоборот, является

⁷ См. об этом Б. Борилин, Наши разногласия с механистами. «Под знаменем марксизма», № 12, 1929, с. 94, 95, 110 и др.

до сих пор сильнейшим и вреднейшим тормозом в деле действительного преодоления рублинских ошибок и перехода к положительной разработке ряда проблем. Поэтому решительно покончить с этими механистическими вылазками, поставить на них крест — такова необходимейшая задача. Поэтому никуда негодным маневром следует признать то обстоятельство, что, отказавшись от некоторых своих механистических ошибок, гг. Бессонов и Кон пытаются спасти весь скарб своей механистической критики. Из этой попытки ничего не выйдет. Здесь придется выбирать.

Таким образом, если мы определенную часть критиков Рубина называем механистами, то мы это делаем по той простой причине, что они таковыми являются на самом деле. В этом отношении мы лишь вынуждены называть вещи своими именами. Особенно забавно выглядят всякие претензии на этот счет сейчас, когда гг. Бессонов и Кон сами вынуждены признать свои механистические ошибки. Что касается упрека механистов по нашему адресу насчет приписывания им правого уклона, то мы менее всего виноваты в том, что механисты сами себе его приписывают в теории (хотя в политике занимают правильную политическую линию), повторяя дословно механистические концепции г. Бухарина по основным теоретическим вопросам. Тут уже им поистине следует пенять на себя.

Выше мы уже указывали, что еще в предисловии к нашему сборнику «Против механистических тенденций» со всей силой подчеркивалась необходимость решительного отпора идеалистическим извращениям в области политической экономии. Особенно опасны, естественно, идеалистические концепции, рядящиеся в марксистские одежды. Именно таковыми следует признать две вылазки, имевшие место в последние месяцы: книги И. Давыдова и И. Кушина. Чрезвычайно характерно, что в то время как механисты лишь трубят о необходимости борьбы против идеалистической опасности, эта борьба на деле не проводится прежде всего экономистами, стоящими на последовательно-диалектической позиции (см. рецензию г. Кругликова на книгу Давыдова в «Большевике» и др.). Несомненно, что идеалистической опасности, особенно в связи с этими последними вылазками, должен быть дан самый сокрушительный отпор.

Гов. Бессонов глубочайшим образом ошибается, когда он еще сейчас пытается в первых строках своего письма изобразить нашу теоретическую дискуссию, как «оживленную дискуссию, разгоревшуюся вокруг 3-го издания «Очерков» И. Рубина». Он здесь дает чрезвычайно выхолощенное представление о действительной сути споров. Он прямо противоречит решению «Правды», которое говорит о «ведущей дискуссии по вопросам теоретической экономии, в частности в связи с работами Рубина». Таким образом, отнюдь не 3-е издание «Очерков» Рубина, не «Очерки» Рубина вообще, и даже не работы Рубина в целом исчерпывают предмет нынешней дискуссии; дискуссия идет лишь «в частности в связи» с этими работами, содержанием же ее является борьба против всяких извращений марксизма и в первую голову против механистического направления в политической экономии. Именно эта борьба сейчас действительно вступает «в новую фазу». Эта новая фаза заключается прежде всего в том, что в настоящее время, когда выяснилось, куда в дедут механистические извращения, представители этого направления начинают, под сокрушительными ударами критики, отказываться от своих ошибок, — правда, робко и непоследовательно, сопровождая свой отказ всякого рода маневрами, которые следует разоблачать до конца.

К числу подобных маневров следует отнести все безыдейные попытки потерпевших крушение механистов отыгаться на крайне тенденциозной «критике» вырванных из общего контекста прежних высказываний отдельных участников дискуссии, не имеющих никакого прямого отношения к современной дискуссии. Среди этих высказываний, если взять их в общем контексте, есть совершенно бесспорные, и атаки на эти формулировки со стороны механистов могут свидетельствовать лишь об их неумении разобраться в элементарных вопросах. Есть среди

этих формулировок и неудачные и ошибочные. Всяческого осуждения однако заслуживают попытки спекулировать на этих формулировках со стороны товарищей, которым принадлежат такие перлы (число этих примеров насчитывается многими десятками).

1. «Высота нормы накопления оказывается ограниченной необходимостью обеспечить государственной промышленности не более медленный темп накопления, чем тот, который развивает частнохозяйственный сектор. Норма накопления госпромышленности не должна быть ниже нормы накопления частного хозяйства, ибо без этого не мыслима была бы индустриализация. В частности она не должна быть ниже(?) нормы накопления промышленности капиталистических стран, ибо в противном случае степень нашей экономической и технической отсталости не уменьшалась бы, а возрастала» (А. Кон, О «Новой экономике» Преображенского, с. 42, разрядка автора). Так выглядел еще недавно в карикатурном изображении А. Кона лозунг нашей партии:—«догнать и перегнать капиталистический мир».

2. «В буржуазной науке принято утверждать, что развитие производительных сил при капитализме своим источником имеет капиталистическую погоню за прибылью. Нет ничего ошибочнее, чем такое предположение» (С. Бессонов, статья в «Книге для чтения по истории империализма», 1930 г., с. 46). Таким образом автор, утверждавший, что «прежде всего движущим мотивом и определяющей целью капиталистического производства является возможно большее самовозрастание стоимости капитала, т. е. возможно большее производство прибавочной стоимости» («Капитал», т. I, с. 320), попадает милостью Бессонова прямо в объятия «буржуазной науки».

3. Далее в этой статье развивается насквозь оппортунистическая «теория», будто «чем меньше доля зарплаты в себестоимости продукта,— а уменьшение этой доли является прямым следствием прогресса техники,—тем благоприятнее обстановка для повышения зарплаты», вследствие чего мы будто бы «имеем тенденцию к несколько повышенной зарплате в отраслях с высоко-развитой техникой производства» (там же, с. 71-72). Этим реформистским измышлением подменяет Бессонов закон обнищания Маркса и Ленина.

4. В этой же статье, вышедшей лишь на-днях из печати, Бессонов, без всяких оговорок рекомендует свою печально-знаменитую книгу «Развитие машин», в которой изложена в вульгаризованном виде теория организованного капитализма (с. 418-420 и др.) и которая насквозь проникнута духом богдановского «технизма» (с. 39-41 и др.).

5. «Мы имеем четыре основные предпосылки и условия некапиталистической эволюции мелкотоварного производства... Первая предпосылка лежит в самой структуре мелкотоварного производства... Структура самого этого производства основана на соответствии средств производства и рабочей силы... И в этой его двойственной природе заложена возможность как капиталистической, так и некапиталистической эволюции мелкотоварного производства» (К. Бутаев, статья в дискуссионном отделе «Большевика» № 8 за 1928 г., с. 85-86). Нет надобности напоминать, чью точку зрения выражает это утверждение насчет равноправия двух возможностей в эволюции простого товарного хозяйства, взятого изолированно от окружающей среды.

6. «Понятие равновесия производства принадлежит к числу самых основных понятий марксистской теоретической экономики. К исследованию всякой экономической формации мы приступаем с вопросом, как данная система поддерживает равновесие производства» (А. Кон, статья в «Проблемах экономики» № 1 за 1929). В противовес этому утверждению Бухарина — Кона т. Леонтьев писал несколько месяцев тому назад в «Правде»: «Ленин вслед за Марксом определяет задачи по-

литической экономии как открытие закона движения современного общества. Тов. Бухарин видит эту задачу в отыскании закона равновесия.. В одном случае равновесие берется как частный случай и, стало быть, подчиненный момент движения, рассматриваемого диалектически в качестве всеобщего состояния материи. В другом случае движение берется лишь как момент, усложняющий механическое понятие равновесия» (см. «Правду» номер от 8 сентября 1929 г.). В своем выступлении в Институте философии Комкадемии т. Кон почти дословно повторил эту мысль, по своему обыкновению при едином словом не отмежевавшись от своего противоположного, неверного утверждения.

7. «В нашем хозяйстве в среднем поддерживается равновесие общественного производства. Следовательно, существуют какие-то экономические законы, подгоняющие размеры производства каждого уклада (?) к общим размерам производства страны, следовательно, существует единство регулирования всего нашего хозяйства в целом (бухаринский закон трудовых затрат)» (А. Кон, статья в «Коммунистической революции» № 5 за 1928 г., с. 25).

8. «Теоретически, устами т. Бухарина, мы характеризовали нашу эпоху, как эпоху перерастания закона стоимости в закон пропорциональности трудовых затрат» (С. Бессонов, статья в «Экономической жизни» № 49 за 1929 г.).

Число подобного рода перлов, повторяем, можно было бы умножить во много раз.

Совершенно очевидно, что у современных механистов-экономистов, собравшихся в поход под умелым руководством тт. Бессонова и Кона, мы имеем дело не с отдельными случайными ошибками, а с определенной ошибочной концепцией, с завершенной механистической системой ошибок. Грубая натурализация общественных явлений, забвение историчности экономических категорий (абстрактный труд), смазывание специфичности товарно-капиталистического хозяйства, одностороннее сведение более сложных форм к более простым и целый ряд других немарксистских положений — этими чертами характеризуется механистическое направление в политической экономии, чрезвычайно близкое и родственное механистическому ревизионизму в философии. К каким политическим выводам ведет механистическая концепция — теперь общеизвестно. Поэтому партийцы-экономисты, стоящие в общем на правильной политической позиции и прикрывающие своими партийными именами механистическую систему взглядов, играют объективно чрезвычайно вредную роль.

Механисты выступают с определенной концепцией. Поэтому совершенно недостаточен отказ от отдельных ошибок. Им надлежит прямо и решительно порвать со всей системой взглядов, характерной для механистического направления, в котором тт. Бессонов и Кон фактически идут рядом со всякими Шабсами, Дашковскими, Кажановыми, хотя и не сливаются с ними полностью. Эта система взглядов состоит из целого ряда элементов, из которых лишь немногие перечислены в письмах тт. Бессонова и Кона. Многократно повторяемое т. Бессоновым утверждение, будто Маркс «всегда искал за поверхность (sic!) общественных явлений их материально-техническую базу» («Развитие машин», с. 40); отождествление производительных сил и производственных отношений; вульгарно-«материалистическая» трактовка сущности производственных отношений; превращение производственных отношений в пассивный рефлекс производительных сил, что ведет к замазыванию противоречий между ними и в конечном счете к выпадению социальной революции; народническая теория «сведения» капитала к определенному уровню техники и богатства; энергетический баланс Богданова—Кона; замена диалектики богдановской теорией равновесия; непонимание марксовой теории товарного фетишизма, забвение его объективной стороны; механическое противопоставление обмена классовым отношениям, ведущее к теории Туган-Барановского; бухаринская теория империализма, доведенная А. Коном до абсурда (см. его «Финансовый капитал», с. 99); оппор-

тунистическая теория «замирания товарного оборота», поддерживаемая т. Бессоновым в его письме; подкрашивание капитализма под гармонические цвета организованного хозяйства, — таков далеко неполный список тех важнейших элементов механической концепции, от которых тт. Бессонов и Кон до сих пор еще не отказались.

Читатель теперь поймет всю недопустимость попытки наших механистов изобразить «бухаринцем» одного из нижеподписавшихся (т. Леонтьева) на том «достаточном основании», что он указал на научную ценность таких экономических работ т. Бухарина, как «Политическая экономия рантье». Глубокая «принципиальность» этого нынешнего грубого трюка механистов станет очевидной, если вспомнить, что т. Кон еще башмаков не износил с того времени, когда он на страх всем своим врагам в качестве наиболее убедительного аргумента ссыдался на согласие т. Бухарина с его позицией (заявление на дискуссии в Институте народного хозяйства, 1928 г.), или предостерегал на диспуте о советском хозяйстве от нападений на т. Бухарина в вопросах теории советского хозяйства, хотя, дескать, т. Бухарин и ошибается в вопросах политики (дискуссия по докладу т. Бугасва в феврале 1929 г.). При этих обстоятельствах безыдейные попытки шельмования товарищей, принимавших достаточно активное участие в той критике бухаринской концепции, которая в конце концов заставила тт. Бессонова и Кона выступить с признанием своих механистических ошибок, должна встретить самое решительное осуждение.

Мы решительно отмечаем все безнадежные попытки т. Кона найти какую бы то ни было «близость» с одним из нижеподписавшихся. Мы полагаем, что ему должно быть достаточно той близости с Бессоновым, которая уже дала весьма махровые плоды.

Мы решительно отвергаем все попытки механистов приписать нам защиту ошибочных положений И. Рубина. Выше мы уже показали читателю, насколько эти измышления соответствуют действительности. Мы лишь обращаем внимание на грубейшие передержки, которые механисты допускают при этом. Слова А. Леонтьева, которые относятся к отдельным сторонам и частям работы Рубина, где мы имеем у Рубина дословное повторение Маркса, т. Бессонов «экстраполирует» собственными руками на всю работу Рубина в целом, создавая этим трижды недостойным приемом нужное ему впечатление «стопроцентной» защиты ошибок Рубина. Это станет совершенно очевидным, если взять приводимые т. Бессоновым слова не в искусственно выдернутом и «переработанном» виде, а в их контексте. Первая цитата гласит: «Вместо поверхностной «популяризации» и явного искажения марксовской теории товарного фетишизма мы здесь встретили попытку восстановления того истинного глубокого смысла, который эта теория имеет у Маркса». Слова «эта теория» явно относятся к теории товарного фетишизма, в отношении которой т. Бессонов ныне вынужден взять значительную часть своих богдановских возражений обрат. Укоротив мою фразу, с одной стороны, и собственноручно вставив слова («т. е. теория стоимости»), т. Бессонов получает нужный ему эффект. Никакой магии...

Еще более упрощенно т. Бессонов «обрабатывает» вторую фразу Леонтьева, где речь идет о том, что в некоторых «решающих (для периода борьбы с богдановщиной — *Авт.*) пунктах работа Рубина являлась непосредственным продолжением антибогдановской разработки основных вопросов экономической теории Маркса... которая базируется на правильном понимании духа экономического учения Маркса». Ясно, что последние слова, выхваченные т. Бессоновым из контекста, относятся к «антибогдановской разработке» в целом, что отнюдь не исключает наличия ряда ошибок в отдельных произведениях этого направления. И действительно в той же статье указывается, что «критика рубинских произведений (имеется в виду не механистическая критика — *Авт.*) обнаружила целый ряд отдельных дефектов в формули-

ровках, в различных детальном определении и т. п.». Далее там говорится: «Мы не думаем, чтобы в настоящем своем виде работы Рубина были абсолютно безупречны. Можно сказать заранее, не сомневаясь, что внимательная и добросовестная критика может обнаружить еще ряд подлежащих исправлению формулировок, еще не мало подающих повод к недоразумениям определений». Все это т. Бессонов скрывает от читателя, приписывая нам установку, которой мы никогда не разделяли.

Еще проще т. Бессонов «расправляется» с тт. Греблисом, Короваем и Степановым. Он попросту приписывает им цитату, взятую из статьи их соседа по сборнику т. Г. Деборипа. Разумеется, и тут т. Бессонов оказывается верным своему методу «экстраполяции». То, что т. Деборин говорит по совершенно частному поводу одного лишь определения, т. Бессонов своим методом цитирования «обобщает». Любопытно, что этим частным случаем является определение политической экономии как науки о производственных отношениях, в противовес бессоновскому требованию «равноправия», от которого он сам был вынужден многократно отказаться. У упомянутых зря т. Бессоновым трех авторов имеются указания на отдельные ошибочные положения Рубина, об этих указаниях т. Бессонов скромно умалчивает.

Точно так же дело обстоит со всеми облыжными обвинениями, которые выдвигаются как в декларации 12, так и в письмах т. Бессонова и Кона против ряда товарищей, выступивших на борьбу против механистического ревизионизма. Повсюду одна и та же «методология», которая должна быть решительно осуждена.

Крайняя неискренность внешнего выступления механистов особенно ясна из следующего заявления т. Бессонова: «Настоящее мое письмо лишь подкрепляет и подтверждает позицию, занятую мною еще в весеннем споре, являясь вместе с тем прямым вызовом той группе товарищей, которая до сих пор шла слепо за Рубиным». Смысл этого заявления и аналогичных претензий А. Кона должен быть разоблачен до конца. В весеннем споре тт. Бессонов и Кон ни словом не упоминали о механистическом ревизионизме, полностью и целиком защищая позиции последнего. В весеннем споре т. Бессонов дал дикий лозунг насчет «равноправия» производительных сил и производственных отношений, от которого он был вынужден вскоре же отказаться. В весеннем споре тт. Бессонов и Кон защищали внеисторическое физиологическое толкование абстрактного труда, которое по их же собственному теперешнему признанию является основой концепции закона трудовых затрат. В весеннем споре тт. Бессонов и Кон отождествляли форму с содержанием в одних случаях для того, чтобы начисто отрывать их друг от друга в остальных случаях. В весеннем споре т. Бессонов выступил с системой взглядов по вопросу об овеществленных и неовеществленных отношениях, по вопросу об общественном и техническом разделении труда, о товарном фетишизме, которая прямым ведет к теории организованного капитализма. В весеннем споре т. Бессонов выступил с двумя обширными статьями, которые он сейчас не смеет переиздать даже в сборнике механистов. В весеннем споре тт. Бессонов и Кон и их единомышленники устроили на тысячном собрании в Институте красной профессуры овацию правому оппортунисту Д. Марецкому, выступившему с механистической речью, являвшейся теоретическим обоснованием платформы правого уклона. В весеннем споре т. Бессонов в своем заключительном слове попытался совершенно недостойной травлей дискредитировать тех товарищей, единственная «вина» которых заключалась в решительном отпоре Марецкому. В весеннем споре против механистического ревизионизма выступил коллектив товарищей, которые только в демагогическом изображении механистов «слепо шли за Рубиным», а на самом деле критиковали и критикуют неверные, ошибочные положения последнего, не ослабляя в то же время борьбы с основным противником — механистическим ревизионизмом. И при всех этих обстоятельствах тт. Бессонов и Кон не только

находят в себе смелость вспомнить про всепный спор, по заявляют при этом о подтверждении и подкреплении их тогдашней позиции. Это заявление заставляет, к сожалению, подозревать, что мы здесь имеем дело с очередным маневром, вызванным тяжелой для механистов обстановкой.

Смехотворным в устах обанкротившихся механистов является тот «прямой вызов», которым тт. Бессонов и Кон угрожают коллективу товарищей, дающих отпор всяким механистическим вылазкам. Совершенно возмутительной следует признать клевету т. Бессонова, будто группа экономистов-коммунистов должна еще «отмежеваться от меньшевистских извращений Рубина».

Необходимо объединение научных экономических сил партии. Огромные задачи, стоящие перед коллективом экономистов в области разработки целого ряда сложнейших проблем переходной экономики и современного капитализма, требуют скорейшего осуществления этого объединения. Если тт. Кон и Бессонов искренне хотят и понимают необходимость этого, то они должны честно и открыто, полностью и до конца признать ошибочной свою основную установку в происходящей дискуссии, отказаться целиком от всех своих грубейших ошибок, ведущих в болото правооппортунистической методологии, и навсегда отказаться от совершенно необоснованных, диких, а иногда и прямо лживых обвинений по адресу группы товарищей, занявшей в современной дискуссии правильную позицию борьбы с механистическим направлением в первую голову. Конечно, и независимо от того, признают ли механисты свои ошибки или будут сопровождать частичное признание рядом сомнительных маневров, объединение научно-коммунистических сил партии станет фактом. Оно произойдет на основе безусловного заострения нашей борьбы против механистического направления, смыкающегося с теоретическими концепциями правого оппортунизма, последовательной борьбы против идеалистических концепций всякого вида и решительной критики ряда неверных, уклоняющихся от марксизма положений в работах Рубина. Это объединение произойдет «на основе последовательно проводимого марксизма-ленинизма и его революционно-диалектического метода».

С коммунистическим приветом

Б. Борилин
А. Леонтьев

20 декабря 1929 г.

К ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНОЙ РАБОТЫ ЭКОНОМИСТОВ-МАРКСИСТОВ

За последнее время все больше проявляется и дает себя остро чувствовать разрыв между практической работой по переустройству нашей экономики и теоретическим осмысливанием этой практической работы; экономическая теория у нас отстает от жизни. Конечно, имеется достаточное количество объективных условий, приведших к такого рода отрыву, как-то: отсутствие достаточного количества подготовленных научных кадров, загруженность имеющегося небольшого состава текущей работой в учреждениях и педагогической работой и т. д. Но большое значение имеет также неорганизованность, распыленность той относительно небольшой научной работы, которая все-таки производится. Работа ведется отдельными небольшими группами, а еще чаще одиночками, очень мало или совершенно не связанными друг с другом. Параллелизм, кустарщина со всеми своими отрицательными последствиями очень сильно сказываются на результатах нашей работы. Результаты эти были бы гораздо более положительными при внесении большей организованности и планомерности в теоретико-экономическую работу.

Экономическая секция Коммунистической академии должна взять на себя организацию этой работы и разработать подробный план, т. к. эта сторона наиболее нуждается в доведении до сведения всей массы экономистов, научных работников.

Один из пунктов намеченного плана работы Экономической секции заключается в следующем:

5. Необходимо провести учет марксистов-экономистов, ведущих научно-исследовательскую и педагогическую работу в вузах как в Москве, так и в провинции, и организовать помощь им в их работе, которая должна выразиться в следующем:

а) В помощи отдельным товарищам и коллективам при выборе проблем для разработки.

б) В указании методов разработки и необходимых материалов.

в) В консультации (заочной и личной) по ведущимся разработкам.

г) В оценке присылаемых работ и необходимых указаний по содержанию работ, по методам их выполнения и т. п.

д) В организации помощи товарищам, находящимся в научных командировках путем прикрепления их к отдельным частям Секции для руководства и консультации.

е) В устройстве в отдельных случаях планомерной работы, если будет насчитываться несколько товарищей, ведущих аналогичную работу (доклады, семинары).

Секция создает в «Проблемах экономики» отдел консультации (обзора и т. д.).

Ясно, что вся намеченная в этом пункте программа сведется почти к нулю, если со стороны самих работников не проявится достаточно сильной тяги к превращению Секции Коммунистической академии в свой организующий центр. Секция заинтересована в

ознакомлении с научной работой, ведущейся марксистами-экономистами как в Москве, так и в провинции. Но не менее заинтересованы сами эти товарищи в ознакомлении с работой Секции и работой, ведущейся другими организациями и отдельными товарищами. Членами Экономической секции Комкадемии состоят наиболее квалифицированные экономисты-марксисты как в Москве, так и в провинции. Эти товарищи не откажутся дать свой совет и помощь в научной работе по их специальностям.

Но самое важное это — самоорганизация и связь. Эта связь может быть проведена как через специальный отдел в журнале Секции «Проблемы экономики», так и в индивидуальном порядке через письменное и личное обращение товарищей по адресу: Москва, Волхонка, 14, Комкадемия, Экономическая секция.

В заключение просьба ко всем товарищам-экономистам научным работникам — помочь Секции в постановке учета ведущейся работы и в ее организации. Организованная работа нуждается в организующем центре. Таким центром научной работы экономистов-марксистов может быть Экономическая секция Коммунистической академии. Превращение ее в такой центр зависит от активности самих экономистов-марксистов.

*Бюро Экономической секции
Коммунистической академии.*

А. СТАТЬИ

I. РЕДАКЦИОННЫЕ

От редакции

I, 3—6.

К пятидесятилетню т. Сталина: «Сталин и задачи социалистической реконструкции»

X—XI, 2—9.

II. ТЕОРИЯ КАПИТАЛИЗМА И МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

- Аболин Арт., Производительный труд и нематериальное производство
Д—XII, 110—124.
- Анисимов Н., К вопросу о теории оборота капитала
О—X—XI, 67—76, XII, 56—69.
- Бессонов С., Против выхолащивания марксизма
Д—I, 123—144, II, 78—117.
- Бессонов С., Понятие мирового хозяйства и концепции т. Бухарина
IX, 35—48.
- Блюмин И., К вопросу о труде, образующем стоимость
Д—X—XI, 131—154.
- Герчук Я., «Национальный доход» и экономические категории в системе Маркса
XII, 33—39.
- Греблис А.,
Коровой М., } О спорном и бесспорном
Степанов И., }
Д—X—XI, 155—171.
- Гурвич Э., К критике основных методологических положений концепции И. Рубина
Д—VI, 122—136.
- Донкин В., К методологии изучения проблемы экспорта капитала
VII—VIII, 35—48.
- Карпетов И., К вопросу о стоимости и цене в хозяйстве связи
О—VI, 34—47.
- Нац В., Теоретико-экономическое содержание понятия национального дохода
XII, 40—58.
- Нон А., О содержании понятия «равновесие производства»
I, 16—25.
- Нон А., Б. Борплин как критик
Д—VI, 87—121.
- Нон А., Несколько замечаний о теории «организованного капитализма»
IX, 49—61.
- Нон А., К критике механистической концепции исторического материализма
X—XI, 10—25.
- Нушин И., Совпадает ли общественная прибыль с общественной прибавочной стоимостью
О—VII—VIII, 17—34.
- Липидус И., Механистическая концепция в гегельянском наряде
Д—X—XI, 172—184.
- Лаптев И., Марксистские традиции в понимании предмета политической экономии
Д—VII—VIII, 143—157.
- Лившиц Б., К выяснению проблемы конъюнктуры
Д—III, 108—122.
- Любимов Л., Индивидуалистическая трактовка концепции Маркса
О—X—XI, 106—130.
- Погоннин В., Алгебраическое оформление марксовской схемы воспроизводства
X—XI, 77—90.
- Раскин Б., Ссудный, финансовый и производительный капитал
Д—I, 145—163.
- Розенберг Д., Производительные силы и производственные отношения в марксистской политической экономии
Д—VII—VIII, 136—142.

¹ Римскими цифрами обозначен номер журнала, арабскими—страницы; стоящие после заглавия статьи буквы означают: Д—что статья помещена в дискуссионном порядке, О—что статья помещена в порядке обсуждения.

- Розенберг Д., Производительный труд
Д—XII, 82—96.
- Рубин И., Против вульгаризации марксизма
Д—III, 83—107, IV—V, 127—156.
- Сайгушкин М., Абстрактный труд как материалистическая категория
Д—IV—V, 157—181.
- Хмельницкая Е., Марксова теоретическая экономия и специальные экономические науки
О—I, 39—53.
- Эснин М., Проблема производительного труда в экономической системе Маркса
Д—XII, 97—109.

III. СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА

(Теория, экономическая политика и конъюнктура советского хозяйства)

- Берковский Б., К вопросу о характеристике денежной системы СССР
Д—VII—VIII, 158—168.
- Бессонов С., К пересмотру пятилетнего плана (вопрос о транспорте)
О—X—XI, 26—35.
- Бочаров Е., Об одном важном пробеле в нашей экономической науке и литературе
IV—V, 195—202.
- Бумбер Я., Итоги и перспективы (к контрольным цифрам по сельскому хозяйству на 1929/30 г.)
IX, 62—71, XII, 28—32.
- Вейц В., К характеристике рационализации союзной промышленной энергетике
IV—V, 90—126.
- Гиммельфарб С., Индустриальное развитие СССР в пятилетнем плане
О—XII, 70—81.
- Гиммельфарб С., Некоторые основные линии роста промышленности СССР до 1928/29 года
О—X—XI, 47—66.
- Гольцман А., Проблема управления промышленностью
VII—VIII, 2—16.
- Гринько Г., План социалистического наступления
II, 3—28.
- Нац В., О распределительных и налоговых отношениях в СССР
III, 25—41.
- Нозлов Г., Основные итоги первого года пятилетки
IX, 17—31.
- Нузнецов Б. и Тайц М., О «законе трудовых затрат»
XII, 14—27.
- Нузовков Д., Перерождение налогов в переходный период
О—IV—V, 25—59.
- Нузовков Д., Перерождение косвенных налогов в переходный период
VII—VIII, 49—81.
- Мендельсон А., Хозяйственные задачи 1928/29 года
I, 7—15.
- Мендельсон А., Конъюнктура в условиях переходного периода
VI, 3—16.
- Мендельсон А., Народнохозяйственный план на 1929/30 год
IX, 3—16.
- Мотылев В., О типе индустриализации СССР
I, 26—38.
- Петров А., Проблема статистического изучения воспроизводства в СССР
VI, 17—33.
- Раскин Б., О природе денег в переходный период
Д—II, 118—133.
- Сабсович Л., О непрерывном производстве
X—XI, 36—46.
- Смит М., Проблема экономических кадров
О—XII, 3—13.
- Флаксерман Ю., Проблема энергетике в генеральном плане
III, 66—82.
- Шанин Л., Prolegomena к теории советского банка
О—IV—V, 60—73.
- Шапиро Д., Пути и перспективы «кустарного» производства
II, 69—77, VII—VIII, 126—135.

IV. КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

- Берштейн А.**, Теория прогресса бизнесмена
X—XI, 199—203.
- Блюмин И.**, К вопросу о кризисе австрийской школы
I, 74—101.
- Блюмин И.**, Теория Дилля
III, 42—65.
- Блюмин И.**, Теория Шпанна
IV—V, 74—89, VI, 68—86.
- Блюмин И.**, Теория Веблера
VII—VIII, 82—115.
- Герценштейн А.**, Новый труд Вернера Зомбарта
VI, 48—67.
- Глезерман Г.**, Теория цикла М. Бупятына
VII—VIII, 116—125.
- Кац В.**, Народный доход СССР в разработке буржуазной экономической мысли
I, 102—122.
- Леонтьев А.**, Сумерки капитализма в освещении его апологетов
III, 3—24.
- Леонтьев А.**, «Организованный капитализм» и «хозяйственная демократия»
IV—V, 3—24.
- Мотолынский С.**, «Города-сады — города будущего»
VI, 146—152.
- Павлов И.**, «Я не вижу выхода» (о кн. С. Чэйза)
X—XI, 203—214.
- Пашков А.**, Социально-экономические корни «австрийской школы»
I—IX, 72—103.
- Серебряков В.**, Неокантовская теория абстрактного труда
X—XI, 91—105.
- Хмельницкая Е.**, Проблемы прикладной экономики в новейшей буржуазной литературе
II, 29—46.
- Эвентов Л.**, О природе длительных колебаний в капиталистической динамике
I, 54—73, II, 47—68.

B. СПИСОК РАЗОБРАННЫХ КНИГ

- Бернштейн-Коган С.**, Введение в экономию промышленности. См. ст. **Бочарова Е.** «Об одном важном пробеле в нашей экономической науке и литературе»
IV—V, 198—199.
- Болдырев Г.**, Лекции по финансовой науке. **Боголенов Д.**
II, 159—162.
- Бочарер М.**, Газетное хозяйство. **Бочаров Е.**
XII, 131—134.
- «Буржуазные ученые о закате капитализма» **Эвентов Л.**
IX, 104—107.
- Велихов Л.**, Основы городского хозяйства; см. ст. **Мотолынского С.** «Города-сады — города будущего»
VI, 146—152.
- Гейнрих В.**, Основы универсалистической теории кризисов. **Балков В.**
VII—VIII, 180—187.
- Гинзбург А.**, Экономика промышленности. См. ст. **Бочарова Е.** «Об одном важном пробеле в экономической науке и литературе»
IV—V, 199—200.
- Гроткооп В.**, Шведский спичечный трест. **Натиньш М.**
III, 129—132.
- Губерман С.**, К теории капиталистического рынка и кризиса. **Герценштейн А.**
II, 148—154.
- Гурвич С.**, **Позняков В.**, Заработная плата. **Лиф Ш.**
VII—VIII, 169—173.
- Давыдов И.**, Абстрактный труд в учении Маркса о стоимости. См. ст. **Серебрякова М.** «Неокантовская теория абстрактного труда»
X—XI, 91—105.
- «Деньги и денежное обращение в освещении марксизма». Сборник **Петрищев А.**
VI, 152—156.

- Добб М.**, Возникновение и развитие капиталистического хозяйства. **Холмянский А.**
XII, 125—128.
- Ерманский О.**, Теория и практика рационализации. **Бессонов С.**
I, 164—167. См. испр. II, 162.
- Здобнов Н.**, Проблемы экономики книги. **Бочаров Е.**
XII, 131—134.
- Зомбарт В.**, Современный капитализм. **Рубинштейн М.**
IV—V, 182—186.
См. также ст. **Герценштейна А.** «Новый труд Вернера Зомбарта»
VI, 48—67.
- Илютович М.**, Экономические основы кожевенной промышленности и торговли. См. ст. **Бочарова Е.** «Об одном важном пробеле в нашей экономической науке и литературе».
IV—V, 197—198.
- Набо Е.**, Очерки рабочего быта. **Неллер В.**
III, 132—134.
- Нюфман Б.**, Производительный труд и метод Маркса. См. статьи **Эскина М.** и **Аболина А.**
XII, 97—124.
- Кривицкий М.**, Теория заработной платы германской социал-демократии. **Сегаль Л.**
II, 154—159.
- Нушин И.**, Диалектическое строение «Капитала» Маркса. **Кривицкий М.**
X—XI, 188—193.
- Леонтьев А.**, **Хмельницкая Е.**, Экономика промышленности. См. ст. **Бочарова Е.** «Об одном важном пробеле в нашей экономической науке и литературе».
IV—V, 200—201.
- Литвинов И.**, Экономические последствия столыпинского аграрного законодательства. **Низрин И.**
IV—V, 191—195.
- Максаковский П.**, Капиталистический цикл. **Ховен В.**
VII—VIII, 174—177.
- Марков И.**, **Ж. В. Сэй.** **Назарин А.**
VI, 137—140.
- Моргенштерн О.**, Хозяйственный прогноз. **Берштейн А.**
IV—V, 187—191.
- Мун Т. П.**, Империализм и мировая политика. **Дашевский Г.**
II, 134—140.
- Островитянов Н.**, К вопросу о земельной ренте в советском хозяйстве. **Позняков В.**
O—VI, 140—146.
- «Отход сельского населения на заработки в СССР в 1926/27 г.». **Гиммельфарб С.**
XII, 129—131.
- Пальчинский**, Введение в горную экономику. См. ст. **Бочарова Е.** «Об одном важном пробеле в нашей экономической науке и литературе»
IV—V, 196.
- Петри Ф.**, Социальное содержание теории ценности Маркса. **Надеждин Л.**
II, 140—148.
- Петров Н.**, **Степанов И.**, Предметный указатель к первому тому «Капитала» Маркса. **Деборин Г.**
X—XI, 185—188.
- Реймес В.**, Введение в историю хозяйства. **Казанский Б.**
X—XI, 194—199.
- Рубинштейн М.**, Капиталистическая рационализация. **Леонтьев А.**
I, 168—169.
- Сегаль А.**, Беседы по горной экономике. См. ст. **Бочарова Е.** «Об одном важном пробеле в нашей экономической науке и литературе»
IV—V, 197.
- Спектатор М.**, Мировое хозяйство до и после войны. **Люсин А.**
III, 123—128.
- Топпер С.**, **Вильям Петти.** **Назарин А.**
VII—VIII, 177—180.
- Трахтенберг И.** Современный кредит и его организация, см. ст. **Раскин Б.**
Д—I, 145—163.
- «Тяжесть обложения в СССР. Социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг.» См. ст. **Наца В.** «О распределительных и налоговых отношениях в СССР».
III, 25—41.
- «Фабрично-заводская промышленность СССР. Силовой аппарат, энергетический и топливный баланс». **Нукель-Нраевский С.**
III, 134—140.

- Фомин В.**, Экономика горной промышленности. См. ст. **Бочарова Е.** «Об одном важном пробеле в нашей экономической науке и литературе»
IV—V, 196.
- Фостер и Кетцинс.**, Путь к изобилию. См. ст. **Берштейн А.** «Теория прогресса бизнесмена»
X—XI, 199—203.
- Фройде З.**, Шведский спичечный трест. **Катиныш М.**
III, 129—132.
- Фролов В.**, Экономика нефтяного хозяйства. См. ст. **Бочарова Е.** «Об одном важном пробеле в нашей экономической науке и литературе»
IV—V, 196.
- Чэйз С.**, Люди и машины. См. ст. **Павлова И.** «Я не вижу выхода»
X—XI, 203—214.

В. ОТДЕЛ «НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ»

- «Американский биржевой крах и общий экономический кризис» (изложение доклада т. **Ю. Варга** и прений по нему в Институте мирового хозяйства и мировой политики Комакадемп). **А. Лерман.**
XII, 142—151.
- «Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса» (изложение диспута в Институте красной профессуры).
IV—V, 203—238.
- «Институт экономических исследований при Госплане СССР» (сообщение об организации, задачах и плане работы). **М. Г.**
XII, 139—141.
- «Категория рыночной ценности и ее место в экономической системе Маркса» (изложение доклада **В. Позняка** и прений по нему в Институте экономики Раппопа)
VI, 157—165.
- «Проблема организованного капитализма» (изложение докладов и прений в Институте мирового хозяйства и мировой политики Комакадемп)
IX, 108—117, X—XI, 215—232.
- «К организации научной работы экономистов-марксистов» (письмо бюро Экономической секции Коммунистической Академии)
XII, 165—166.
- «Проблема энергетики в генеральном плане» (изложение прений по докладу **Ю. Флаксер-мапа** в подсекции техники Экономической секции Комакадемп)
III, 141—152.
- «Разделение труда и машина социалистической эпохи» (тезисы доклада **М. Рудакова** в подсекции техники Экономической секции Комакадемп)
X—XI, 232—235.
- «Рационализация и техника» (изложение доклада **И. Бурдянского** и прений по нему в подсекции техники Экономической секции Комакадемп)
VII—VIII, 188—203.
- «Экономическая энциклопедия» (сообщение о содержании, характере и плане издания)
III, 153—154.

Г. ПИСЬМА И МАТЕРИАЛЫ К ДИСКУССИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

- Библиография дискуссии XII, 134—138
- Письмо **Н. Березина**, **Б. Бориллина** и др. X—XI, 236—239
- » **С. Бессонова**, **Я. Бумбора** и др. X—XI, 239—243
- » **С. Бессонова** X—XI, 244—247
- » **Б. Бориллина** и **А. Леонтьева** XII, 152—164
- » **А. Кона** X—XI, 248—250
- Постановление редакции «Правды» X—XI, 236
- Резолюция кафедры политической экономии Коммунистического университета им. **Я. Свердлова** X—XI, 244
- Резолюция экономистов Института красной профессуры X—XI, 243
- » » **Раппопа** X—XI, 243—244

**БИБЛИОТЕКА
ГОСПЛАНА**
С С С Р.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Бессонова С, Бориллин Б., Кона А., Кривман Л., Леонтьев А., Мартенс Л., Мендельсон А., Милютин В., Ронин С.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	<i>Стр.</i>
М. СМИТ — Проблема экономических кадров	3
Б. КУЗНЕЦОВ, М. ТАЙЦ — О „законе трудовых затрат“	14
Я. БУМБЕР — Итоги и перспективы	28
Я. ГЕРЧУК — „Национальный доход“ и экономические категории в системе Маркса	33
В. КАЦ — Теоретико-экономическое содержание понятия национального дохода	40
Н. АНИСИМОВ — К вопросу о теории оборота капитала	59
С. ГИММЕЛЬФАРБ — Индустриальное развитие СССР в пятилетнем плане	70

ТРИБУНА

Д. РОЗЕНБЕРГ — Производительный труд	82
М. ЭСКИН — Проблема производительного труда в экономической системе Маркса	97
А. АБОЛИН — Производительный труд и нематериальное производство	110

БИБЛИОГРАФИЯ

А. ХОЛМЯНСКИЙ — М. Добб. Возникновение и развитие капиталистического хозяйства	125
С. ГИММЕЛЬФАРБ — Отход сельского населения на заработки в СССР в 1926/1927 году	129
Е. БОЧАРОВ — Н. Здобнов — Проблемы экономики книги. М. Бочаров — Газетное хозяйство	131
А. ЛЕРМАН и Б. К. — Библиография дискуссии в теоретической экономике	134

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Институт экономических исследований при Госплане СССР — М. Г.	139
Американский биржевой крах и общий экономический кризис — А. Лерман	142
Письмо в редакцию Б. Бориллина и А. Леонтьева	152
К организации научной работы экономистов-марксистов	165
Содержание журнала за 1929 год	167

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОСПЛАНА СССР

„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

МОСКВА, Ильинка, Нарунинская пл. № 1. Тел.: Управл. Делами 1-35-42.
Торг. Отд. 2-30-85, добавочн. 153.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1930 ГОД

на ежемесячный политико-экономический журнал

„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

Под редакцией **Г. М. Кржижановского, Н. А. Ковалевского, С. Г. Струмилина, А. С. Мендельсона и Р. Е. Вайсберга**

Отв. редактор — **Н. А. КОВАЛЕВСКИЙ**

В 1930 году к журналу „Плановое Хозяйство“ будут даны ТРИ ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1930/31 г. Цена 6 руб.
2. Кон'юнктура мирового хозяйства. Под редакцией Л. Я. Эвентова. Выходит ежемесячно двумя сериями (А и Б). Цена 24 руб.

Серия А содержит: обзоры и оценку по отраслям мирового хозяйства и анализ положения важнейших товарных рынков (в первую очередь наших экспортно-импортных товаров).

Серия Б содержит: оценку кон'юнктуры мирового хозяйства в целом по отдельным странам, а также анализ важнейших динамических процессов в мировом хозяйстве.

3. Мировое хозяйство на рубеже 1930 г. Цена 3 руб.

Подписная цена на 1930 год

Без переплета:

В переплете:

На 12 мес. б/приложений	— 24 руб.	На 12 мес. б/приложений	— 28 руб.
» 6 »	— 13 »	» 6 »	— 15 »
» 12 » с приложениями	— 57 »	» 12 » с приложениями	— 61 »
» 6 »	— 46 »	» 6 »	— 48 »

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА на журнал „Плановое Хозяйство“ с любым из приложений, а также и на один приложения. Цена приложений в розничной продаже будет значительно выше подписной.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ только на 1 год или полгода с 1 января или с 1 июля.

НОВЫЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК

Орган президиумов Госпланов СССР и РСФСР

„НА ПЛАНОВОМ ФРОНТЕ“

Под редакцией **Г. М. Кржижановского, Э. И. Квярига, Н. А. Паскуцкого, А. Б. Маймина, А. И. Бердинова, В. А. Левина, С. С. Диканского, Х. А. Рапопорта и Н. Ф. Бумбера**

Отв. редактор — **А. Б. МАЙМИН**

Подписная плата на 1930 г. (24 книги) — 8 руб.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

НА ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ

„Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР“

в трех томах (пяти книгах)

Том I. „Сводный обзор“. Том II. Ч. I. „Строительная производственная программа плага“. Том II. Ч. II. „Социальные проблемы, проблемы распределения, труд и культура“. Том III. „Районный разрез плага“. Приложение к III тому. „Объекты нового строительства государственной промышленности на пятилетие“.

Цена одного комплекта „Пятилетнего плага“ с картой „Пятилетнего плага народно-хозяйственного строительства“, в 4-х красках — 15 руб. с пересылкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Изд-вом „Плановое Хозяйство“, Москва, Карунинская пл., 1, а также уполномоченными, снабженными спец. тал. доверенностями.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ТЕХНИКА УПРАВЛЕНИЯ“

Москва Ц., Ильинка, Рыбный пер., 2, пом. 28.

ВНИМАНИЮ ПАРТИЙНОГО, ПРОФСОЮЗНОГО, КООПЕРАТИВНОГО АКТИВА,
ОРГАНОВ НК РК, РАЦИОНАЛИЗАТОРОВ, ХОЗЯЙСТВЕННИКОВ, АДМИНИ-
СТРАТОРОВ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1930 г.

НА СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Ежемесячный иллюстрированный журнал

„ЗА РАЦИОНАЛИЗАЦИЮ“

ОРГАН ЦКК ВКП (б) — НКРМ СССР

3-й год издания

Отв. редактор И. А. Меницкий.

Журнал ставит себе целью мобилизовать советскую общественность вокруг РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА, как коренной проблемы развития нашего хозяйства и стремиться к созданию рационализаторского движения в СССР, способствуя его научно-выдержанному и практически целесообразному направлению, внося в него единство и планомерность, усиливая темп его развития и содействуя вовлечению в него широких рабочих масс

„ЗА РАЦИОНАЛИЗАЦИЮ“ разрабатывает методологию рационализации, ее принципы и методы.

„ЗА РАЦИОНАЛИЗАЦИЮ“ обобщает опыт рационализации у нас и за границей.

„ЗА РАЦИОНАЛИЗАЦИЮ“ освещает дефекты и достижения нашей рационализации.

„ЗА РАЦИОНАЛИЗАЦИЮ“ содействует обмену опытом между широкими рационализаторскими кругами

„ЗА РАЦИОНАЛИЗАЦИЮ“ выдвигает „узкие места“ нашего рационализаторского движения, сосредоточивает на них внимание, содействуя их устранению.

„ЗА РАЦИОНАЛИЗАЦИЮ“ разрабатывает вопросы организационного оформления рационализаторской работы, выступая в защиту рационализации и рационализаторов.

„ЗА РАЦИОНАЛИЗАЦИЮ“ вырабатывает методы привлечения широких рабочих масс к активному участию в рационализации.

К журналу в 1930 г. будет дано приложение в виде библиотечки, охватывающей следующие вопросы:

- 1) Принципы и методы рационализации.
- 2) Схема управления промышленностью и место в ней органов рационализации.
- 3) Организация производственных предприятий.
- 4) Рационализация организации производства (специализация, нормализация, стандартизация).
- 5) Силовое хозяйство и его рационализация.
- 6) Рационализация внутризаводского транспорта.
- 7) Методы обследования промышленных предприятий.
- 8) Контроль качества продукции.
- 9) Техническое нормирование.
- 10) Рационализация инструментального хозяйства.
- 11) Уход за оборудованием.
- 12) Организация снабжения и складского хозяйства.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА

На 1 год (12 №№).
Без приложения
С приложением

7 р. 50 к.
10 р. — к.

на 6 м-цев.
4 р — к.
5 р. 50 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА

1930
ГОД

На ежемесячный научно-технический журнал

„ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ“

ГОД ИЗДАНИЙ 8-й

ЕДИНСТВЕННЫЙ В СССР научно-популярный иллюстрированный журнал, посвященный новейшим достижениям практической электротехники, планового электроснабжения, кооперативной, местной и сельской электрификации

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

Подписка принимается только за 4 р. 20 к. Отдельный номер 40 к. ко на 12 мес. (с доставкой) в продаже . . .

Все годовые подписчики журнала получают стеной художественно выполненный юбилейный календарь журнала «Электричество» (с портретами выдающихся деятелей по электротехнике) на 1930 год

Заказы направлять в контору ЖУРНАЛОВ:
Москва, Центр, пл. Ногина, дом ВСНХ, 1 подъезд, 1 этаж,
комн. 120, тел. 1-57-19.

6 год издания

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1930 год

„КРЕДИТ и ХОЗЯЙСТВО“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ
БАНКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

Под редакцией: Е. С. Лурье, Г. Л. Наглер и А. П. Спунде.

Издание банков (Госбанк, Промбанк, Внешторгбанк, Всекобанк, Цеком-банк, Мосгорбанк, ЦСХ Банк и Россельбанк).

В журнале установлены следующие постоянные отделы: Общие вопросы кредита и денежного обращения, банковская практика и рационализация, юридический отдел, иностранный отдел, из общественной жизни банков, кредитное обозрение, статистика и библиография.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На год с 1 января 12 р., на 6 мес. 7 р. Цена отдельной книжки 1 р. 25 к.

Для банковцев и вузовцев—льготная подписка (обращаться непосредственно в редакцию).

На год с 1 января 6 р.; на 6 мес. 3 р.; на 3 мес. 2 р. Цена отдельной книжки 80 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в Москве: 1) в редакции журнала, Ипатьевский пер. 2, во дворе, телеф. 3-34-57, 2) в Секторе печати Моспочтамта и во всех почтовых учреждениях СССР; 3) в Контрагентстве печати, Б. Дмитрова, 34/10 и во всех провинциальных отделенных контрагентств, 4) в Акц. Изд-м О-ва «Огонь», Тверская, 37; **в Ленинграде:** Северо-Западное Областное Управл. Связи, Газетное бюро, ул. Подбельского 3/9; **в Харькове:** Всесоюзный Кооперативный и Издательский союз «Книгошкола», Горьковский пер., 2) Харьков-«Техкапга», ул. Либкнехта, 17/19; **в Клеве:** «Книгошкола», ул. Воровского, 48.

На 1930 год принимается
подписка на журнал

„ХЛЕБНЫЙ РЫНОК“

Издание Совета Съездов Биржевой Торговли Акц. О-ва
«Экспортхлеб» и Акц. О-ва «Союзхлеб».

Журнал специально посвящен вопросам хлебного хозяйства СССР. Необходим каждому работнику плановых, регулирующих, контрактующих и хлебозаготовительных организаций.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

Статьи по общим экономическим вопросам, связанным с интересами хлебного хозяйства, а также по вопросам: кооперирования и коллективизации зернового хозяйства, контрактации, заготовки и переработки хлеба, снабжения внутренних рынков, экспорта, элеваторно-складского дела, мукомолья, надзора за качеством зерна и муки, хлебных первоовок, техники и регулирования хлебного дела, мирового хлебного рынка.

Внутреннее обозрение
Иностранное обозрение

Статистика хлебооборота
Распоряжения по хлебному делу

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

на год — 15 руб., на 6 мес. — 8 руб., на 3 мес. — 4 руб. 26 коп.

ТРЕБУЙТЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА

„ХЛЕБНЫЙ РЫНОК“

№ 21 — 22 за 1927 г. Юбилейный номер, посвященный итогам хлебного дела СССР за 10 лет. Издание 2-ое. (Первое издание разошлось полностью).

В юбилейном номере впервые помещены все основные статистико-экономические данные по хлебному делу СССР за минувшие годы, которые до его времени нигде не были описаны воедино и исследованы.

Цена номера 1 р. 50 к.

№ 11 — 12 за 1928 г., посвященный вопросам реконструкции зернового хозяйства СССР.

Цена номера 1 р. 50 к.

№ 15 — 16 за 1928 г., посвященный Акц. Об-ву «Союзхлеб». Цена номера 1 о. 50 к.

№ 13 — 16 за 1928 г., посвященный вопросам мукомольно-крупяной промышленности СССР.

Цена номера 2 р. 25 к.

Посылающие деньги вперед на переводку не платят. Занавы и деньги направлять: Москва, Центр, Армянский пер., 2, Контора журнала „Хлебный рынок“.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1930 г. НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ **ВОПРОСЫ ТРУДА**

ВОСЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Ответственный редактор И. М. ЗАРОМСКИЙ.

Журнал «ВОПРОСЫ ТРУДА» освещает вопросы трудовой политики и практики, охраны труда, рынка труда, заработной платы, социального страхования, трудового права, профессионального движения и рабочего жилищного строительства.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

По СССР:		ЗА ГРАНИЦЕЙ:	
На 12 мес.	— 12 руб.	На 12 мес.	— 15 р.
„ 9 „	— 9 „	„ 9 „	— 11 „ 25 к.
„ 6 „	— 6 „	„ 6 „	— 7 „ 50 „
„ 3 „	— 3 „	„ 3 „	— 3 „ 75 „

Цена отдельного номера 1 р. 25 к.

ПОДПИСКУ ПРИНИМАЮТ:

- 1) Управление Изд-ва «ГОСТРУДИЗДАТ», Старая пл., 6, тел. 4-11-12.
- 2) Магазины; Никольская, 27 и Кузнецкий Мост, 12.
- 3) Отделения и книжные распределители Изд-ва при местных органах труда.
- 4) Почтово-телеграфные конторы и письмоносцы.
- 5) Книжки контрагентства печати.

„ЛЕС И ЗАВОД“

ОРГАН ВСЕСОЮЗНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА ДРЕВЕСИНЫ ВТУ ВСХ СССР
ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ПОПУЛЯРНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ГОД ИЗДАНИЯ I

ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

1. Политический обзор. 2. Техника, механизация и рационализация лесозаготовительных и лесотранспортных работ, рационализация заводской работы и специальных производств. 3. Техника безопасности. 4. Освещение жизни лесных трестов и предприятий. 5. Хроника. 6. Техническая консультация. 7. Новости техники у нас и за границей. 8. Беседы с изобретателями. 9. Что читать и где учиться. 10. Карманный отрывной справочник.

Журнал «Лес и завод» рассчитан на младший технический персонал и квалифицированных рабочих в леспромхозах, лесхозах и на предприятиях деревообрабатывающей промышленности.

Условия подписки:

В СССР: На 12 мес. — 4 р., на 6 мес. — 2 р. 10 к., на 3 мес. — 1 р. 10 к.
ЗА ГРАНИЦУ: На 12 м. — 2,50 долл., на 6 м. — 1,50 д., на 3 м. не принимаем.

Коллективная подписка принимается только на 12 месяцев и не менее, чем на 10 экземпляров журнала на 12 мес. — 3 руб. 60 коп.

При годовой подписке рассрочка платежа: при подписке вносится 50%, а остальные 1-го апреля и 1-го июля равными частями.

Прием подписки в Гостехиздате — Москва, Г П, 2, Ильинка, Юшков пер., 4. Во всех отделениях и магазинах Гостехиздата и почтовых предприятиях. Подробно см. последнюю стр. обложки.

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Москва, ГСП 10, Волхонка, 14. Телефон 2-38-97, 3-37-40

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1930 ГОД

ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Орган Комакадемии

Условия подписки:

На год—14 р., на 6 мес.—7 р. 50 к.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ НА АГРАРНОМ ФРОНТЕ

Орган Агр. инст. Комакадемии

Условия подписки:

На 1 год с I и II прил. — 30 р.
" 1 " с I прил. — 18 р.
" 1 " с II прил. — 24 р.
" 1 " без прил. — 12 р.
На 6 мес. " " — 6 р. 50 к.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Орган Инст. мир. хоз. и мир.
политики

Условия подписки:

На 1 год с I прил. — 20 р.
" 1 " с II прил. — 25 р.
" 1 " с I и II прил. — 30 р.
" 1 " без прил. — 15 р.
На 6 мес. " " — 8 р.

НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ ПРАВА

Орган Инст. права и сов. строи-
тельства Комакадемии

Условия подписки:

На 1 год с I прил. — 21 р.
" 1 " с II прил. — 18 р.
" 1 " с I и II прил. — 27 р.
" 1 " без прил. — 12 р.
На 6 мес. " " — 6 р. 50 к.

ИСТОРИК-МАРКСИСТ

Орган Всесоюзного о-ва истори-
ков-марксистов при Комакадемии

Условия подписки:

На 1 год с I прил. — 15 р.
" 1 " с II прил. — 24 р.
" 1 " с I и II прил. — 27 р.
" 1 " без прил. — 12 р.
На 6 мес. " " — 6 р. 50 к.

ТРЕХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПРОЛЕТАРИАТ СССР И ЕГО ПРОШЛОЕ

Орган секции по изучению исто-
рии пролетариата и Инст. Истории
Комакадемии

Условия подписки:

На 1 год.—10 р.
На 6 мес.—5 р. 50 к.

ТРЕХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И МАРКСИЗМ

Орган Секции естественных и
точных наук Комакадемии

Условия подписки:

На 1 год с прил. — 15 р.
" 1 " без прил. — 7 р. 50 к.
На 6 мес. " " — 4 р.

ТРЕХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПРОБЛЕМЫ КИТАЯ

Орган Научно-исследовательского
института по Китаю при Ком.
унив. трудящихся китайцев

Условия подписки:

На 1 год — 10 р.
На 6 мес. — 5 р. 50 к.

Подписка принимается только на календарный год или по полугодиям—
с 1 января или 1 июля. На другие или меньшие сроки подписка не принимается.
Подписку и переводы просим направлять по адресу Издательства.

ДВА РУБЛЯ 50 КОП.

